

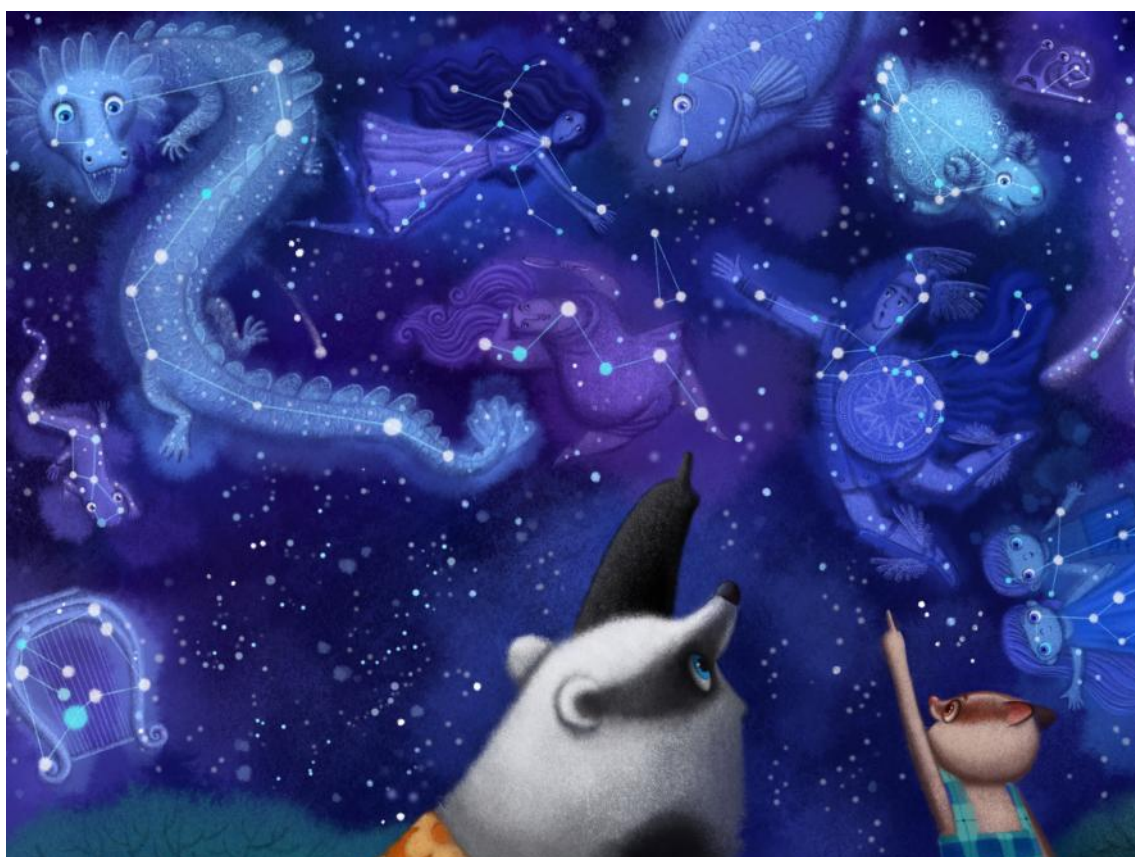
Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 1 (40) 2022

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2022

О временах, которые не выбирают...

Есть такое набившее оскомину якобы китайское проклятье: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!». Вот только где их взять-то, другие времена?! Чтобы без перемен. Потому и оскомину набило.

Времена, как известно, не выбирают, в них живут и умирают. Хочется в данном случае сделать акцент на слове «живут». Как-то не очень повезло нам с временами, вечно они выходят из-под контроля. Вроде только принаоровились, дом построили, дерево вырастили, в доме все обустроили, машину подогнали ко входу и даже стали подумывать о чем-то с балконом на море, чтобы утром солнце из волн поднималось и белый парус где-то вдалеке маячил, пусть ненадолго, на пару недель отпуска, но все же... а тут бац – и очередная эпоха очередных перемен. Вот и приходится все время жить в предлагаемых обстоятельствах. И все, что нам остается, это наполнить чем-то эти предлагаемые обстоятельства, а вот чем – зависит от личного выбора.

Даже в самые темные времена жизнь не останавливается, и люди продолжают влюбляться и любить, и Орфей спускается в царство мертвых, чтобы спасти Эвридику, и где-то в Вероне на балу-карнавале скрытый маской Ромео робко целует Джульетту, и Андрей Болконский приглашает на танец испуганную Наташу Ростову, впервые попавшую на бал. Самые трогательные истории любви случались во времена войн и тяжелых испытаний.

Даже в самые темные времена в мир приходят дети, разрывают криком все возможные и невозможные препятствия, им и невдомек, что не время.

Даже в самые темные времена люди бывают счастливы, как бы странно это ни звучало.

Потому что, несмотря ни на что, жизнь продолжается. Солнце все так же встает на востоке и, прочертив золотую тропу, садится на западе. В положенный срок приходит весна, взрываются звезды, рождаются новые планеты, плывет во Вселенной крохотная голубая точка – наша планета Земля.

В таких непростых обстоятельствах особенно остро мы ощущаем ценность жизни. Рядом наши близкие и родные, которым нужна наша поддержка и которые поддерживают нас, и это гораздо важнее материальных благ и комфорта.

Давайте наполним эти предлагаемые обстоятельства милосердием и любовью, состраданием и терпением, добротой и надеждой. Давайте не будем бросать друг другу резких обидных слов, оскорблений и проклятий. Давайте будем сдержанными, каким бы трудным и даже невозможным это ни казалось. Именно сейчас нужно уважать друг друга и помнить, что истина где-то рядом.

Давайте помогать нуждающимся, неважно, знакомые это люди и случайные, а может, оставшийся без хозяина кот или потерявшийся пес.

Давайте творить добро!

И помните: этот мир вполне проживет и без нас. А вот мы прожить без этого мира не сможем. Не красота спасет мир – мир спасет милосердие.

У китайцев есть и другое известное выражение: «Меняющийся мир порождает героев»...

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ

«СОТВОРЦЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ»

Художники Екатерина Комракова (Москва), Юлия Гончарова (Тула) и Олег Гончаров (Симферополь) рассказывают о себе, отвечая на вопросы журналиста Светланы Куликовой (МОССАЛИТ, Москва). Специально для «Московского BAZARa»

5

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 120-летию со дня рождения советской актрисы театра и кино, народной артистки СССР Любови Петровны Орловой

НОННА ГОЛИКОВА (Москва)

- *ЗДЕСЬ ЖИЛИ ГЕНИИ И КРАСАВИЦЫ*
(Из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев»)

21

ПРОЗА

СВЕТЛАНА КУЛИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *КУРОПАТКА «В КАЛИТКУ»*

АЛЕКСЕЙ КУРГАНОВ (Коломна)

- *...И КЕФИР СМЫВАЕТ ВСЕ СЛЕДЫ, или ЗНАКОМЬТЕСЬ: ШНАПС!*

ЙОРДАНКА ХРИСТОВА (Македония)

- *«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА» В МОЗАМБИКЕ*
(в авторской редакции)

АЛЕКСЕЙ КОТОВ (Архангельск)

- *ЦВЕТОЧЕК НА КАПОТЕ*
- *РУПОР ЭПОХИ*

35

44

48

57

58

ПОЭЗИЯ

ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ (Оренбург)

АЛЕКСАНДРА СКРЕБКОВА-ТИРЕЛЛИ (Бастилья, Италия)

АРТУР НОВИКОВ (Минск-Москва)

СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ (Москва)

ДМИТРИЙ КУРИЛОВ (Москва)

64

72

76

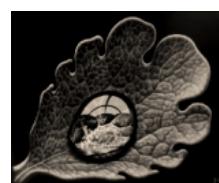
80

83

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Самарская область, с. Старая Балыкла)

- *ПИСЬМА ИЗ ПРОСТОКВАШИНА В ГРЕЦИЮ*
О романе Л. Юзефовича «Филэллин»

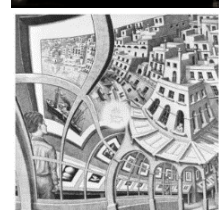

88

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА (Москва)

- *РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ МЫ НЕСЁМ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ. Этюды*
(Из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев»)

93

СМЕХОТЕКА

ИЛЬЯ КРИШТУЛ (Москва)

- *НЕ БРОСАЙТЕ МУЖЧИН! Грустный репортаж*

102

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ТАТЬЯНА ПОПОВА (МОССАЛИТ, Москва).

- *АЛИСА РАССУЖДАЕТ*

ГАЛИНА ИЛЬИНА (Пенза). Стихи для детей

СВЕТЛАНА ТЮРЯЕВА (Владимирская обл., г. Петушки)

- *ПИНЬКА (Продолжение)*

ИГОРЬ КАЛИШ (Нью-Йорк, США). Стихи для детей

105

108

111

116

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *КУЛЬТУРА ПОД НОГАМИ*

119

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АНАСТАСИЯ МИЛЮТИНА (Москва)

- *ИССЛЕДУЯ АЛТАЙ. Хроники одного путешествия.*

121

В оформлении журнала использованы репродукции картин и иллюстраций М. Эшера, Е. Комраковой, Ю. Гончаровой, О. Гончарова, Е. Поспеловой; фотографии из авторских архивов Н. Голиковой, О. Грушевской, Е. Образцовой, А. Милютиной. На обложке: О. Гончаров. Иллюстрация к книге про Пряника и Вареника «Звездочёты», автор И. Зартайская (издательство «Бином», 2019)

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*
 Главный редактор *Светлана Сударикова*
 Редактор-корректор *Ирина Чижова*
 Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж
 «Поэзия» – Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Андрей Баранов
 «Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова
 «Частная территория» – Светлана Сударикова
 «Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко
 «VazArt» – Ольга Грушевская
 «Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова
 «Детское чтение» – Ольга Уваркина

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

www.moscowbazar.com

© МОССАЛИТ

ИНТЕРВЬЮ

Специально для **МВ**

СОТВОРЦЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ

Интервью с художниками Екатериной Комраковой,
Юлией Гончаровой и Олегом Гончаровым

Беседу ведет журналист Светлана Куликова, член Союза журналистов России и Московского салона литераторов

Вы помните свою первую детскую книжку? Когда вы еще не умели читать, но с радостным любопытством узнавали, как выглядят Репка и Колобок, Бабка с Дедкой и Теремок? У меня первой в жизни книгой был сборник стихов Агнии Барто в картонной обложке, отпечатанный на серой рыхлой бумаге. Читали мне мама и бабушка, а я увлеченно разглядывала картинки. Плачущая Таня в белой блузке и красной юбочке, брошенный под дождем грустный Зайка, плюшевый Мишка с оторванной лапой – у меня, трехлетней, сердце замирало от жалости к нему, другие герои стихотворений известной писательницы поныне живут в памяти, и никакие иные образы, многократно изобретаемые иллюстраторами прошлого и настоящего, никогда их не вытеснят.

Тот художник, что вместе с автором стихов подарил мне первые образные впечатления и переживания, навсегда остался неизвестным. Зато много позже я сознательно стала обращать внимание на авторов рисунков к произведениям и сравнивать свое видение с тем, что показывает мне иллюстратор. Несовпадения ничуть не огорчали, я понимала, что художественное произведение дает возможность пропустить через свои чувства и воображение фантазию писателя. Разные читателя – разные образы. Художник тоже один из читателей, но, в отличие от прочих, он обладает способностью визуализировать свои мысли и ощущения с помощью изобразительных техник. Его визуализация может слиться с описанными автором героями и событиями и воображаемыми читателями, либо не слиться с ними.

Так я узнала имена иллюстраторов великих произведений и увидела страстную, мятежную Анну Каренину глазами Ореста Верейского (1915–1993), чистосердечную девочку Наташу Ростову – глазами Дементия Шмаринова (1907–1999), глупенькую, но добрую Пышку – глазами Константина Рудакова (1891–1949), сказочную жар-птицу – глазами Ивана Билибина...

У нас дома была большая библиотека классической литературы, никто не ограничивал меня в чтении, и я довольно рано прочла не только сказки, но и Толстого, Мопассана, Золя, Лескова, Шишкова, Мельникова-Печерского, Достоевского... Литературный винегрет получился еще тот, могла бы и каша в голове образоваться, ведь по настоящему понимать человеческие судьбы – хоть в жизни, хоть в романах – могут лишь люди с жизненным опытом. Полагаю, от этой каши меня спасали иллюстрации.

Во-первых, визуальные образы оживляют тексты, заменяют читателю личное участие в описанных событиях (оговорюсь: если произведение написано талантливо, а иллюстрации реалистичные и динамичные), делают в его воображении выдуманные миры и действующих

лиц в некоторой степени реальными. Во-вторых, иллюстрации сами по себе иногда становятся шедеврами изобразительного искусства и развивают эстетические вкусы читателей. Первый иллюстратор романа Льва Толстого «Война и мир» Михаил Башилов (1820–1870) работал над своими произведениями одновременно с автором. Он делал рисунки карандашом, а гравёр К. Н. Рихау резал их на дереве. Толстой и Башилов вместе создали галерею выразительных, динамичных сюжетов, которыми впоследствии вдохновлялись художники-иллюстраторы, театральные и кинопостановщики.

Порой, даже подзабыв содержание некоторых книг из детства, мы продолжаем в памяти хранить изображения их персонажей. Самый яркий, пожалуй, всемирно известный пример сотворчества писателя и художника – образ неведомого зверя Чебурашки, описанный Эдуардом Успенским и воплощенный в зримый образ Леонидом Шварцманом. Очень жаль, что авторские права на него Успенский продал японцам.

Великие художники испокон веку не чурались иллюстрирования произведений и становились сотворцами образов, созданных писателями и поэтами. Уверенно можно назвать Михаила Врубеля сотворцом лермонтовского Демона. В начале прошлого века произведения Пушкина вдохновляли на сотворчество Коровина, Серова, Нестерова, Поленова. Как иллюстраторы Библии (и не только) известны русские художники Александр Агин (1817–1885), Владимир Фаворский (1886–1964). Мало известна была как художник Елизавета Бем (1843–1914), но ее иллюстрации к детским книгам хорошо знали в России и за рубежом...

Детские книги в искусстве иллюстрации я бы выделила в отдельное направление, которое очень бурно стало развиваться с наступлением цифровой эпохи. Особенность современного книгоиздания – постоянно растущий потребительский интерес к литературе для детей. Исследователи полагают: это связано с тем, что читающие молодые родители пользуются цифровыми источниками, а своим детям, не скупясь, приобретают хорошо изданные и красочно иллюстрированные бумажные издания авторов давно известных и современных. Нынешнее поколение детей называют поколением визуалов – они не склонны к запойному чтению, как это было с поколениями, рожденными до развития электронных средств распространения информации. Они любят смотреть и впитывать знания и эстетику через глаза и уши. Поэтому сегодня роль художников-иллюстраторов и мультипликаторов, создающих образы для детей и подростков, стала как никогда важной.

Персонажей литературы для взрослых авторства известных ныне писателей Пелевина и Прилепина, Водолазкина и Лукьяненко, Быкова, Веллера, Улицкой и т. д. и т. п., активно визуализирует кинематограф. «Детских» героев, рожденных в России, например Ежика в тумане Сергея Козлова, капитана Врунгеля Андрея Некрасова, нестарящего дядю Степу Сергея Михалкова и пр., мультипликаторы не обходят стороной, но персонаж на экране не порассматриваешь не спеша со всех сторон, да и не полезно детям подолгу сидеть у телевизора. Как следствие, пестрят сегодня полки книжных магазинов роскошными цветными изданиями для ребятшек всех возрастов. И поэтому мы пригласили сегодня для знакомства последователей знаменитых Ивана Билибина, Владимира Сутеева, Бориса Дехтерева, Виктора Чижикова и прочих иллюстраторов литературы для детей.

У нас в гостях трое молодых, талантливых, востребованных художников: москвичка Екатерина Комракова, однофамильцы Гончаровы – Юлия из Тулы (иллюстратор книг автора МОССАЛИТа Татьяны Поповой) и Олег из Симферополя. Они представляют на суд наших читателей свои работы и рассказывают о себе, отвечая на следующие вопросы журналиста Светланы Куликовой:

- Когда вы начали рисовать? Помните свою первую иллюстрацию?
- Что для вас книга? Вы любите читать? Прежде чем приступить к работе над иллюстрациями, вы читаете произведение «от и до»? После долго размышляете? Есть такие тексты, которые очень трудно иллюстрировать или даже не хочется приступать?
- Классика или современность – что ближе по духу? Интереснее? Сложнее? Есть любимый автор? С кем из авторов (или издателей) вы хотели бы поработать? А есть авторы, у которых вы любимый иллюстратор?
- В работе над образами больше помогает чтение литературы или наблюдение за жизнью?
- Литераторы нередко пишут «в стол», а вы «в стол» рисуете?
- Традиционный вопрос: планы на будущее? Есть у вас мечта?

ЕКАТЕРИНА КОМРАКОВА (Москва)

Родилась в 1977 году в Москве. Окончила МГАХИ им. Сурикова по мастерской книги. Сотрудничает с ведущими российскими издательствами как художник-иллюстратор. Около 100 проиллюстрированных книг. Постоянный участник книжных выставок.

Рисовала всегда и рисовала постоянно, как только смогла держать карандаш. Папа был художником-иллюстратором, а мама музыкантом. Оба не хотели, чтобы я пошла по их стопам. Папа видел во мне музыканта, а мама говорила, что путь музыканта слишком тяжел, лучше стать художником.

Папа победил в этом споре, и со мной стали заниматься на фортепиано. Занятия нравились мне только лишь тем, что я вела дневник, куда записывала домашнее задание и рисовала в нем картинки, изображающие впечатления от музыки. Рисование в дневнике было моей единственно любимой частью музыкальных уроков.

Однажды я спросила у мамы, зачем нужно делать крещендо (эмоциональное усиление звука), и тут же была объявлена непригодной к музыкальным занятиям. Папа вздохнул и взялся за мое образование. Меня приняли в художественную школу. Сперва было ужасно скучно штриховать кувшины и чашки, но вскоре мне уже хотелось делать только это.

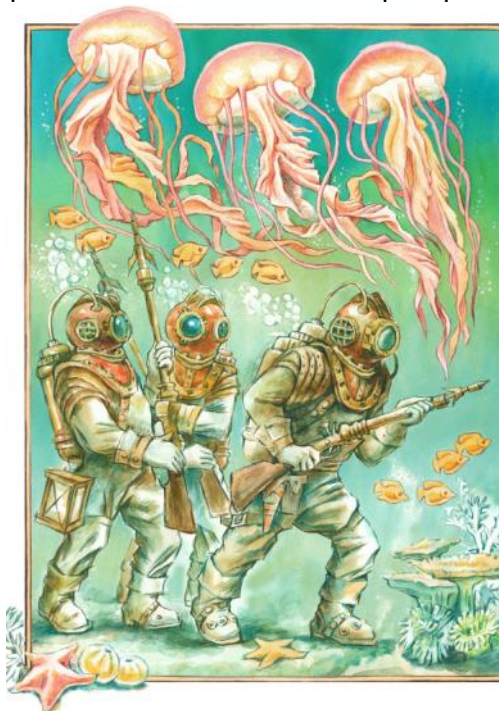
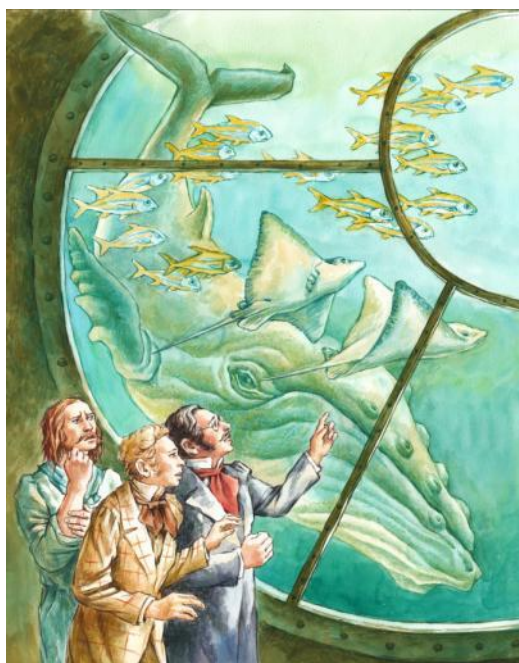
Папа всегда будет для меня недостижимым идеалом, ему я обязана всем, что умею.

Первый серьезный книжный заказ я выполнила на первом курсе института. Это были иллюстрации к Красной книге России. Мне надо было нарисовать около 30 видов мхов и лишайников. Это было еще в доинтернетную эпоху, поэтому материал приходилось собирать в

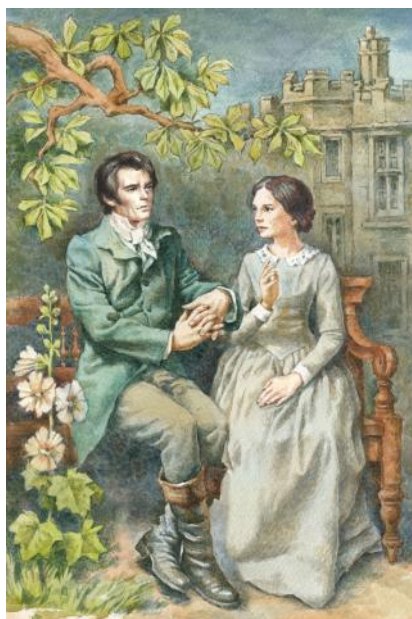

Иллюстрации к сказке Сельмы Лагерлев «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» (издательство «Алтей», 2020)

читальном зале библиотеки, перерисовывать фотографии из ценных книг, которые не выдавали на руки. Очень подбадривали работники библиотеки. Они радовались, что выходит красочно иллюстрированная энциклопедия и что они тоже участвуют в ее создании: помогают, подбирают книги. Это невероятно поддерживало. Ведь рисовать мхи не очень весело, если честно. Мечтала, чтобы дали нарисовать розу. Но розы рисовали маститые иллюстраторы.

Иллюстрации к роману Жюль Верн «20000 лье под водой» (издательство «Алтей», 2022)

Иллюстрации к роману Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» (Издательство «Качели», 2020)

Прежде чем начать рисовать, всегда вдумчиво читаю текст. Когда спешешь, чтобы сэкономить время, читаешь поверхностно, ничего хорошего из этого не получается. Необходимо прочувствовать характер героев, их внешний вид. Во время чтения сразу отмечаю для себя описания, ключевые моменты.

Когда делаешь иллюстрации к большому и сложному произведению, очень легко надеть ляпов, несоответствий тексту, и их тут же заметят читатели. Поэтому в процессе работы по несколько раз перечитываю текст.

Иллюстрация к повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» (издательство «Качели», 2022)

Иллюстрация к роману М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» (издательство «Стрекоза», 2017)

Иллюстрация к роману М. Твена «Принц и нищий» (издательство «Верже», 2018, «Качели», 2020)

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Еще, кажется, не написали такой текст, который не хотелось бы проиллюстрировать. Меня в этом смысле очень закалила работа в детском журнале – там порой попадались тексты, которые, на первый взгляд, невозможно проиллюстрировать. И тогда подключалась фантазия, и появлялся азарт, желание сделать это классно.

В последнее время в бесконечных поисках своего стиля прихожу к реализму, и появляются заказы на классику. Это очень меня радует, хочется совершенствоваться в этом направлении. Сейчас мечтаю проиллюстрировать какое-нибудь произведение Чарльза Диккенса.

Своих героев беру из жизни, из окружения. Точно знаю, что если бы не мои дети, то я не сложилась бы как иллюстратор. Всю свою любовь, все эмоции хотелось перенести в иллюстрацию, и это получилось, как мне кажется.

Никогда не рисую «в стол». Обычно приходится рисовать три-четыре проекта параллельно, и на рисование «в стол» просто нет времени. Но даже если бы время было, думаю, мой склад коммерческого иллюстратора не позволит рисовать для себя. Мне обязательно нужно «домашнее задание», сроки, гонорар. Когда все это есть, вдохновение не заставляет себя ждать. Не все художники любят рисовать на заказ, многих отталкивает необходимость подстраиваться под заказчика.

Мечтаю проиллюстрировать что-нибудь невероятно красивое и значимое: Ветхий и Новый завет для детей, «Войну и мир».

**Е. Комракова. Иллюстрация к сказке Сельмы Лагерлев
«Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» (издательство «Алтей», 2020)**

ЮЛИЯ ГОНЧАРОВА (Тула)

Родилась в апреле 1990 года. В 10 лет поступила в Лицей искусств на художественное отделение. Затем окончила Тульский государственный университет по специальности «Художник-проектировщик интерьера», получила красный диплом кафедры дизайна. Работает в сфере книжной иллюстрации. Проиллюстрировала более 30 книг и обложек для авторов и издательств. Из них 17 книг представлены в интернет-магазине «Лабиринт», 5 готовятся к изданию.

Ведет блог в «Инстаграм», где делится с другими иллюстраторами опытом и процессом работы. Преподает курс книжной иллюстрации.

Я начала активно рисовать еще в детском саду, каждый день приносила домой стопку рисунков. В основном это были принцы и принцессы, долгое время мы их хранили, но до сегодняшнего времени, к сожалению, мало что дожило. Очень удачно сложилось, что возле нашего дома в Туле находился единственный в своем роде Лицей искусств, где было представлено множество направлений обучения. Мама, видя мою тягу к рисованию, отдала меня на художественное отделение. С тех пор я не сворачивала с творческого пути.

Настоящая любовь к книгам у меня появилась уже во взрослом возрасте, с появлением ребенка. Потихоньку наш дом стал заполняться детской литературой, которую до сих пор читаю с большим удовольствием, чем взрослому. Сейчас это одновременно прекрасное времяпрепровождение за чтением вместе с сыном и изучение, впитывание опыта других иллюстраторов, которые работали над этими книгами.

Иллюстрация к сказке Юлии Ильиной «Мешочек счастья» (2020)

Иллюстрация к книге Майи Костюк «Санька и Сонька» (издательство «Аквилегия-М», 2022)

Если предстоит работа только над обложкой, то бывает достаточно аннотации к книге, пожеланий и технического задания от автора или редактора издательства. Если мне предстоит работа по иллюстрированию всей книги, то я обязательно внимательно читаю, иногда не раз, произведение целиком. Смысл и настроение считываются сразу, но важно не упустить детали: описание внешности героев, интерьера.

Обычно уже при первом прочтении в голове вспыхивают образы самых ярких сюжетов, которые я хочу перенести на иллюстрации. Чаще всего эти первые идеи и впечатления оказываются самыми удачными. Но, конечно, бывают сюжеты, над которыми приходится попотеть, покрутить их с разных сторон, попробовать разные компоновки.

Я стараюсь в каждом тексте найти интересные моменты, как-то по-новому для себя их отработать. Мне нравятся новые непростые темы, они не дают заскучать, превратить иллюстрирование в рутину. К тому же есть темы и тексты, которые помогают мне узнать много нового. Например, недавно мне довелось работать с книгой о телевидение и русском языке, во время иллюстрирования была проведена огромная исследовательская работа по изучению темы. К действительно сложным темам, тяжелым, я бы отнесла тему войны. В прошлом году я работала над графическим романом о современных военных конфликтах глазами детей,

Иллюстрация к книге Анны Федуловой «Вместе не страшно» (издательство «Стрекоза», 2021)

Иллюстрации к книге Анны Миченко «Гномик Тоша и аллергия» («Самиздат», 2022)

иллюстрировала историю мальчика, который рос во время палестино-израильского конфликта. Уже одно изучение референсов-фотографий с мест событий было морально крайне тяжелым делом. Но, несмотря на это, работа с такой темой позволила мне попробовать себя в новой технике, использовать новые визуальные приемы.

Пока мне довелось иллюстрировать только произведения современных авторов (Татьяна Попова, Марина Тараненко, Виктория Ледерман и др.). Это здорово! Современные авторы с каждым годом раскрывают в своих произведениях все более сложные и интересные темы. Оказывается, образы современных детей создавать ничуть не проще, чем образы исторических персонажей. Классика, конечно, тоже манит. Это и престиж, и испытание одновременно. Ведь так сложно иллюстрировать то, что уже было сделано до тебя, и не единожды, сложно найти свои уникальные образы всем знакомых героев. Не хочется ударить в грязь лицом, сделать хуже тех, кто делал это до тебя. Но, конечно, мечта таится в душе, надеюсь, мне удастся когда-нибудь поработать и с классикой.

**Иллюстрации к книге Татьяны Поповой «Волшебный банкомат-2»
(издательство «Антология», 2022)**

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

На данный момент мне хочется попробовать поработать с разными авторами и издательствами. Мне интересно сравнивать их подход к работе над книгой. Я сотрудничала с восемью издательствами, но хочется попробовать себя и у таких титанов как «Махаон», «Лабиринт», и у новичков – «40 книг», «Пять четвертей», «Архипелаг».

Есть авторы, которые с удовольствием возвращаются для работы над новыми проектами, это очень приятно!

Новые знания, которые отыскиваешь в интернете, за просмотром аналогов, прочтением текста, специализированной литературы для иллюстраторов сочетаются с прожитым опытом, наблюдением за детьми, воспоминаниями. Что-то приходит из моего детства, вспоминаю, как я сама повела бы себя в той ситуации, что и герой книги, что-то беру из повадок, привычек и облика своего сына и его друзей.

В основном каждый мой день занят работой над текущими заказами. Был период, когда я с удовольствием рисовала в скетчбуке быстрые пятнадцатиминутные сюжеты почти каждый день. Сейчас график такой плотный и заказы такие интересные, что отвлекаться на что-то другое не удастся. Но после напряженных периодов работы порисовать что-то для себя, не на заказ, бывает очень приятно.

Очень хочется подольше задержаться в этой удивительной профессии – книжный иллюстратор. Невероятно, но еще 4-5 лет назад я даже не задумывалась, что такие специалисты существуют, что кто-то рисует для книг, будто это какая-то печатная машина сама печатает картинки в книжках. А теперь я не представляю своей жизни без этой работы. Хочется все больше погружаться в мир книгоиздания, работать с новыми авторами, издательствами. Хочу и дальше развивать свою преподавательскую деятельность, мне нравится обучать начинающих иллюстраторов, избавлять их от страха неизвестности, уберегать от типичных ошибок. Надеюсь, все будет складываться удачно!

Иллюстрация к книге Татьяны Григорьян «Любовь не умирает» (издательство «Феникс», 2022)

ОЛЕГ ГОНЧАРОВ (Симферополь)

Родился в Симферополе 19 ноября 1988 г.

В 2005 году окончил Симферопольскую художественную школу и поступил в Крымское художественное училище, которое окончил в 2009 году. В этом же году поступил в полиграфический институт Украинской академии печати, которую окончил в 2011 году. С 2011 по 2012 гг. учился в Крымском гуманитарном университете.

С 2009 года и по сей день работает художником-иллюстратором.

С 2010 по 2016 гг. совмещал творческую деятельность с работой преподавателем в Крымском художественном училище.

Рисую я с детства, но первого рисунка не помню. Зато помню первую книгу, которую иллюстрировал. Мне было примерно лет тринадцать, я тогда даже в художественной школе не учился, просто рисовал для себя. Знакомые родителей, у которых было свое небольшое издательство, попросили меня проиллюстрировать небольшую книжицу, почти брошюрку, с детскими стихотворениями на украинском языке. Проиллюстрировал я ее, даже получил какой-то гонорар, порадовался и благополучно об этом забыл. Через много лет довелось снова эту книжку увидеть. Без боли не смог на нее смотреть, настолько на любительском уровне была сделана. Сейчас все делал бы иначе. Однако вот такой опыт в моей жизни и профессии был.

Иллюстрация к книге про Пряника и Вареника «Звездочёты», автор И. Зартайская (издательство «Бином», 2019)

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Что для меня книга? Это произведение искусства и удивительный материал, с которым я работаю как иллюстратор детской литературы. Читать я люблю, но времени на чтение чего-то помимо рабочих проектов нет. Читать взрослую серьезную литературу получается крайне редко. По роду деятельности мне необходимо знакомиться с работами других иллюстраторов и знакомство с литературой у меня чаще визуальное, в виде разглядывания картинок

Прежде чем приступить к работе над иллюстрациями, читаю произведение «от и до». Но бывает и так, что работа начинается уже в процессе прочтения. Вот читаешь главу или абзац и сразу делаешь набросок, фиксируешь впечатление. Тут очень многое зависит от того, какую идею вложил автор в произведение, насколько легко оно читается. Есть такие произведения, которые как песня льются, свободно. Яркий пример – это стихи и проза Андрея Усачева. С ними и работать легко. А бывает, особенно у новичков, произведения какие-то вымученные, с ними работать сложнее, не хватает продуманных автором образов. Приходится самому их искать.

Рисовать иллюстрации не сложно, бывает сложно ухватить идею, сочинить что-то новое. Приступаешь – и видишь: получается нечто вторичное, уже когда-то кем-то использованное. А хочется сделать свое, свежее, неповторимое.

Иллюстрации к книге «Обыкновенный папа», автор А. Морозовская (издательство «Стрекоза», 2021)

Иллюстрация к сборнику «Приключения Хомы и Суслика», автор А. Иванов (издательство «Лабиринт», 2021)

И если произведение вдохновляет на это, все получается, как вспышка – легко и радостно, а если нет, приходится тратить больше времени и сил. Не то чтобы мучиться, нет, но двигаться от одной иллюстрации к другой вдохновенно быстро уже не получается.

Никого не хочу обидеть, но есть такие бездарные тексты, с которыми работать трудно. Не берусь также за работу с текстами агрессивными, где есть жестокость. Много лет назад один автор прислал мне свои сказки, в которых намешал всего, что, по его мнению, популярно было в то время: всякие монстры, сражения, новые миры, роботы... Вот представьте это произведение: собранные в кучу трендовые куски, использованные уже в каких-то популярных

книгах или фильмах. То есть разнообразных персонажей и событий там было много, но никакой стройной картины из них не складывалось. Вот с этим текстом было тяжело работать. Сейчас от таких заказов я отказываюсь, а тогда не мог себе этого позволить.

Классика или современность? Это зависит от того, какая классика и какая современность. Если произведение известное, уже много-много раз иллюстрировалось, как, например, «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла, то браться за такое произведение нет желания. Но есть и мало иллюстрированная классика, и тогда хочется принять участие в создании образов. То же самое и с современной литературой.

Иллюстрация к сборнику «Приключения Хомы и Суслика», автор А. Иванов (издательство «Лабиринт», 2021)

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Сегодня немало прекрасных авторов, с которыми хочется работать. Есть теплые, душевные произведения, к которым так и просятся такие же теплые и душевные иллюстрации. И в то же время растет и ширится тенденция, особенно в подростковой литературе, писать о смерти, о болезнях-увечьях.

**Иллюстрация к обоям в детскую
для польской компании «Wonderwall», 2021**

Я не призываю замалчивать острые темы, но смаковать их не нужно. В текстах обязательно должен присутствовать позитивный выход из негативной ситуации, тогда и художнику работать с ними будет интересно.

Понимаю, что сегодня непопулярно говорить о цензуре, но полагаю, что некий разумный фильтр, отсеивающий из детской и подростковой литературы негатив, жестокость, агрессию и тому подобное, должен быть обязательно!

Любимый автор... Почти все авторы, с которыми мне довелось работать, замечательные и любимые! Вот, скажем, Анастасия Морозовская – у нее чудесные стихи про папу! Мы с ней выпустили очень хорошую, душевную книгу «Обыкновенный папа», и, если будет возможность продолжить наше сотрудничество, я возьмусь за работу с удовольствием. С Ириной Зартайской мы выпустили серию книг «Душевные истории про Пряника и Вареника».

У нас с ней очень продуктивное творческое сотрудничество получилось. Альберт Иванов, автор прекрасной книги «Приключения Хомя и Суслика», Роман Сэф, автор замечательных стихов, сборник которых я иллюстрировал, Андрей Усачев, которого я уже упоминал – все они горячо любимы! Любят ли они меня? Не знаю, это надо у них спросить.

**Иллюстрация к обоям в детскую
для польской компании «Wonderwall», 2021**

**Иллюстрации в сборник стихотворений К. Чуковского
(издательство «Вакоша», 2019)**

В работе над образами больше помогает наблюдение за жизнью или чтение литературы? Если имеется в виду специальная литература по профессии иллюстратора, то должен признаться, что ни одной такой книжки я не читал. Все профессиональные знания я получил на практике и в процессе обучения в художественном училище и академии печати. У нас были прекрасные преподаватели, которые щедро делились и опытом, и знаниями.

Если речь идет о художественной литературе, то хорошая литература много дает иллюстратору в процессе формирования образов.

Но в основе опыта, конечно, жизненные наблюдения прежде всего. В период учебы я часто ходил по городу, делал наброски и зарисовки самых разных людей в парке, на вокзале, на остановках, в общественном транспорте. Накопленная в тогда практика сейчас дает свои плоды: в работе я часто использую те наброски, заново осмысливаю их, дорабатываю или исправляю образы.

«В стол» я не рисую. Заказов так много, что приходится их ставить в очередь. Иногда в беседах с начинающими иллюстраторами, в соцсетях, встречаю вопрос: «Как найти работу? Где взять заказ?» С уверенностью могу ответить, что сегодня это не проблема для художника, который трудится и развивается. Когда я десять лет назад начинал, издательств и авторов было

намного меньше, чем сейчас! Сейчас же книг пишется и издается великое множество! Каждый день по несколько издательств и авторов выставляют объявления о том, что ищут иллюстратора. Важно не стоять на месте, постоянно практиковаться, делать хоть какие-то шаги в сторону поиска работы и своей реализации. Поверьте, это окупится, и очень быстро!

**Иллюстрации в сборник стихотворений К. Чуковского
(издательство «Вакоша», 2019)**

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Еще есть сейчас такая тенденция: ничему толком не научившись, новички пытаются поскорее монетизировать свое творчество. То есть монетизация, желание быстрее продать себя ставится выше мастерства, профессионализма, своего творческого развития. А должно быть наоборот – творческое совершенствование надо ставить выше быстрых продаж. Неспроста мы сейчас имеем огромное количество книг с совершенно безвкусными, безликими

Иллюстрации в сборник стихотворений К. Чуковского (издательство «Вакоша», 2019)

иллюстрациями, с отсутствующим пониманием композиции, цветовой гармонии у авторов. Речь не только о книжной иллюстрации и не только об иллюстрации.

Такая тенденция очень хорошо просматривается и в современной живописи, и в искусстве в целом. Какой же выход? Растите, развивайтесь! Если будете постоянно искать новые приемы, ставить перед собой новые задачи, порой критически, жестко оценивать свои работы, выявляя в них достоинства и недостатки, вы заметите, как по прошествии времени стали профессионалом. А если еще в процессе своего развития будете собирать портфолио, выставлять их в интернете, работа сама вас найдет. Не верите? Проверьте!

Никаких особых планов на будущее нет. Есть начатые проекты, которые необходимо завершить, есть грядущие проекты, которые предстоит начать. Самое главное – работать с удовольствием, с вдохновением. Именно этого и желаю вашим читателям: работайте с радостью, вдохновением! Пусть оно станет вашим самым лучшим другом и всегда будет рядом!

«Кастрюлькин командир», иллюстрация к сборнику стихотворений П. Синявского (издательство «Качели», 2018)

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 120-летию со дня рождения советской актрисы театра и кино народной артистки СССР Любови Петровны Орловой

Нонна Голикова
(Москва)

ЗДЕСЬ ЖИЛИ ГЕНИИ И КРАСАВИЦЫ¹

Секрет не в том, что нет других,
А в том секрет, что нет таких.

Е. Поспелова

Нонна Юрьевна Голикова, театральный критик, драматург, член Союза театральных деятелей России. Работала редактором на телевидении, заведующей литературной частью московских театров. Автор инсценировок и пьес, поставленных на московской сцене, целого ряда статей, радио- и телепередач о театре, в частности первой в истории советского телевидения передачи о Михаиле Булгакове. Пьеса о С. Есенине «Жизнь моя, или ты приснилась мне...» была представлена к Государственной премии Российской Федерации. Автор воспоминаний и книг о Л. П. Орловой и её окружении. Внучка Нонны Петровны Веселовой, родной сестры Л. П. Орловой.

Мягкий звук упавшего на землю яблока... Звонкий щелчок жёлудя о крышу... Дрель дятла... Тишина... Внуково. Это место на земном шаре для его старожилов навсегда останется счастливым сном детства и красоты. Я много ездила по Подмосковию, но нигде не видела таких огромных вековых деревьев, нигде не было такой растворяющей все тревоги тишины, как здесь. Здесь жили гении и красавицы.

Посёлок «Московский писатель» основан в 1939 году, но его часть, расположенная между прудом и шоссе, называлась «Весёлые ребята», так как здесь поселились создатели этой знаменитой комедии: Любовь Орлова и Григорий Александров, И. Дунаевский, В. Лебедев-Кумач, Л. Утёсов. Слава этих людей была всенародной, популярность – беспредельной. Поэтому никого не удивляло, почему им выделили по гектару земли со сказочным лесом.

По уставу этого дачного кооператива были разрешены заборы только из штакетника и только определённой высоты. Таким образом, общий вид этой зелёной сказки не разрушался и, идя по посёлку, ты оставался наедине с природой, а не брёл по глухому лабиринту из бесконечных стен.

¹ Из книги «Внуково. «Московский писатель». В тени больших деревьев». Дается в сокращении.

Любовь Петровна Орлова (1902–1975) – звезда советского и мирового кино. Лауреат двух Сталинских премий 1 степени (1941, 1950). Народная артистка СССР (1950).

В 2000 году в прессе был опубликован список 40 выдающихся личностей, оказавших наибольшее влияние на людей XX века. Наряду с такими именами, как Сталин, Черчилль, Эйнштейн, были только два имени актёров – Чарли Чаплин и Любовь Орлова.

Любовь Орлова родилась в Звенигороде в дворянской семье. Отец, П. Ф. Орлов, служил в военном ведомстве, мать, Е. Н. Сухотина, происходила из старинного дворянского рода.

Родители хотели, чтобы дочь стала профессиональной пианисткой, и в 7 лет отдали её в музыкальную школу. В 1919 году Любочка окончила Московскую школу, затем в 1919–1922 годах училась в Московской консерватории по классу фортепиано у педагога К. А. Киппа.

В 1922–1925 годах будущая актриса училась на хореографическом отделении Московского театрального техникума им. А. В. Луначарского (ныне ГИТИС), брала уроки актёрского мастерства у режиссёра Художественного театра Е. С. Телешовой. Одновременно она преподавала музыку и вела музыкальное сопровождение немых фильмов в московских кинотеатрах, иногда выступала с концертами перед киносеансами. После окончания театрального техникума выступала в Музыкальном театре им. В. И. Немировича-Данченко. В 1932 году солировала в роли Периколы в одноимённой оперетте Ж. Оффенбаха.

В 1933 году начинающий режиссёр Григорий Александров по совету друга, художника П. Вильямса, посмотрел «Периколу» в театре В. И. Немировича-Данченко, в котором играла Любовь Орлова. Режиссёр был потрясен талантом и красотой Орловой, и они познакомились. Эта встреча определила дальнейшую судьбу звёздной пары. Орлова стала женой Александрова, и он снимал её во всех своих фильмах.

Развитие советского кинематографа неразрывно связано с именем Любви Петровны Орловой. Актриса создала совершенно новый образ – яркий, энергичный, обаятельный, оптимистичный и очень музыкальный. Успеху Орловой способствовали её всесторонние таланты: она обладала профессиональным лирико-колоратурным сопрано, прекрасно танцевала, играла на фортепиано, виртуозно владела актёрским мастерством и к тому же легко участвовала в цирковых трюках. Её аристократическая внешность была безукоризненной, и она долгое время была эталоном красоты и культовой фигурой. Её роли в фильмах «Весёлые ребята» (1934), «Цирк» (1936), «Волга, Волга» (1938), «Светлый путь» (1940) имели всенародный успех, мгновенно завоевав зрительскую любовь, эти фильмы популярны и по сей день.

В годы Великой Отечественной войны Любовь Петровна побывала почти на всех фронтах, выступая с концертами перед советскими солдатами: под Минском, Киевом, Орлом, Белгородом, Харьковом и Курском.

С военным лётчиком В. Талалихиным на съёмке «Боевого сборника». 1941 г.

На фронте после выступления. 1942 г.

**Любовь Орлова и Леонид Утёсов
в кинофильме «Весёлые ребята». 1934 г.**

Любовь Орлова

После войны актриса продолжала сниматься в кино. С её участием были сняты знаменитые фильмы «Весна» (1947), «Встреча на Эльбе» (1949), «Мусоргский» (1950), «Мелодии Дунаевского» (1963) и др. С 1955 года Любовь Петровна работала в Театре имени Моссовета, где играла во многих спектаклях: «Русский вопрос» К. М. Симонова (1947), «Сомов и другие» М. Горького (1953), «Лиззи Мак-Кей» по пьесе реж. И. Анисимовой-Вульф (1955), «Милый лжец» Дж. Килти (1963), «Странная миссис Сэвидж» Дж. Патрика (1972). В 1974 году был снят последний фильм с участием актрисы «Скворец и Лира».

Л. П. Орлова имела много правительственных наград и званий, призов международных кинофестивалей. В 1941 году она была удостоена Сталинской премии 1 степени за исполнение сразу двух ролей: Марион Диксон в фильме «Цирк» и Стрелки в фильме «Волга, Волга», а в 1950 году – Сталинской премии 1 степени за роль Джаннетт Шервуд в фильме «Встреча на Эльбе». В 1947 году на VIII Венецианском кинофестивале ей был вручён специальный приз за лучшую женскую роль в фильме «Весна», этот приз она разделила с И. Бергман. В 1960 году Орлова была награждена Почётной грамотой Советского комитета защиты мира.

Память о великой актрисе живёт и по сей день. В её честь в 1985 году назван кратер Орлова на Венере. В 1976 году на верфи в Югославии было спущено на воду круизное судно, названное «Любовь Орлова». В Звенигороде открыт Культурный центр имени Любви Орловой, около которого установлен памятник актрисе работы архитектора А. Рожникова. Л. П. Орловой посвящено много документальных фильмов, телепередач, о ней написаны книги.

Любовь Петровна очень любила дачу во Внукове и часто приезжала туда отдохнуть душой и сбросить напряжение городской жизни. Последние годы Л. П. Орлова и Г. В. Александров жили во Внукове постоянно.

В моём послевоенном детстве здесь было всего четыре улицы – Гусева, Маяковского, Лебедева-Кумача и Полевая. Там, где теперь дачи МИДа и посёлок Внешторга, был лес, на месте посаженного лет сорок назад мрачного ельника было невиданной красоты поле с высокими травами и цветами. Заросший и теперь непроходимый овраг у пруда был любимым местом прогулок, и в начале лета его заливало голубым – цвели незабудки. На дне его была волейбольная площадка, где часто слышался гомон и смех молодёжи.

**Нонна Петровна Веселова (Орлова),
сестра Любови Петровны Орловой**

**Пётр Федорович Орлов,
отец Любови Петровны и Нонны Петровны**

Во Внукове, буквально через участок, жила любимая сестра Любови Петровны Орловой, Нонна Петровна, по мужу – Веселова. Любовь Петровна сама выхлопотала ей рядом кусок земли, чтобы не разлучаться. Сестры обожали друг друга, часто виделись. «Нонночка, королева моя!» – встречала Любочка сестру, появляющуюся на её пороге. А та и вправду королева. На длинной шее точёная головка с тонким профилем итальянской мадонны. Огромные, загадочной зелени глаза. И – свет мягкости, душевного изящества. И – ни на кого из семьи непохожа. И на неё – никто.

Да, бабушка знала толк в праздниках, ценила радости дружеского застолья. Пироги, пасхи. Куличи с влажной ветчиной от Елисеева. Запах кофе, малины, клубники прямо с грядки. Знаменитое печенье – «мазурки». Странно, но ни в одном доме никто никогда не делал это печенье под названием «мазурки». Все ахали, спрашивали рецепт, но не пекли, и «мазурки» навсегда стали неотъемлемой частью воспоминаний о бабушкином застолье. Теперь их пеку я...

Из рассказов Нонны Голиковой

Любовь Петровна была человеком довольно замкнутым и не любила, чтобы тишина и порядок её дома нарушались визитами друзей и знакомых, её дружеское окружение в основном клубилось и пенилось в гостях у её сестры, моей бабушки. Нонна Петровна жила общительно, широко, её застолья были нарядны, и стол ломился и был весь в цветах. Все блюда, салаты украшали настурции. Мало кто знал, что эти яркие цветы съедобны. И это было восхитительно – я почему-то зажмуривалась, когда в рот попадал ароматный цветок с нежным привкусом редиса. В тот момент я ощущала себя по меньшей мере сказочным эльфом. Как известно, именно эльфы питались цветами и цветочным нектаром.

Животные здесь всегда жили на правах членов семьи. В первые годы после войны многие заводили живность как источник будущих котлет и бифштексов. Нонна Петровна изо всех сил пыталась проявить совершенно не свойственную ей практичность и завела поросёнка. Он носился по всему посёлку в играх с нами – со мной и братом, стал жилист, поджар и за обедом,

Нонна Петровна с коровой Дочкой во Внукове

Иметь корову! В то время – 1950-е годы – корова могла быть только в колхозе. Для нигде не работающей горожанки корова была не просто корова, а частная собственность, которая была запрещена. Но для Любови Орловой не было ничего невозможного. Она добилась разрешения и купила для сестры корову. Её назвали Дочкой и поселили в пристройке к дому. Сено на зиму для Дочки доставал мой отец через подсобные хозяйства Генштаба Сухопутных войск СССР.

Из рассказов Нонны Голиковой

как собака, сидел под столом у ног домочадцев и пинал нас копытцем, пока не получал очередной кусок. Его звали Мишка, он был общителен и весел. Но однажды тяжело заболел воспалением лёгких и тут же был устроен в бабушкиной комнате, куда обычно никто, кроме меня, не допускался. Мишке ставили горчичники, делали уколы самого дефицитного тогда сульфидина, который Любочка привозила из-за границы. Большинство могло только мечтать о драгоценном лекарстве, и бабушка умоляла меня никому не говорить, что им лечили поросёнка... Мишкиного мяса так никто и не увидел. Так же, как и куриного.

Тогда в московских зоомагазинах каждую весну продавали маленькие писклявые пушистые жёлтые комочки. Москвичи покупали цыплят всё с той же кровожадной целью. Любочка подарила сестре какую-то сверхкомфортабельную большую клетку: фарфоровые ванночки, выдвижное дно. В неё поселили десять цыплят, с тем чтобы из них выросли куры, которые, понятное дело, должны нести яйца. Цыплят, строго соблюдая определённый режим, кормили мелко рубленными яйцами в надежде на естественную отдачу. Но никакой отдачи не было. Цыплята превратились в десять белых голенастых петухов, которые гоняли по участку и склёвывали любовно выращенные ягоды.

Их чудачка-хозяйка каким-то образом знала их всех «в лицо» и называла человеческими именами: Петя, Боря, Вася... «Петенька, спой! Спой, Петенька!» Петух долго кобенился и наконец, к восторгу Нонны Петровны, выдавал вполне традиционную для этой птицы руладу. «Это просто Шаляпин!» – восклицала она. Кстати, никому, кроме неё, петухи не пели, сколько бы их ни умоляли. Нонна Петровна была безутешна, когда какой-то неведомый мор погубил всех петухов и они были похоронены в конце участка.

К этой женщине стремились все. И люди, и животные. Она просто излучала радость и ощущение праздника. Около неё легче дышалось. У меня есть фотография, где навсегда сохранилось давно ушедшее мгновение. Бабушка и счастливая, улыбающаяся морда коровы. Её звали Дочка, и она сыграла важную роль в жизни моей бабушки.

Дело в том, что Нонна Петровна многие годы страдала тяжелейшей астмой. Люба с ног сбилась, выискивая сверхсветил медицины, привозила со всего света самые новые препараты. Ничего не помогало. Наконец один старичок профессор посоветовал: «Голубушка, вам надо жить на природе и завести корову. Доить самой, самой чистить хлев и дышать его запахами, его воздухом».

**На крыльце бабушкиного дома:
мама, мой брат и я. Мы только
что вернулись из эвакуации.
Внуково, 1946 г.**

Бабушка быстро освоила нехитрую науку молокодоения и поддержания чистоты в коровьем жилище. И что самое главное, приступы мучительного удушья довольно скоро навсегда оставили её. А между коровой и хозяйкой установилась прочная связь нежности и взаимопонимания. «Дочка, иди ко мне на ручки», – протягивала руки Нонна Петровна. И животное клало свою огромную рогатую и глазастую голову на хозяйкины руки, вылизывая её шершавым, как тёрка, языком. И – честное слово! – улыбалась, всем своим существом выражая радость.

Я иногда прогуливала Дочку с хворостиной, в компании двух мальчишек, сыновей Любиного сторожа, и совершенно не боялась нашу корову. Но чаще всего её отправляли на день в стадо – тогда ещё водились коровы в подсобном хозяйстве детского дома. И вот их я боялась очень. Однажды мы с Фаиной Гергиевной Раневской шли от бабушки – они дружили – к Любове Петровне. И вдруг я увидела на дороге корову. Но со мной была Фуфа – так мы, дети, называли великую артистку – и я думала, что

она меня защитит, ведь она подруга моих бабушек, а во взрослых я привыкла видеть защитников. Но тут Фуфа встаёт на четвереньки и быстро-быстро ползёт к обочине в кусты. Оказывается, она тоже боялась коров. В результате я испугалась даже больше, чем если бы была одна. Я бросилась в кусты вслед за Раневской, мы обнялись и дрожали, пока корова не прошла мимо и опасность не миновала...

А к Нонне Петровне стремились все. Её дом, как правило, был полон друзей. Окутываясь облаком папиросного дыма, который то таял, то вспенивался вдруг густой вуалью, в своём деревянном креслице она сидела во главе стола на большой застеклённой веранде, увитой диким виноградом. Стол всегда был накрыт, потому что из-за него либо только что встали, либо садились за обед, ужин или просто в очередной раз собирались угостить вновь пришедшего. Не раз, когда бабушка заболела и ей прописывали диету, она по утрам с покорным лицом ела овсяную кашу на воде, а потом мы ловили её на кухне с рюмкой коньяку и жареным бифштексом. Бабушка была отчаянным гурманом и любителем застолья, а фигура у нее до самого конца сохраняла изящество без всяких усилий с её стороны. «Лучше умереть стоя, чем жить на диете!» – восклицала бабушка, и снова шумело её застолье.

Как описать тот особый воздух, тот флёр и дух добра, лёгкости и праздника, что трепетал, казалось, вокруг Нонны Петровны, незримо насыщая и вашу душу! Вот на большом блюде яркая клубника, изящно брошены цветы. «Ты знаешь, сегодня пасмурно и грустно. Давай порадуем Еву Яковлевну». И я шла с этим нарядным и праздничным подношением к соседке. Точно так же бабушка поздравляла и с ярким солнечным днём. И всегда находился предлог для красивого жеста внимания и ласки к друзьям. А они с радостью откликались, и дом и сад звучали их весёлыми голосами. На террасе часто играли в преферанс. «Распишем пульку!» – раздавался бабушкин возглас. И – дым папирос, чай, пироги...

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Перед террасой одно время была усыпанная песком площадка для крокета. И опять – возбуждённые голоса, смех, мягкий деревянный стук шаров. Однажды – не на террасе, а в комнате – за столом, за рюмкой водки и неизбежным пирогом собрались Нонна Петровна, Любовь Петровна, мой отец (Юрий Голиков), Фаина Раневская, Ева Яковлевна Милютина. «Я очень ценю твоего отца, – говорила мне как-то Люба. – У него потрясающее чувство юмора».

И – дорожки. Дорожки, дорожки, посыпанные песком. Их тщательно выпалывали, подметали, выравнивали. Вдоль дорожек сажали декоративные растения и цветы. Раневская тоже была включена как-то в эти сложные и важные процессы. Вот она с метлой в руке, и я слышу её рыдающий и спотыкающийся о согласные голос: «Эта дорожка будет имени меня!» Теперь и след этой дорожки растаял в траве...

Из рассказов Нонны Голиковой

Юрий Александрович Голиков (1914–1994) – полковник, в 1936 году окончил Танковую академию имени Фрунзе, в 1939 принимал участие в военных действиях на территории Финляндии, 27 июня 1941 года ушёл на фронт, воевал все 4 года, награждён рядом боевых орденов и медалей. 2 мая 1945 года ранен в Берлине. После войны был начальником отдела Генштаба Сухопутных войск СССР. После отставки работал директором завода.

Должна сказать, в той компании в этом смысле никто не уступал друг другу. Я услышала громовые раскаты хохота, вбежала в комнату, но тут же была выставлена. «Машенька, Машенька, иди в сад!» – замахали все на меня руками, задыхаясь от смеха (Нонну Юрьевну называли в семье Машей. – Примеч. ред.). Могу себе представить, как щедры они были в шутках и юморе, столь солёном, вероятно, что он был недопустим для ушей подростка.

«Ну, пойдём разбирать отходы, – говорила Любовь Петровна, и мы поднимались к ней на второй этаж. Это были блаженные минуты – Любочка выгребала на пол всё содержимое шкафа в спальне и начинала сортировать свои туалеты. – Это мне... Это я ещё буду носить... А это ты примерь... Это мне... Это тебе...» В результате мне доставалось солидное количество неповторимых в своей красоте платьев, кофточек и прочих нарядов.

Из рассказов Нонны Голиковой

Я в одном из платьев из Любочкиных «отходов» – из шёлковой тафты в клетку чудесных коричнево-розоватых тонов. 1956 г.

Григорий Васильевич Александров.
1940-е гг.

Любовь Орлова

Любочка любила этот праздничный мир своей сестры и нередко с молчаливой улыбкой присоединялась к компании друзей. Придёт, улыбнётся, пахнёт ароматом духов. Её и приветствовали нешумно и ласково. И вскоре – неизменно – за ней приходил Григорий Васильевич. Его появление всегда вызывало взаимную серо-голубую вспышку их засиявших навстречу друг другу глаз. Мягкие раскаты его голоса – и ушли, даже несколько поспешно, словно недолгая эта разлука для них уже нестерпимо затянулась...

Любовь Петровна и Григорий Васильевич всегда были на «вы». А мне сразу сказали «ты», и очень решительно. И я не была к этому готова...

Афиши к кинофильмам «Весёлые ребята» (1934) и «Цирк» (1936)

Григорий Васильевич Александров (1903–1983) – актёр

немого кино, кинорежиссёр, сценарист, педагог – профессор ВГИКа. Народный артист СССР (1948). Лауреат двух Сталинских премий 1 степени (1941, 1950).

Родился в Екатеринбурге. Работать начал уже с девяти лет, с 1912 года – рассыльным в екатеринбургском оперном театре, затем помощником реквизитора, электротехником, позже – помощником режиссёра. В 1917 году окончил екатеринбургскую музыкальную школу по классу скрипки, а в 1920 году – режиссёрские курсы рабоче-крестьянского театра. Ездил по Уралу во фронтовом театре 3-й армии РККА. Много работал с режиссёром Иваном Пырьевым, в екатеринбургском клубе они вместе создавали художественную самодеятельность, организовывали детский театр,

в 1921 году оба были направлены по путёвке комсомола на учёбу в Москву. В 1921–1924 годах Григорий Васильевич выступал в рабочем театре Пролеткульта, где познакомился с режиссёром Сергеем Эйзенштейном. Эта встреча положила начало творческому сотрудничеству: Александров участвовал в экспериментальном спектакле «Мудрец» С. М. Третьякова по мотивам пьесы А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», помогал С. Эйзенштейну при съёмках фильмов «Стачка» (1924), «Броненосец „Потёмкин“» (1925), снимался в них и как актёр. В 1927 году выступил соавтором сценариев и сопостановщиком историко-революционного фильма С. Эйзенштейна «Октябрь» и фильма «Старое и новое» (1929).

В 1929–1932 годы вместе с С. Эйзенштейном и оператором Э. Тиссэ обучался мастерству звукового кино в Европе и Америке (в Париже был снят фильм «Сентиментальный романс»). В 1932 году во время поездки в Мексику с С. Эйзенштейном ими был снят документальный фильм «Да здравствует Мексика!». Фильм в те годы не был завершён, но в 1979 году Григорий Александров вернулся к отснятому материалу и закончил фильм. На Московском международном кинофестивале фильм получил приз «За выдающееся и непреходящее значение для развития мирового киноискусства».

В 1932 году Александров возвратился на родину и по личному указанию Сталина снял фильм «Интернационал». А в 1932 году начал работу над музыкальной комедией «Весёлые ребята», которая имела огромный успех. Александрову помог опыт Голливуда: он сумел соединить цирковые трюки с приёмами мюзикла – нового жанра для отечественного кино того времени. С «Весёлых ребят» начался «звёздный» путь актрисы Л. Орловой и дебютантов в кино: композитора И. Дунаевского и поэта В. Лебедева-Кумача. Картина имела успех и за рубежом, удостоившись приза Венецианского кинофестиваля в 1934 году. Ч. Чаплин восторженно отозвался об этом фильме: «Александров открыл для Америки новую Россию. Это большая победа».

В 1936 году Григорий Васильевич снял новый фильм «Цирк», в финале которого впервые прозвучала ставшая общенародной «Песня о Родине» («Широка страна моя родная»). Фильм удостоен высшей премии на Международной выставке в Париже (1937). Другим фильмом, принёсшим успех Александрову, была комедия 1938 года «Волга, Волга», где народная артистка СССР Любовь Орлова сыграла роль почтальонши Стрелки, а Игорь Ильинский выступил в сатирической роли бюрократа Бывалова.

Среди других успешных фильмов Александрова – «Светлый путь» (1940), «Весна» (1947), «Встреча на Эльбе» (1949) и ряд других кинолент.

Григорий Васильевич вёл режиссёрский курс во ВГИКе, а также снимал документальное кино. Имеет много правительственных наград: в 1941 году был удостоен Сталинской премии 1 степени за фильмы «Цирк» и «Волга, Волга», в 1950 году – за фильм «Встреча на Эльбе». Он имеет также множество призов Международных кинофестивалей: премия за режиссуру фильма «Весёлые ребята» (Венеция, 1934); приз за оригинальный сюжет фильма «Весна» (Венеция, 1947); а также призы МКФ в Братиславе (1949), в Готвальдове (1949), в Локарно (1953) и пр.

Г. В. Александров очень любил Внуково, много жил на даче вместе с женой, Л. П. Орловой, их часто можно было встретить прогуливающимися по улицам Маяковского, Гусева, Лебедева-Кумача.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Однажды на бабушкину веранду поднялась целая компания нарядных женщин. Это были Раневская, Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф, её мать, Павла Леонтьевна Вульф, и дочь Утёсова, Эдит. Они привели шестилетнего мальчика Алёшу, сына Ирины Сергеевны. Позже он стал заслуженным архитектором России и профессором архитектурного института. Воспоминания о наших бабушках и по сей день связывают нас. Я всё чаще запрещаю себе вспоминать тот мир и – не могу забыть. Мои бабушки... Они здорово испортили мне жизнь. Я думала, они, их жизнь – это норма. Увы, это оказалось исключением. После их ухода

Павла Леонтьевна Вульф **Фаина Раневская**

несовершенство мира стало как-то особенно очевидным. Я так помню их всех. Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф. Изысканная, изящная, с неизменной сигаретой в откинутой руке. Элегантная, сдержанная. Она была приглашена Александровым в качестве режиссёра по работе с актёрами на фильм «Весна», и с тех пор они не только не расставались в работе, но и подружились. И это была не одна лишь общность творческих интересов, это было глубокое духовное родство людей одной породы. Они были похожи своим органичным умением сохранять определённую дистанцию между собой и миром, как бы держа некую оборону.

Матушка Ирины Сергеевны, Павла Леонтьевна Вульф, была первой в истории заслуженной артисткой РСФСР. Она прославилась более всего в чеховском репертуаре, была верной последовательницей своего учителя – Веры Фёдоровны Комиссаржевской. Сухонькая, в чёрном, седые волосы подобраны наверх, сияющие светлые глаза, облако пудры. Павла Леонтьевна всячески старалась привить хорошие манеры своему внуку, Алёше, и мне. А мы – маленькие негодяи – нарочно, к её ужасу, чавкали и толкались за столом.

Павла Леонтьевна, как и положено в хороших домах, приготовила с детьми (мною и Алёшей) концерт, который и был представлен (лето 1947 года) на газоне перед Любочкиной верандой. Мы пели, читали стихи, а потом сыграли басню «Стрекоза и Муравей». Здесь перед исполнителем роли Муравья стояла особенно трудная задача: необходимо было делать вид, что копаешь лопатой, и при этом никоим образом не повредить безупречный газон. Я же, естественно, исполняла роль Стрекозы. У меня до сих пор сохранилась программка нашего детского представления, на которой рукой Павлы Леонтьевны нарисованы две белоствольные берёзы... Партер располагался на веранде, и нашими зрителями были: моё и Алёшино семейства, Любовь Орлова и Григорий Александров, Фаина Раневская, Леонид Утёсов с дочерью, Эдит, Василий Иванович Лебедев-Кумач. Вот такой у нас был зрительный зал, и я свой, как теперь понимаю, единственный подлинный триумф запомнила навсегда...

Софья Ефимовна Прут, жена киносценариста Иосифа Прута, тогда уже с ним разведённая. Красиво лиловеющая седина крутых кудрей, стройность, живость и блеск ярких глаз. Она была особенно азартная преферансистка и излучала беспредельное обаяние женской красоты.

Ева Яковлевна Милютина обладала неподражаемым юмором и абсолютной готовностью откликнуться на любой его намёк. Шарм и лёгкость при её полноте делали Еву Яковлевну, которую трудно было назвать красавицей, неотразимо привлекательной. В 1920–1930-е годы она являлась звездой сатирических кабаре, в том числе и «Летучей мыши», и была

Ева Яковлевна Милютина (1893–1977) – актриса театра и кино, начинала сниматься в немом кино. Заслуженная артистка РСФСР (1934).

Родилась в Таганроге. Сценическую деятельность начала в Одесском театре миниатюр (1910–1917). Работала в театрах миниатюр Ростова-на-Дону (театр «Гротеск», 1917–1922), Москвы (театр «Кривой Джимми», 1922–1924). В 1924–1959 годах работала в труппе Московского театра сатиры. Актриса комедийного дарования, обладающая добрым, мягким, жизнеутверждающим юмором. Снималась в кино. Примечательно то, что в фильме «Закройщик из Торжка» (1925) Ева Яковлевна снималась вместе со своим внуковским соседом, актёром Игорем Ильинским. Другие фильмы с её участием: «Девушка с

коробкой» (1927), «Статья 123» (1925), «Люди долины Сумбар» (1938), «Король бубён» (1958) и др.

Жила во Внукове, но, приняв решение переехать в дом престарелых для работников искусств, продала дом Н. Г. Санникову.

высококласной комедийной актрисой. Я никогда не забуду её персонаж в «Клопе» Маяковского, поставленном режиссёром Валентином Плучеком в Театре сатиры, который в конце 1950-х ещё располагался на Бронной. В розовом коротком платье с огромным бантом ниже пояса, спиной к зрителю, опираясь на рояль, она этим самым бантом вытворяла немислимые па в чарльстоне, и это было самым ярким моментом всего спектакля.

Галина Александровна Шаховская – балетмейстер всех фильмов Григория Васильевича, с которой всю жизнь дружили и Любовь Петровна, и Нонна Петровна. Несколько лет подряд она жила во Внукове в бабушкином гостевом домике. Я прекрасно её помню – очень высокую, худую и крайне экстравагантную женщину с громким, немного в нос, голосом. Друзья ласково называли её Галочкой. Она была всегда чуть экзальтирована, вся в «высоком» и совершенный фанат профессии. Жизнь всего человечества рассматривалась ею только с точки зрения взаимоотношений с мюзик-холлом. Всегда энергичная и оживлённая, она постоянно говорила о неоспоримых преимуществах любимого жанра. Её небольшие, очень яркие и цепкие глаза с густо и небрежно накрашенными ресницами никогда не были отсутствующими и не позволяли отсутствовать собеседнику. Они как бы настраивали тебя – и очень властно – на свою волну. У неё был смешной пёс, Стёпа – скотч-терьер. Если в высокой траве бабушкиного участка торчала и неспешно двигалась чёрная морковка его хвоста – значит Галочка приехала!

К этой блистательной компании принадлежали также две гимназические подруги бабушки – Надежда Васильевна и Марина Николаевна, которые более всего отличались какой-то безбрежной добротой и доброжелательностью ко всему миру и всему человечеству. Обе работали в медицине.

С тех пор я навсегда полюбила и несколько преувеличенную экзальтацию в проявлении чувств, и звучные поставленные голоса, и театральность жеста – как у них всех тогда и там... И никогда не изгладится из памяти дорогая сердцу картина: цветущий яблоневый сад, из него идёт мне навстречу бабушка с охапкой весенних цветов...

В 1956 году летом у бабушки во Внукове поселились две её подруги, вернувшиеся с советской каторги. Я всё лето слушала их рассказы об ужасах, унижениях и муках лагерной жизни, но все эти рассказы неизменно заканчивались восклицанием: «Зато какое было общество!» Ведь уничтожали цвет нации!

Шаховская Галина Александровна (Ржепишевская)

(1908–1995) – балетмейстер-хореограф. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

Родилась в Харькове в семье известного архитектора Александра Ржепишевского. Окончила хореографическую школу Р. Нелидовой (1926), Московский хореографический техникум им. Луначарского (1929), актёрско-режиссёрское отделение ГЭКТЕМАС (Государственных экспериментальных театральных мастерских) (1930). Поначалу танцевала в постановках своей сестры – Натальи Глан, Э. Мея, А. Румнева, позже работала в Московском театре сатиры с режиссёром А. Диким (1931). С 1936 года – балетмейстер и танцовщица на эстраде.

Созданные ею в 1930-е гг. эстрадные номера были комедийными танцевально-игровыми миниатюрами на современные темы.

Балетмейстер (с 1940), главный балетмейстер (1942–1965) Московского театра оперетты. Поставила танцы в опереттах: «Взаимная любовь» С. Каца (1940), «Сильва» (1941) и «Марица» (1943) И. Кальмана, «Летучая мышь» И. Штрауса (1946), «Вольный ветер» (1947) и «Белая акация» (1955) И. Дунаевского, «Жизнь актёра» (1940), «Трембита» (1949), «Поцелуй Чаниты» (1956) и «Цирк зажигает огни» (1960) Ю. Милютина, «Весёлая вдова» Ф. Легара (1956), «Бал в Савойе» П. Абрахама (1957), «Москва, Черёмушки...» Д. Шостаковича (1958), «Сто чертей и одна девушка» Т. Хренникова (1963), «Моя прекрасная леди» Ф. Лоу (1964).

Ставила танцы на эстраде, в программах джаз-оркестров, в драматических спектаклях, музыкальных кинофильмах, в том числе «Цирк» и «Волга, Волга» режиссёра Г. Александрова, «Карнавальная ночь» режиссёра Э. Рязанова. Выступала как режиссёр, в 1970-е годы ставила оперетты в различных театрах страны («Поцелуй Чаниты», «Летучая мышь» и др.).

Мои бабушки, как и многие им подобные, лишь счастливым случаем были избавлены от мук каторги, и они были частью этого общества, уникального сообщества русской интеллигенции.

Я многое услышала и поняла в то лето, поняла и запомнила. Я навсегда запомнила их, русских интеллигентов. Говорят, интеллигент – чисто русское явление. Все эти люди были средой наших героев, это был их мир, они были его частью. Они обладали какой-то удивительной внутренней устойчивостью, примиряющей внутренней гармонией, безупречным тактом, красотой мысли, слова и жеста. И абсолютным чувством собственного достоинства, которое органично предполагает это же чувство в каждом и готово его уважать.

Булат Окуджава свой роман «Путешествие дилетантов» предварил эпиграфом из книги правил хорошего тона: «Когда идёшь через толпу, старайся никого не задеть локтями». Пожалуй, это одно из определяющих свойств того явления, которое называется интеллигентностью, и слово это, говорят, не переводится ни на один язык мира. Говорят также, что «Британская энциклопедия» объясняет это чисто русское явление как «умение думать не только о себе». Об этом же примерно писал и Достоевский: «Только Россия дала единственный в мире тип – тип всемирного боления за всех». Когда вспоминаешь Любочку, бабушку и их окружение, сразу начинаешь размышлять именно об этом.

Внуково для меня это ещё и двоюродная сестра моя, Катюша, человек мне близкий и по-настоящему родной, одна из тех красавиц, что населяли это удивительное место. С возрастом она постригла свои роскошные, золотого мёда волосы длиной ниже колен, её глаза тёмного шоколада резко контрастировали с сиянием её причёсок. В детстве её частенько привозили к нам, и мы с братом вовлекали её в наши затеи.

Екатерина Владимировна Пospelова (1935–2009) – поэт, художник.

Родилась в Москве, окончила Московский строительный институт, после чего работала в Госкомитете по гражданскому строительству и архитектуре, участвовала в ответственных градостроительных экспертизах многих городов страны, в том числе в восстановлении Спитака после землетрясения, а также в проектировании и строительстве нового города Славутич после катастрофы в Чернобыле.

В середине 1960-х приобрела дом в посёлке писателей во Внукове, где стала постоянно проживать вместе с семьёй дочери с начала 90-х. Видимо, сама атмосфера этого посёлка располагала к тому, чтобы творческое начало Екатерины Пospelовой пробудилось ярко и плодотворно – в поэзии и живописи.

В 1995 году выходит первый поэтический сборник Екатерины Пospelовой «Листопад», а позже ещё два: «Портрет без сходства» (2006) и «Недавно и давно» (2010). После издания стихов Екатерина Пospelова была принята в Союз писателей, а её дом постепенно превратился в настоящую картинную галерею. Художница работала в жанре портрета, абстрактной фантазии, пейзажной живописи. В картинах Екатерины Пospelовой навсегда запечатлелись внуковские рябины, ромашки, сияющие снежные сугробы и легендарный пруд.

Внуково тоже стало частью её жизни, со временем она поселилась здесь навсегда, и её дом стал образцом гостеприимства. На пенсии, на свободе и на внуковском живительном воздухе её таланты расцвели во всей красе. Машину она водила как профи, готовила вкуснее всех, шила и вязала как лучшие профессиональные фирмы, у неё цвели необыкновенные розы, она стала прекрасно рисовать и выпустила сборник стихов.

*Е. Пospelова. «Ромашки».
Холст, масло. 1999 г.*

*Е. Пospelова. «Осень».
Холст, масло. 1997 г.*

Любовь Петровна Орлова с племянницей, Нонной Сергеевной Голиковой, и овчаркой Кармен во Внукове. 1950 г.

*Дом Л. Орловой и Г. Александрова. Внуково, 2010 г.
Фото М. Лапина*

Как-то во время одной из наших прогулок с Любой я сказала: «Какая ты счастливая! Быть такой знаменитой и узнать такую меру славы!» «Знаешь, что в этом действительно замечательно? – ответила она. – Моё имя позволяет мне очень многое делать для других». Мы шли совершенно одни, я была совсем девочка, и у неё не было решительно никакой необходимости казаться не тем, кем она была на самом деле...

Г. В. Александров во Внукове

Любовь Петровна Орлова

ПРОЗА

Светлана Куликова

(МОССАЛИТ, Москва)

КУРОПАТКА «В КАЛИТКУ»

1970-й год. Советский Союз.

Путешествие по Военно-Грузинской дороге я получила от родителей в подарок на совершеннолетие и впервые самостоятельно отправилась в дальний путь.

Сначала летела самолетом из Свердловска до Минеральных Вод. Потом ехала поездом до Орджоникидзе – там из разных городов СССР собиралась наша группа.

Встречала нас руководительница группы Анна Ивановна, женщина лет сорока, крепкая, быстрая и громкая. Она непрестанно суетилась курицей-наседкой, волновалась: «Товарищи, не расходимся, держимся кучно!»

Меня, самую юную и неопытную туристку, Анна Ивановна взялась опекать персонально. В автобусе усадила рядом и, перекрывая натужный рев мотора, втаскивающего машину на перевал, кричала мне в ухо наставления, как следует вести себя с кавказскими мужчинами:

– В Грузии незамужних девушек мало, а нравы о-о-очень-очень строгие! Прошелся парень с девчонкой по улице – всё, считай, жених. За руку взял – уже вся девчонкина родня к свадьбе готовится и посматривает, чтобы жених не увильнул, а попытается – могут и пристрелить. У русских нравы свободней, поэтому кавказцы любят за нашими девушками приударить...

Для пущей убедительности и действенности инструктажа наставница сопровождала его страшилками:

– На Кавказе даже сопливым пацанам в глаза смотреть нельзя, они прямой взгляд понимают как призыв к близким отношениям и сразу на него отзываются так активно, что потом не отвяжешься. Это не наши лопухи, с ними финт «иди сюда – пошел вон» не пройдет! Попользуются тобой и сбросят в пропасть! А там кто тебя найдет? Никто не найдет! Так что веди себя предельно вежливо и скромно, далеко от турбазы не отходи. Лучше вообще никуда без меня не ходи.

Я пообещала в одиночку не гулять и в глаза грузинам не смотреть. Подумаешь, потеря! Не больно-то и хотелось. Что я, грузин не видела?

Если честно, не видела. Они, конечно, как все советские люди, свободно жили в нашей стране от Камчатки до Калининграда, но за восемнадцать лет жизни я еще ни одного грузина не встретила. До наставлений опытной Анны Ивановны они представлялись мне кареглазыми брюнетами, благородными и храбрыми, подобно князю Багратиону из романа «Война и мир». А после – огромными волосатыми дикарями, пускающими слюни вожделения при виде любой особы женского пола. Однако этот новый образ казался мне не столько страшным, сколько смешным.

Все десять лет обучения в школе по литературе у меня стоял твердый «пятак». Романтизм русской классики мощно резонировал с романтизмом моей наивной провинциальной души и зывал к знакомству с Кавказом Толстого, Пушкина, Лермонтова, Руставели, Думбадзе... И в

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Грузию я приехала, чтобы увидеть воспетые классиками горы и долины, крепости и храмы; чтобы войти в монастырь, где томился юный Мцыри... И совсем не хотелось прожить здесь две недели, уперев взгляд в землю. Нет, я буду, буду смотреть по сторонам во все глаза! Но, так и быть, постараюсь не встречаться взглядами ни с местными мужчинами, ни даже с сопливыми мальчишками – исключительно ради спокойствия Анны Ивановны. Ну и чтобы родителей не огорчить, они могут сильно расстроиться, если я вдруг окажусь на дне пропасти, где меня никто никогда не найдет...

В Казбеги автобус прибыл под вечер.

Погода испортилась, горные вершины спрятались в низких облаках. От подножья к тем облакам тянулись зеленые, кое-где пестреющие россыпью цветов склоны. Их быстро накрыли сумерки, и вышли мы у ворот турбазы уже в полной темноте.

На тускло освещенной веранде за большим столом гуляла шумная мужская компания. Низкие голоса, гортанная речь, как будто клекот орлиной стаи... Если, конечно, орлы где-то стаями водятся.

Увидев туристов с рюкзаками, пирующие мужчины умолкли. Пока мы ждали администратора, они с любопытством разглядывали нас. Я отвернулась, не разобрав, насколько страшные сидят за столом мужики. Заметила лишь, что все густо бородаты. Хорошо, что ни с кем глазами не встретила.

Пришла высокая худая женщина, вся с головы до ног в черном. Представилась Тамарой. Проверила у Анны Ивановны какие-то бумаги и развела группу по комнатам.

Засыпая, я слышала, как пир на веранде заканчивался замечательным многоголосым пением. Мужской хор ладно и душевно тянул какую-то торжественную песнь.

«Нет, – подумалось мне уже сквозь дрему. – Негодяи и преступники так петь не могут».

Из глубокого сна меня выдернул громкий женский голос, выкрикивающий что-то. Слов я не поняла, но узнала интонацию – так моя бабушка ругала беспокойную корову, когда доила ее: «Стой, Зорька, стой, холера!» Беканье, меканье, стук множества копыт, сухой звон жестяных колокольцев на шеях животных, собачий лай... Мирные звуки раннего сельского утра.

На соседней кровати чуть слышно похрюкивала во сне Анна Ивановна.

Я встала, потихоньку оделась и, рассудив, что в пять утра с территории турбазы меня вряд ли кто-то потащит в пропасть (тем более что злодеи допоздна пили и пели и сейчас наверняка спят), совершила серьезный проступок: покинула свою заботливую спутницу.

Чистый холодный воздух газировкой защипал в носу. Со всех сторон на долину свысока взирали вековечные горы. Село лежало под ними словно на дне глубокой тарелки и жило своей суетливой жизнью. Криками и хворостиной подгоняя кудлатую овцу, пробежала администратор Тамара в глухих черных одеждах.

За воротами по пыльной улице шло стадо коров и овец. И была бы эта картина обыденно-деревенской, кабы не фантастические природные декорации, среди которых она разворачивалась. В груди стало жарко и тесно, а в начитанной моей голове завертелись пафосные эпитеты от «...страж Вечности» до «остановись, мгновенье...». Внезапно вдалеке, на фоне горного склона пронесся всадник в бурке, напоминая картинку на пачке отцовских папирос «Казбек», и сразу пафос исчез. Осталось восхитительное чувство восторга и уверенности: здесь, где так совершенен мир, ничего плохого случиться не может...

– Ага! Вот ты где!

Всклокоченная Анна Ивановна всем видом своим выражала панику и упрек.

– Да я тут, рядом, только постоять. Посмотрите, какая красота!

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

– Красота, красота, – недовольно пробурчала Анна Ивановна. – Ты бы все-таки прислушалась к моим словам. Я в школе учительницей двадцать лет оттрубила, лишнего не посоветую. Ладно, пошли, у нас сегодня Гергетский ледник. После завтрака – в поход.

К леднику группу вел угрюмый старик – проводник Вахо.

Анна Ивановна старалась не упускать меня из виду, а когда все же теряла, начинала искать взволнованным материнским взглядом. И напрасно: никакого шанса встретиться с Вахо глазами у меня не было. Вышагивая впереди группы мягким, почти крадущимся, но очень быстрым шагом, он ни разу не обернулся на поспешающих за ним туристов. Зато с его добродушным, жизнерадостным помощником – белым псом по кличке Терек – мы и в глаза друг другу смотрели с нескрываемой приязнью, и обнимались, и бегали наперегонки. Следуя врожденному инстинкту собаки-пастуха, Терек добросовестно следил, чтобы ни одна «овца» из нашего «стада» не потерялась: отстающих подгонял, покусывая за пятки.

Без происшествий мы бодро дошли до кончика ледникового языка. Там, примостившись на холодных камнях, съели бутерброды, собранные в дорогу Тамарой (на турбазе она исполняла обязанности не только администратора, но и завхоза, и поварихи), полюбовались диким горным пейзажем, сфотографировались и спустились обратно.

В этом недолгом и несложном походе я так устала, что рухнула в постель и отключилась до утра на радость Анне Ивановне: на одну женскую особь в зоне ее ответственности стало меньше. Прочих одиноких туристок ей пришлось спасать от гибели в пропасти допоздна, пока не закончились танцы и не покинули территорию базы местные парни. Могла ли она подумать, что на следующий день прямо у нее на глазах я познакомлюсь с кавказским мужчиной, посмотрю в его огромные зеленые очи и очаруюсь на всю оставшуюся жизнь...

Анна Ивановна сама стала зачинщицей этого неожиданного знакомства. Она предложила пойти на окраину села позагорать. Дескать, день свободный, погода хорошая, место безлюдное, поваляемся под горячим майским солнышком.

За огромными валунами, где нас не было видно ни с какой стороны, мы расстелили полотенца, разделись до купальников и улеглись.

Анна Ивановна задремала, а я любовалась простирающимся перед нами лугом – зеленым, с алыми пятнами распустившихся маков, словно сказочная дива обцеловала его ярко накрашенными губами. За лугом на возвышенности виднелись древняя крепость и несколько домов, сложенных из крупного темно-серого камня. Они стояли далеко, но в чистейшем горном воздухе казались близкими, видны были даже распахнутые ворота и собаки, играющие возле них.

«Интересно, как там люди живут? – размышляла я, разглядывая строения, вписанные в пейзаж так органично, будто они естественным путем выросли из каменистого склона. – Могла бы я так же изо дня в день, из года в год жить по заветам предков, соблюдать обычаи горцев, носить чулки и платок в любую погоду? Овдовев, никогда больше не влюбляться и не снимать траурных одежд?..»

Некоторые наши туристки успели познакомиться с местными ребятами и кое-что от них узнать. За завтраком они рассказали, почему Тамара ходит вся в черном: носит траур по мужу, погибшему двадцать пять лет назад, в последние дни Великой Отечественной войны.

«Смогла бы я вставать на рассвете, выгонять овец, вечером их доить, делать брынзу, а долгими зимними вечерами вязать шали из козьего пуха и носки из овечьей шерсти?» – мысленно примеряла я на себя роль жены грузинского мужа...

Тихий шорох, долетевший сквозь полудрему, показался шелестом листьев, и в тот же миг пришло осознание, что – о ужас! – никаких деревьев поблизости нет. Снова шорох... И шепот... За камнями явно кто-то возился и тихо переговаривался. Кто, кто?! Да ясно же кто! Те самые

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

волосатые чудовища... Несколько секунд я выбирала между заорать и затаиться, ничего не выбрала, толкнула локтем Анну Ивановну и начала поспешно одеваться.

– А?! Что?!

Наставница моя вскочила с воинственным видом, как будто и не спала вовсе, а тщательно готовилась отразить нападение.

– Там кто-то есть, – я старалась не дать воли страху. Все-таки нас двое, обеих сразу не поволокнут в пропасть, тем более что до ближайшей – в Дарьяльском ущелье – около десяти километров, если верить карте.

– Где?

– За валуном.

– Кто здесь? – громко и строго спросила Анна Ивановна, спешно натягивая брюки и рубашку.

Из-за валуна раздалось отчетливое «хи-хи» и предостерегающее «ш-ш-ш!» – следом.

Я жалась спиной в камень, а моя храбрая опекунша зашла за него, и оттуда послышался ее голос с очень странной интонацией умиления:

– Так-так-так, кто это тут за нами подсматривает?!

Ответил ей веселый детский смех.

Их было шестеро. Две маленькие девочки и четыре мальчика постарше. Один из них, в сильно выцветшей, некогда красно-синей клетчатой рубашке и серых поношенных штанах, явно лидировал. Самый высокий, лет примерно восьми-девяти с виду, русоволосый, кудрявый, с большими зелеными глазами в обрамлении длинных девчоночьих ресниц, мальчик был необычайно красив и по-мужски солиден. Ничуть не стесняясь, он разглядывал нас из-под густых кудрей. Конечно же, я забыла зарок не смотреть в глаза грузину, даже если это сопливый пацан. Посмотрела. Ничего не произошло. Мальчик вышел вперед и что-то гортанно произнес по-грузински хрипловатым ломким голосом. За ним, хихикая и застенчиво посматривая на нас, мельтешила прочая мелюзга, кроме одной, совсем крошечной девчушки. Уцепившись за штанину вожака, она неуверенно шагнула вместе с ним и серьезно уставилась на незнакомых тетенок. Анна Ивановна рассмеялась и пошла обратно к нашему лежбищу. А я продолжала оцепенело стоять в растерянности.

Неловкое молчание затягивалось, надо было что-то ответить.

– Гамарджоба, – сказала я единственное известное мне грузинское слово.

Наверное, неправильно произнесла, потому что мальчик, а за ним и другие дети засмеялись. Но не обидно, не насмешливо, а дружелюбно. Я повторила по-русски: «здравствуйте» и пошла к своим вещам. Дети потянулись за мной. Запасливая Анна Ивановна уже достала из сумки и разложила на полотенцах яблоки и конфеты.

– Давайте, ребяташки, налетайте! – скомандовала она.

Дети что-то защебетали, посматривая на зеленоглазого мальчишку, а тот покачал головой и на русском языке, не очень чисто, но внятно отказался:

– Спасибо. Не надо.

И снова замолчал, снисходительно улыбаясь. Эта странная, совсем не детская улыбка почему-то сильно меня смущала. Что надо говорить, делать, как вести себя с детьми горцев, есть какие-то традиции на этот счет? Я не знала. Анна Ивановна, судя по ее растерянному виду, тоже.

Разрядила обстановку кроха. Нетвердо ступая, что-то гулякая, она проковыляла к угощению, обеими ручонками ухватила конфеты и потянула в рот вместе с фантиками.

– Вот молодец, – засмеялась Анна Ивановна. – Так и надо. А вы чего растерялись?

Дети хихикали, но с места не двигались.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Их вожак вынул руки из карманов, подошел, осторожно забрал конфеты из крепко сжатых кулачков, развернул одну и положил в доверчиво открытый рот девочки.

Я сгребла сладости, протянула ребятам:

– Берите, не стесняйтесь.

Старшой что-то крикнул, видимо дал разрешение, потому что дети подошли и чинно взяли по одной конфете. Первыми – малыши, потом те, кто постарше. Я чуть было не зааплодировала, выражая глубокое уважение народу, у которого растут такие потомки.

Через пять минут мы всемером сидели на траве и поедали все, что Анна Ивановна припасла для нас двоих. Восьмой член компании – та самая маленькая девчушка – уснула на моем полотенце.

Познакомились. Зеленоглазого мальчика звали Шалва. Он уже окончил второй класс и довольно сносно объяснялся на русском.

В стайке мальков родными ему были только двое: брат Анзор и спящая малютка Мэри – племянница, дочка старшей сестры. Еще двух мальчишек и девочку ему доверили соседи. Как взрослому и ответственному. Справедливо доверили. Он таким и был – взрослым и ответственным.

Шалва понравился мне, а я – ему. Мы оба почувствовали эту взаимность. И она нас ничуть не напрягала. Что, собственно, плохого или странного в том, что два человека друг другу симпатичны?

Мэри крепко спала. Профессиональный педагог Анна Ивановна играла с детьми – из-за валунов доносился смех. А мы с Шалвой сидели рядом, смотрели на сияющий снегами Казбек и беседовали.

– Откуда ты приехала?

– Из Свердловска.

– Это большой город?

– Большой.

– Как Тбилиси?

– Да.

– Далеко?

– Очень.

– Дальше Тбилиси?

– Намного дальше и совсем в другой стороне. А ты был в Тбилиси?

– Нет еще. Папа там живет. Работает в Тбилиси.

– А ты здесь с мамой?

– Мама, да. Еще дедушка, бабушка, папа брат, мама брат...

– А детей у вас сколько?

Шалва медленно загибал пальцы, на каждом называя имя. Получилось семь. Три пальца он разогнул обратно – эти уже взрослые, они живут отдельно. Еще один старший брат помогает пастухам, сейчас он с ними в горах.

– Сколько же ему лет?

Шалва дважды махнул обеими руками с растопыренными пальцами и показал еще четыре.

– Двадцать четыре? А тебе?

Пять пальцев и четыре – девять.

– А тебе?

– Мне восемнадцать.

– Мой сестра восемнадцать. У нее есть муж и Мэри. А у тебя есть муж?

- Нет.
- Ты красивая.
- Спасибо, – ответила я, но думала другое.

Думала то, что не могла, стеснялась сказать: «Ты тоже очень красивый, Шалва. А еще умный и заботливый. Я хочу, чтобы твоя жизнь сложилась лучше, чем у твоих родителей. Чтобы ты не уезжал на заработки далеко от дома, чтобы жена твоя не растила детей без тебя...»

На следующий день, окончательно осмелев, я снова оставила спящую Анну Ивановну и встретила хрустальный рассвет у ворот базы.

Ничего не изменилось. Не было только всадника в черной бурке с папиросной пачки. Оттого, быть может, утро показалось мне не таким картинным, как накануне. Все вокруг стало реальнее и как будто роднее. Я проводила взглядом вечную вдову Тамару, гнавшую строптивую овцу. Подставила лицо разогревающему воздух солнцу и приготовилась услышать бодрое «А, вот ты где!» своей наставницы. Но Анна Ивановна, похоже, уверовала-таки в безопасность местного окружения и ослабила контроль. Встретились мы за завтраком.

– Товарищи, внимание! – тоном партийного лидера на трибуне возвестила Анна Ивановна. – До обеда все свободны. Можно погулять в окрестностях или сходить на рынок, а после обеда грузимся в автобус и едем в Пасанаури. Там ужинаем, ночуем и утром уезжаем в Мцхету. Чем известна эта древняя столица Грузии? Кто знает?

Туристы за столами потянули вверх руки, как школьники за партами. «Мцыри!» – выкрикнул кто-то.

– Верно, – одобрила бывшая учительница. – В Мцхете мы осмотрим монастырь Джвари, где жил легендарный герой поэмы Лермонтова «Мцыри», и поедем дальше, в Тбилиси.

Я выбрала рынок. То есть это Анна Ивановна выбрала меня для похода на рынок. Мне-то хотелось снова посидеть на камнях в обществе щебечущих ребятишек и их зеленоглазого жоака. Но предложение наставницы прозвучало так, что возражения даже не попытались сформироваться во мне.

Шагая рядом с Анной Ивановной по пыльной дороге от базы до села, я старалась угадать, где живет большая семья Шалвы.

Окруженные горами дома и подсобные постройки стояли вразброс, словно их ссыпал великан со своей гигантской ладони – где упали, там и стоят. Фруктовые сады и небольшие виноградники между ними совершенно не походили на привычные для меня прямоугольники огородов в уральских деревнях. И отовсюду виден был строгий силуэт древнего монастыря, как будто нарисованный темно-коричневой гуашью на серо-зеленом горном склоне. Мы немножко поплутали и вышли к цели.

С очень большой натяжкой можно было назвать рынком несколько ящиков у дороги с разложенными на них товарами: сыр, молоко, фрукты-овощи, рукоделье. За ящиками стояли местные женщины, несмотря на жару, в толстых чулках и закрытых платьях с длинными рукавами.

– Надо обязательно торговаться, а то не будут уважать, – прошипела мне в ухо всезнающая Анна Ивановна.

- Сивета! – услышала я вдруг знакомый хриловатый голос.

Шалва стоял рядом с полной женщиной в длинной серой юбке, светлой блузке и белом платке, повязанном низко на лоб. Перед ними на большой картонной коробке лежали вязаные шали, носки, душегрейки из овчины. Я радостно махнула рукой и направилась к ним. Анна Ивановна тоже обернулась, но, занятая покупкой, лишь проводила меня встревоженным взглядом.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Шалва что-то быстро проговорил по-грузински, обращаясь к женщине, и сообщил мне на ломаном русском, обводя жестом товар:

– Мой мама Этери. Она делать это.

Подумал и добавил:

– Тебе очень красиво.

Мама Этери разглядывала меня в упор круглыми глазами цвета неспелого крыжовника так откровенно и беззастенчиво, будто не свои изделия предлагала мне, а, наоборот, собиралась купить меня. Потому, наверное, я не удивилась, когда она деловито спросила:

– Ты замужем?

Похоже, замужество было здесь непременно и главным условием состоятельности любой девушки.

– Нет, – ответила я, остро ощущая свою ущербность.

– Выходи за моего сына. У него есть дом, овцы.

Потрясенная внезапностью и прямолинейностью сватовства, я опустила взгляд на Шалву. Возникший было в уме шуточный ответ «пусть ваш сын сначала подрастет» растворился без остатка под его уж очень печальным взглядом.

Я растерялась и молчала, пытаюсь успокоить бешено мятущиеся мысли: «Не обидеть бы... Наверное, у них так принято – заранее невесту посватать... Девять лет разницы – в матери не гожусь, но все же... Может, и правда остаться? Вырастет же когда-нибудь этот мальчик... Буду жить с ним, вязать носки, сидеть тут на ящиках, продавать их туристам... А как же мама, папа, институт?.. Зато какая восхитительная природа...»

Этери проследила мой ошеломленный взгляд и засмеялась:

– Нет, не Шалва. Другой. Дато зовут. Он сейчас отару с гор гонит. Скоро дома будет.

Горячая лавина стыда накрыла меня. Я чувствовала, как горят уши, щеки, как невозможно снова посмотреть открыто и прямо в потемневшие до болотного оттенка глаза Шалвы.

Скрывая смущение, я закашлялась. Выдавила улыбку, изображая вежливость, и пролепетала сбивчиво, что такое предложение мне лестно, и я сожалею, что очень скоро, буквально через пару часов вынуждена уехать, потому что путевка... группа... нельзя...

Этери несколько раз кивнула, взяла с коробки пару носков и сказала что-то на своем языке повеселевшему Шалве. Он ответил ей, потом повернулся ко мне:

– Мама говорить: приезжай еще. Потом. Это тебе. От мама. Бери.

Я прижала к груди теплый дар, белый, с сине-зеленым узором по краю. Очень хотела обнять на прощание Этери и ее замечательного сына, но не решилась. В суровых краях, что у русских крестьян, что у грузинских горцев, не принято напоказ выражать трепетные чувства. Повторяя как попка-дурак «спасибо, спасибо, спасибо...», я попятилась и, не подходя к другим торговкам, двинулась обратно на базу.

Анна Ивановна догнала меня за поворотом. На ее упреки я не отреагировала, не ответила и на вопрос, почему купила носки. Что тут скажешь? Чем я за них заплатила? Судьбой? Слишком пафосно. Да и неправда...

Уже почти у ворот турбазы мы встретились с отарой. Впереди шли два пастуха с посохами.

«Вот и Дато вернулся, – подумала я, останавливаясь на обочине. – Интересно, который из них?»

Пастухи выглядели как близнецы: у обоих черная высокая папаха сливалась с черной бородой, плавно переходящей в длинную черную бурку. И в этой мрачной кучерявой копне, где-то между бородой и папахой, сверкали любопытством устремленные на незнакомых женщин глазищи – у одного, как я успела заметить, карие, а у второго... зеленые. Миг – и пастухи прошли. А вскоре и стадо, бляя, стуча копытцами, протекло мимо шерстяной рекой.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

«Ушло в прошлое мое будущее», – подумала я и рассмеялась.

– Ты чего? – удивилась Анна Ивановна.

– Да так. Меня на рынке сосватать пытались.

– Это они могут. Я же говорю: у них очень мало свободных женщин.

Анна Ивановна не спросила, согласилась я или нет, ей ответ был очевиден. От этого у меня почему-то испортилось настроение.

В молчании мы дошли до базы.

После обеда быстро собрали вещи и направились к автобусу, уже стоявшему на другой стороне улицы.

У ворот, на том самом месте, где я встречала рассветы и смотрела, как Тамара гонит в стадо свою строптивую овечку, стоял Шалва. Он что-то держал перед собой в сложенных ладонях. Увидев меня, возбужденно бросился навстречу, протянул это «что-то», приговаривая:

– Тебе, подарок, в калитку! На! В калитку!

Я на ходу подставила руки, в них легла маленькая пестрая птичка. Она не двигалась, испуганно глядя одним глазом, вместо другого темнела короста. Не понимая, какой калиткой и зачем (на суп, что ли?) нужно придавить это несчастное существо, я строго прикрикнула на Шалву, который бежал рядом и все приговаривал «Тебе! Подарок! В калитку!»:

– Стой! Я не могу это взять, мне еще очень долго ехать, я не доведу. И никакой калиткой эту птичку добивать ни за что не буду!

Шалва быстро, горячо что-то говорил по-грузински, а я тупо стояла перед ним с птицей в ладонях. Она доверчиво смотрела единственным блестящим глазком и не пыталась вырваться. Пальцы мои ощущали, как слабо и часто-часто бьется ее сердце. Шалва тревожно-выжидательно смотрел мне в лицо снизу вверх. Туристы обходили нас и садились в автобус. Последней шла администратор базы Тамара. Она остановилась и прислушалась к горячим речам Шалвы.

Переводчиком Тамара оказалась не особо сильным, но все же мне удалось понять, что птица – горная куропатка. Шалва еще зимой нашел ее, раненую, возле тех камней, где мы с ним встретились, подобрал, выходил и теперь дарит мне, чтобы я посадила ее в клетку (О! Так «калитка» на самом деле «клетка», а я-то вообразила... Какой стыд!), сберегла и будущим летом вернулась в Казбеги вместе с ней...

Немало, видимо, прошло времени в сумбуре переговоров, если автобус несколько раз призывно гудел.

– Сейчас! Иду! – кричала я своим попутчикам и никуда не шла, а продолжала убеждать Шалву, что не смогу благополучно довести куропатку до Свердловска.

Но и обидеть горца, не приняв от него подарок, я тоже не могла! Выход из тупика нашелся в глазах Тамары, в ее заинтересованном взгляде на куропатку. Она же держит кур в клетке, вспомнила я, куры несутся. Может, и куропатка на это дело сгодится.

Так мы и договорились: я отдаю птицу Тамаре на ответственное хранение в курятнике. Ровно на год. Через год возвращаюсь сюда, в Казбеги.

– Я ждать тебя, – Шалва развернулся и пошел прочь, не оборачиваясь ни на Тамару с куропаткой, ни на меня с мокрыми глазами. Настоящий мужчина.

Потом были Пасанаури, Мцхета, Тбилиси, Батуми... Свердловск.

Носки я привезла домой, надевала их в зимние холода. Глядя на сине-зеленый узор на белом фоне, вспоминала изумрудные, с красными «поцелуями» маков луга у подножья Казбека и лазурное небо над его белой-белой вершиной.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

С годами подарок Этери износился и куда-то пропал. Грузия исчезла с карты моей страны. Поселок Казбеги прекратил свое существование – ему вернули древнее название Степанцминда.

Но время не властно над памятью: там до сих пор живут гордый кудрявый мальчик с зелеными глазами, высокая худая женщина в черных вдовьих одеждах и одноглазая куропатка «в калитке», доверчивая, как детская душа.

**Е. Комракова. Иллюстрация к стихотворению Николая Боровкова «В облаках»
(издательство «Добрый великан», 2019)**

ПРОЗА

Алексей Курганов

(Коломна)

...И КЕФИР СМЫВАЕТ ВСЕ СЛЕДЫ, или ЗНАКОМЬТЕСЬ: ШНАПС!

(Иронический детектив в чисто английском скептическом стиле)

Часть первая,
*ознакомительная, водящая в суть дела
и торжество абсурда*

Графиня Липсердюк была вне себя от гнева. Вчера в их родовой замок было завезено полторы тонны колбасы, а хлеб обещали привезти сегодня, сославшись на то, что утренняя выпечка гораздо вкуснее и питательнее вечерней. Но с утра разыгралась жуткая метель, полностью отрезавшая замок от внешнего мира, а значит, и от пекарни. Сама же Липсердюк находилась здесь уже третий день, поскольку приехала навестить своего дорогого папашу, сэра Джастина Липсердюка-старшего, который занемог и уже не поднимался со своей старинной кровати, сработанной еще во времена Георга Шестнадцатого в грегорианском стиле.

– И что же вы теперь думаете делать, Перкинс? – строго спросила графиня старого слугу.

– Чего «что»? – прикинулся идиотом старый слуга.

– Не стройте из себя идиота! – рявкнула Липсердюк. – Я имею в виду хлеб. Я и папаша привыкли кушать на ленч и фэйф-о-клок сэндвичи, а как же теперь их приготовить, если нет хлеба?

Перкинс задумался. Сам он давно уже пожирал колбасу без всяких хлебных дополнений. В смысле – кусками. Он их даже не пожирал, а сразу заглатывал, поскольку по причине очень преклонного возраста имел полное отсутствие зубов. А на вставные у него не было гульденов.

– И куда подевалось мое бриллиантовое кольцо – подарок герцога Брауншвейгского-Гималайского? – продолжала давить на психику Липсердюк. – Вчера оно лежало на софе, потом я переложила его на канапе. Сегодня кольцо на канапе нету. Канапе есть, а кольцо нету. Я сама проверяла. А, Перкинс?

– Чего «а»? – продолжал валять и к стенке приставлять тот (а что ему еще оставалось делать, если эта задрыга швыряет свои туалетные драгоценности куда попало, а рыжим всегда оказывается он, Перкинс?).

– Вы мне тут дурачка-то из себя не стройте! – решила показать характер графиня. – Где хлеб? Где кольцо? Где колбаса? Где Гималайский?

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

– Колбаса в холодильнике, на верхней полке, – услышала она честный ответ. – А хлеба с кольем нету. Я все облазил. Даже в уборную заглянул. И в будуар. А Гималайский помер. Закопали третьего дня.

– «Уборная», «будуар»... – фыркнула Липсердюк и многозначительно качнула головой, которую украшала рубиновая диадема. – Как говорится, выводы будут сделаны – и выводы очень неутешительные! В первую очередь лично для вас, Перкинс!

И преувеличенно развратно качая бедрами, она направилась в курительную комнату в бельэтаж, чтобы перекурить это загадочное дело.

Часть вторая, интригующая

– Тук-тук-тук! – раздался стук в дверь, и Липсердюк вместе с Перкинсом от неожиданности вздрогнули.

– Ну вот, а ты боялась, – пробормотал старый слуга, доставая из камзола старинные ключи какого-то там века. – Даже юбка не помялась...

– Что? – вспыхнула графиня, блеснув лорнетом.

– Это старинная английская поговорка, – пояснил Перкинс, не дрогнув ни ухом, ни рылом, ни бакенбардом, ни камзолом. – Из графства Суссекс. А стук наверняка означает, что конюх Скотт Фицджеральд привез-таки хлеб. Пробился, скотина такая бесстрашная, сквозь бушующий снежный ураган.

Но это был не хлеб. Вместо хлеба в дверях показался некий джентльмен средних лет с гладко выбритым лицом, в клетчатом, подбитом лисьим мехом плаще и с трубкою во рте. Липсердюк кокетливо покраснела. Она уже три года как развелась, и с мужиками у нее в данный момент было напряженно. В смысле, не было никого. Даже какого-нибудь самого завалящего эсквайра.

Перкинс же нахмурился. Он не любил джентльменов без бакенбардов. Он был уверен: если у тебя нету бакенбардов, ты не джентльмен.

– Миль пardon, мадам! – расплылся в белоснежной улыбке неизвестный. – Разрешите представиться: Шерлок Адольфович Шнапс. Сыщик милостию Божией. Родом из крестьян Бранденбургской губернии. Гуляя по здешним окрестностям, сначала заблудился в болотах, потом был покусан собакой, потом попал под лошадь, потом – под метель, сбился с пути и вот случайно вышел к вашему дому. Позвольте ручку.

Щеки у Липсердюк стали цвета пожарной машины.

– Очень приятно, – промурлыкала она и протянула руку. Шнапс ее мужественно пожал.

– Вы появились очень вовремя, – сказала графиня. – У меня пропало бриллиантовое кольцо. Прямо и не знаю какая жалость!

– Гутен морген, Маргарита Павловна! – ободряюще кивнул сыщик. – Находить пропавшее – мое призвание. Не поверите, я такие кольца находил – все просто ахали, стонали и плакали! Так что не извольте беспокоиться! Нам это как два пальца об забор! Вы уже отзавтракавши? – неожиданно переменял он тему и окинул графиню оценивающим взглядом опытного голодного кота-ловеласа.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

– Ах! – ахнула та и присела в книксене. – Извините! Я, право, растерявшись... А звать меня не Маргарита Павловна, а графиня Липсердюк, – представилась она. – У нас здесь все по-простому: граф, графиня, пирамидон, Перкинс... Сельский быт! Нет, мы еще не завтракали. Не из чего сделать сэндвичи, – и не удержалась, наябедничала: – Это Перкинс виноват. Он не позаботился.

Старый слуга покаянно опустил свою лобастую голову и виновато почесал правую бакенбарду.

– Хлеба не привез, – продолжила ябедничать графиня. – А папаша приболемши. У него чего-то в паху. Вот мне одной и приходится крутиться по хозяйству ровно лошади.

– И опять же хенде хох, – и Шнапс умоляюще вытянул вперед руки. Руки источали мужество, силу, суровую красоту и привычку к лишениям.

– Я и так пожру. Без хлеба. Как говорится, быть бы дома, а дома и солома едома. Хе-хе-хе!

Липсердюк тоже хихикнула. Мужественный сыщик нравился ей все больше. Опять же, повторю, уже третий год она была без мужчины. Можно было бы, конечно, припахать для исполнения супружеских обязанностей Перкинса, но какой из него пахарь! Ему самому уже сто лет в обед! На него уже без женских слез не взглянешь! А взглянешь – устанешь вздрагивать!

Часть третья,

***заключительная, все расставляющая по своим местам
и раздающая всем сестра́м по серьгам. В смысле – по колья́м***

Шнапс выпил с морозца двадцать две рюмки бренди (из них одну – с джином, другую – с тоником, двадцать – просто так. Не разбавляя), оторвал своими зверскими зубами от батона колбасы могучий кусок и сказал: «О! Зер гут!», из чего Перкинс подумал, что сыщик все-таки не сыщик, а все-таки шипиён. После чего Шнапс и графиня проследовали в апартаменты знакомиться с липсердюковым папашей. Познакомившись и буквально очаровав этого старого маразматика, сыщик поднялся с графиней в курительную комнату, признательно принял предложенную ему гаванскую сигару и снова сказал: «Зер гут!», из чего графиня сделала вывод, что он – настоящий джентльмен и к тому же редкостный очаровашка.

Закурив, Шнапс рассказал ей пару довольно смелых анекдотов, после чего они проследовали в залу, где до вечера настолько азартно рубились в бридж, покер и очко, что совсем забыли и про метель, и про хлеб, и про папашку, и про Перкинса. Который на всякий случай прятался за шторой и внимательно наблюдал за Шнапсом цепким взглядом старого ревностного служаки.

Утром Шнапс проснулся еще затемно, перелез через сонно застонавшую и донельзя довольную Липсердюк, надел трусы, носки, портки, рубашку, галстук, куртку, клетчатый плащ, шляпу, сунул в зубы трубку, в карман – чистый носовой платок и недоеденный вчера кусок колбасы, открыл окно, прыгнул вниз – и тут же оказался в железных объятиях Перкинса и еще кого-то, кого он сразу и не разглядел.

– Доннер-веттер-но-пасаран! – ругнулся сыщик от неожиданности. – Перкинс! Какого... – И задохнулся от возмущения и осознания разоблачения.

– А такого, – совершенно спокойно, как будто говоря о чем-то совершенно обыденном, ответил Перкинс, скручивая ему за спиною руки и связывая их пеньковым канатом.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

– Я сразу понял, что это – германский шипиён! – довольно пояснил он своему помощнику, конюху Скотту Фицджеральду. – Он давно уже шатался по нашим болотам. Представлялся то беглым каторжником, то собирателем бабочек, то собакой Баскервилей. А теперь, вишь ты, известным сыщиком. Сыщик-аферист... Думал, сволота такая, что никто его не разгадает. Хрен-та! – неожиданно громко выкрикнул старый верный слуга. – Не зря же я в молодости служил в королевской морской пехоте старшим шифровальщиком. Уж там я на этих шипиёнов насмотрелся – во! По самые бакенбарды! – И провел ребром ладони под своим небритым подбородком.

– А вот и Скотленд-Ярд! – радостно крикнул Скотт Фицджеральд, показывая рукой на вынырнувшие из снежной круговерти сани-розвальни местного уголовного розыска, запряженные тройкой першеронов...

Эпилог

Липсердюк, узнав, какую гадюку она допустила до своего роскошного тела, сначала упала в обморок, затем впала в транс и два дня не проронила ни слова. После чего все-таки поднялась из кресла викторианской эпохи и спросила Перкинса, как ей пройти в монастырь. Перкинс показал. Она сходила, покаялась пастору, тот ее успокоил и порекомендовал срочно познакомиться с бароном Хримбенштоком-Задунайским. Тот пять лет как овдовел, и бабы у него, по сведениям пастора, до сих пор не было. Стеснялся потому что. Потому что мало ли чего. Барон все-таки. Не хухры-мухры. Не Перкинс.

Посткриптум. А колье нашлось. Завалилось за канапе. Вечно эта Липсердюк куда-нибудь свои цацки засунет, а Перкинс виноват! Нашла козла отпущения, мать ее за три гульдена! Скорее бы хоть она с этим Хримбенштоком снюхивалась! Может, тогда Перкинса в покое оставит и станет плешь уже этому барону проедать!

Необходимые пояснения

Файф-о-клок (*англ.*) – чаепитие. Англичане очень любят чай пить. Как мы – водку.

Эсквайр (*англ.*) – социальное сословие, дворянский титул.

Шнапс (*нем.*) – напиток.

Перкинс (*мордовск.*) – фамилия. Просто фамилия. А не то, что вы подумали.

ПРОЗА

Йорданка Христова
(Македония)

«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА» В МОЗАМБИКЕ²**1**

Когда получила предложение работать в Мозамбике там шла война. Перед решением подписать контракт (договор), я конечно поинтересовалась, почитала кое-что о стране: законно выбранное просоциалистическое правительство воюет против вооруженных прозападных группировок, сеющих хаос, смерть и беспорядок. Мы, СССР и страны Восточной Европы, помогаем справедливой стороне победить в гражданской войне... и так далее и тому подобное.

Уже находясь в Мапуту, я убедилась, что столица очень хорошо защищена, представляя собой совершенно недоступную Цитадель. Это успокоило меня: можно жить, работать и помогать местным строить обещанную им «новую жизнь».

Коллеги редко говорили о жертвах, о сражениях, а если заходила речь о войне – то всегда, как о чем-то далеком, нехорошем, но не касающемся нас, белых «кооперантов» (так называли здесь иностранных специалистов). Мы здесь, а война далеко...

Я конечно внимательно прислушивалась к их словам, ведь мои сыновья через два месяца должны были прилететь с отцом...

Но пока моя жизнь шла своим чередом.

И вдруг мне, недавно приехавшей, пришлось увидеть своими глазами лицо войны – жуткие следы недавних боев, почувствовать противные мурашки по спине от тихого ужаса: а что там, за поворотом? Все услышанное, увиденное и пережитое в тот один единственный день моей жизни перемешалось, вскипело и изменило навсегда мое представление и понятие о войне здесь... да и вообще...

Война будет сопровождать меня долгие годы в Африке...

Но об этом я тогда совершенно не догадывалась.

Итак. Только я вернулась на работу в прекрасном настроении, после очень приятного обеденного перерыва и прогулки по Площади Независимости, меня сразу вызвали в кабинет шефа. Там, кроме него уже находились: наше «высшее» португальское начальство и двое военных, со звездочками на погонах.

Обстановка настораживала...

Все были слишком деловые и суровые.

² Текст приводится в авторской редакции.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

В ходе разговора поняла: мне предстоит срочная однодневная командировка в Центр военной подготовки расположенный недалеко от столицы. Но... за ее охраняемым периметром. Вопрос заключался в следующем: государство выделило деньги на спешную реконструкцию Центра, а наше болгаро-мозамбикское ателье «Прожета» (Projecta) должно было сделать проект.

Ехать необходимо было на следующий день. и ознакомится с предстоящим объемом работ.

Очень хотелось спросить почему выбрали новенькую, не знающую ни слова по-португальски (Ой, нет! Уже здоровалась!), при этом еще и женщину для мужских, военных работ?

Оказалось все уже было решено.

В моем, рабочем досье (CV) значилось, что я владею русским языком и командировки для меня не проблема. После приобретения независимости, многие из служащих в мозамбикской армии заканчивали военные училища в СССР. Так русский язык объединил, в нашем случае, гражданских и военных. Меня предупредили о запрете обсуждать поездку с местными и соблюдать секретность «операции.»

Один из военных заговорил на хорошем русском языке и я немножко оттаяла, даже обрадовалась. Уже не « глухонемая». Слава Богу! Нас, гражданских, заверили – командировка абсолютно безопасная. Меня будут охранять как зеницу ока, предоставят максимальные удобства, помощь в осмотре и работе. Поедем рано утром и до заката вернемся в Мапуту. В конце разговора вспомнили поинтересоваться моим мнением, но чисто из «вежливости»: «Вы, Senhora, надеемся, согласны поехать с нами. Мы Вам гарантируем безопасность!»

Ну, я «вежливо» кивнула. Мы договорились о подробностях и господа военные с улыбками откланялись.

После ухода «гостей», в кабинете прямо ощущалось откровенное облегчение и радость моих начальников от успешного разговора.

Само присутствие Португальца было необычайным! Он появлялся в более «торжественных» случаях. Наверно данную ситуацию он воспринял крайне важной. Послать женщину (тем более иностранку) в опасную поездку все-таки обязывало его изображать большого, но заботливого босса. А очень вероятно – его заставили ... военные.

Меня конечно несколько настораживало их беспокойство, но что я могла сделать? Не игнорировала опасность, просто не осознавала её в должной мере.

Командировка! Это уже родное. Как мне захотелось махнуть на стройку...

В тот же вечер, мои коллеги, «троица», которая взяла меня под опеку, пригласила на срочный ужин.

Это прозвучало как приказ!

Мы все жили в одном подъезде, с 12 по 20 этажа, так что ходить в гости было легко.

Увидев их хмурые лица, я поняла, что здесь что-то не так. Португалец-шеф, все-таки сообщил коллеге, пригласившему меня работать в Мапуту о поездке.

Поняла, что они переживают и боятся за меня. За пределами столицы противники режима совершали частые набеги на поселки, атаковали гражданские колонны ...

Потому они и решили посидеть вечером за столом – поддержать меня и посоветовать кое-что. Каждый подарил мне здоровый бутерброд на дорогу, бутылку фильтрованной воды, а Аладжов вручил в подарок старенький термос (драгоценность невиданная), чтобы взять в дорогу кофе. Я прямо опешила. При этой дикой нехватке продуктов питания и посуды, их жесты были трогательны. Во время ужина развлекали шутками, анекдотами, историями... Они были намного старше меня, двоим уже за 60, мудрее, потому и знали как подбодрить...

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Уже дома, не спалось и... задумалась о войне... Мое поколение выросло на книгах, фильмах и подвигах Великой Отечественной войны. На уроках истории изучали Вторую мировую и остальные войны. Читали настоящие книги о настоящих героях и смотрели фильмы с настоящими артистами.

Уезжая на два года работать в Мозамбик, я поинтересовалась почему там опять воюют?! Ведь в 1975г. они официально получили независимость и стали суверенными.

Оказалось все просто. Прожили в эйфории каких-то 5-6 лет, прокутили, разбазарили и разрушили все, до чего дотянулись их шустрые темные ручонки, что им оставили португальцы-колонизаторы: промышленность, богатейшее сельское хозяйство, государственную собственность, прекрасные города, дороги, жилой фонд.

Большинство «борцов за свободу» и «лидеров» были малограмотными или совсем безграмотными. Конечно, находилось среди них умные и знающие люди, но их было очень мало, на фоне основной массы...

Первоначально они прильнули к социализму. Мы им здорово помогли: врачами, учителями, всякими другими специалистами, учебой в странах Восточной Европы и СССР. Но Запад тоже не отступал от них. Такое добро упустить! Вот эти две группировки: «левые» и «правые» вцепились друг в друга. Началась новая война – Гражданская. Резали, убивали, грабили друг друга, сжигали все, что попадалось... За каких-то полтора месяца я, еще не зная язык, успела понять, что местное население, которое до продекларированной независимости жило в своих общинах, работало и служило португальцам: на плантациях, предприятиях, в строительстве... и везде где было нужно, вошло в свою «новую свободную» жизнь без какой-либо идеологии.

Его опять обманули и втянули в новую войну!

Но я приехала работать и знала, что во время контракта будут различные обязанности и трудности.

Завтра меня ждала командировка в Маниса (Manhiça) и я пообещала себе вернуться невредимой...

2

Небольшая военная машина, похожая на «пятнистую гиену», (из-за камуфляжной окраски), ждала меня в 5 утра у подъезда нашего «поселка». Из нее вышел вчерашний «посетитель» – майор Paulo, поздоровался и с еле заметной церемониальностью открыл мне дверцу.

Трое охранников встали смиренно и смотрели на меня выпученными глазами.

– С этого момента вся охрана нашего здания будет мне кланяться, – пошутила я, увидев эту картинку и села в машину.

– Ну и пусть! Вам полагается, – он коротко улыбнулся, кивнув строго на странный «караул» и мы тронулись.

Между нами «отдыхал» автомат АК (как мне объявили), заметила я и кобуру пистолета...

Мое сердце предательски екнуло...

– На всякий случай, – бодро успокоил меня майор.

Машина шустро маневрировала между беспечно пересекающими улицу людьми. Несмотря на раннее утро, город уже кишел местными. Они вечером ложатся «с

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

курами» (как говорят у нас) и встают с ними. Живут по велению солнца.

Подъехали к какому-то зданию. Из открытых ворот почти мгновенно выехали три «пятнистые гиены» с вооруженными солдатами в кузовах. Увидев нас, поприветствовали, размахивая оружием.

– Они отвечают за вас жизнью, Senhora. Все будет хорошо, – успокоил офицер.

– Раз обещаете... – немножко натянуто пошутила я, но особого веселья и уверенности не чувствовала.

Скоро опять сбавили скорость, охрана пристроилась поплотнее.

Недалеко виднелось большое скопление людей и машин разного калибра. Они были побитые, облезлые, больше похожие на старое железо, чем на транспорт... Вокруг них суетились люди с тюками, пытались подняться и втиснуться в уже полные до предела кузова. Увидела и несколько автобусов, очень напоминающих заброшенные на обочине ржавые каркасы без стекол, также забитые до отказа черными. Некоторые из местных уже успели забраться на крыши и защищали отвоёванное место и товар пинками... Воздух над этим людским столпотворением содрогался от криков, воплей дерущихся, жутким воем и «простуженными» хрипами заведенных машин. Вооруженные солдаты чинно прохаживались среди этой бушующей толпы для устрашения и ... наведения порядка.

Я не верила своим глазам! Разве такое может существовать наяву??!!

Майор, увидев мое потрясенное лицо, объяснил, что это и есть колонна гражданских, а военные для охраны. Собирают ее в строго определенном месте два раза в месяц и отправляют в путь. Так осуществляется передвижение товаров и людей по стране, напоминая караван в пустыне. Это местные, готовые поехать любой ценой, невзирая на огромный риск потерять жизнь в пути.

– Но ведь их часто атакуют, забирают все, убивают и сжигают!

– Конечно! Но люди все равно едут... не всех убьют... Но вы не бойтесь, на нашем маршруте бандиты нападали совсем недавно, так что скоро не появятся.

«Успокоил...» – чуть слышно проворчала я с тяжелым сердцем. Но удержалась. Стало немножко стыдно. Вчера согласилась на эту поездку. Сегодня же надо думать, как остаться в живых, следуя приказам майора и помогая судьбе, а не трепыхаться как недобитая курица, не паниковать. Эти люди что, не боятся?! При этом смеются, шумно радуются... Подтянулась...

Чтобы развлечься в ожидании команды тронуться в путь, с интересом смотрела вокруг.

Обратила внимание на одну молодую местную девку. Она резко выделялась на фоне остальных. Все у нее было очень большое: мощная грудь, необъятная попа, переходящая в могучие бедра, здоровые ручки, в тиски которых лучше не попадать! Лицо тоже, как по-о-олная луна: широкий сплюснутый нос, большие мясистые губы, черные глазищи, гладкая темная кожа. Волосы скрыты пёстрым тюрбаном. Все очень пропорционально и типично по-африкански. Никакого сала, одни мышцы на железном каркасе! Мамочки! Даже мое воображение не могло подобное сотворить! Внушительный объем не мешал ей проворно носиться туда- сюда, мурлыча что-то под нос и с легкостью таскать какие-то громоздкие тюки или газовые баллоны. Штангистка! Чемпионка! За ней, неотлучно следовал парень (солдат), совершенно околдованный ею. Его глаза были неотрывно прикованы к её колышущейся заднице, обтянутой цветастой тканью. Ружье болталось беспомощно на плече... Толпа его толкала, он спотыкался, но ни на миг не отступал от предмета своего вождения. Лунатик!

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Впервые видела такое притяжение до полной отрешенности. Все так первично, как велит Мать-Природа своим мощным инстинктом воспроизводства. Потом... поэты, философы и мораль «оденут» его в стихи, рамки, правила и законы.... Наша африканская «мадонна» украдкой поглядывала на воздыхателя и с томной улыбкой покачивала плечами, грудью и всем остальным. Для этих двоих войны не существовало.

Наконец колонна тронулась. Моя охрана едет то спереди, то сзади, то мелькает сбоку. Ловят мой взгляд и бодрецки трясут оружием. Я благодарно улыбаюсь, тайком молясь чтобы не понадобилось испытать мастерство этих молодцов. Скорость невелика, мы должны двигаться среди колонны. Машины, как уже упомянула, потрепанные и перегруженные. Как они вообще ухитряются передвигаться?! Рев моторов, кряхтение, какой-то жуткий металлический кашель резали слух, не говоря уж о клубах дыма и удушливого запаха выхлопов, выходящих с одышкой из изуродованных остатков настоящих когда-то автомобилей. Но по каким-то неведомым законам механики и физики все это двигалось вперед.

Слушаю внимательно дополнительные инструкции безопасности и жую бутерброд. Еда как-то успокаивает, а кофе согревает душу и бодрит.

– Если услышите необычный звук (ударение на последнее слово), не ждите команды, сразу наклон вперед, голова на колени, руки на затылок! Только после моей команды можно шевелиться.

Киваю с пониманием.

– Никакой паники! Слушать и выполнять! – Слегка улыбается майор, но лицо сурово, а глаза безжалостны.

– Уже приближаемся к повороту на Маньису. Вот там, справа есть поселок. Оставят желающих и потом мы поедем уже быстрее. Все спокойно.

Два набитые до отказа грузовика медленно выползают перед машиной военных во главе колонны, чтобы побыстрее сбросить «пассажиров» в поселок, которого еще не видно за густыми зарослями. Все в ожидании едут медленнее.

И в этот момент раздается ... гром, словно что-то громко лопнуло. Сразу за этим, следуют несколько лихорадочных выстрелов!

Моя голова, с какой-то непостижимой скоростью оказалась прилипшей к ногам, а нос затиснут между коленками. Молчу. Глаза зажмурены. Руки на затылке. Вокруг слышатся крики, причитания, звон металла, непонятное щелканье... но без выстрелов. По спине ползут противные мурашки, оставляя за собой леденящие капельки. Наступает тишина... от которой звенит в ушах... Через мгновение, минуту, вечность... это каждый ощутил по-своему, услышался пронзительный свист и веселые крики.

– Это шины грузовика лопнули! Водитель не заметил капкана! Дурак! – Зло выругался майор, в голосе которого явственно слышалось облегчение. Выстрел в воздух объявил конец этой казавшейся бесконечной фальшивой тревоги. Чинно ждала команду поднять голову. Медленно оттаивала, не ощущая больше мурашек, холодок потеплел...

– Молодец! Не растерялись, – отметил майор, как потом признался, ожидая истерику.

– Какая я отличница, ловко выполнила инструкции, – попробовала я пошутить и развеять мелкую и противную дрожь в коленках и голосе.

– Занимались спортом? – Вдруг спросил он, непонятно зачем.

– В школе, спортивной гимнастикой ... А что? – С опаской спросила я.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

– Так работает память тела. Не забывает, вот и среагировали сразу на опасность!

Я не ответила. Только сейчас осознав, как молниеносно проснулась моя «память тела» от жуткого пинка страха и помогла не потерять достоинство.

Оглянулась осторожно. Машины нашей охраны все еще плотно окружали нас, лица солдат были суровые. Короткий приказ и, не ожидая колонну, мы ринулись вперед. До нашего конечного пункта оставалось немного. Расслабилась немножко и посмотрела вокруг. С обеих сторон дороги мелькали низкие заросли и буйная зелень: кусты, высокие травы, цветы. Группы деревьев и пальм пробегали мимо, помахивая ветками и веерами листьев. Летали всякие пернатые, сказочно яркие и веселые. Чирикали на полном дисканте. Красота! Война медленно уходила вглубь меня, сворачиваясь клубочком в районе солнечного сплетения. Напомнила о себе и хватит! Вот наш поворот налево. Дорога идет прямая, как посадочная полоса, а там, в самом её конце белеет какое-то строение.

– Вот и Центр военной подготовки Маньиса, – объявляет «шеф.»

Приехали!

3

Конечная цель нашей поездки совсем близко.

Постаралась побыстрее сбросить «с плеч» недавнюю нервотрепку и переключиться в «рабочий режим». В конце концов все обернулось «легким испугом». Лишний адреналин выветрился, пульс... почти в норме.

В Центре военной подготовки мне предстояла нелегкая встреча с военными.

«Держись» – успела подбодрить себя в момент остановки перед барьером.

Нас уже ожидали. Пропустили без лишних формальностей и вот мы уже перед зданием штаба, как подсказал майор. Караул у входа, знамя на башенке и даже две клумбочки с цветами перед зданием!

Оглянулась. Все чисто, ухожено, но обветшало. Постройки вокруг одноэтажные, требующие спешного ремонта.

Нас встречали несколько военных.

Увидев меня, не сумели скрыть неподдельное удивление и... недоумение. Они ожидали мужчину! Войска и строительство – это сугубо мужской мир! И вдруг обсуждать его с женщиной??!! Чувствуют себя неловко, даже немножко обманутыми, не подозревая, что я их прекрасно понимаю...

Майор представил меня. Наблюдаю их реакцию: от плохо скрываемой скептической усмешки с натянутым кивком до удивления и сочувствия, с благосклонным рукопожатием. Африка слишком «мужской» континент и не скрывает это.

Наверно, чтобы развеять неловкую паузу, мой сопровождающий, выразительно жестикулируя, что-то быстро говорит по-португальски. Потому, как заулыбались военные, поняла, что он рассказывает об инциденте по дороге.

«Ну, Господа, лед тронулся» – пошутила я в уме.

Поспешили в кабинет командира Центра – полковника (coronel), старшего не только по званию, но и возрасту.

Увидев меня, приподнял брови, однако сразу заговорил по делу на хорошем русском. Поблагодарил за отзывчивость и... храбрость, спросил что нужно для осмотра и коротко

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

распорядился по телефону. Если возникнут сложности, сразу к нему! И ... они, сложности, не замедлили появиться, как по заказу.

Вошел молодой, очень красивый мужчина. Его лицо и фигура являлись воплощением мужского идеала двух рас: белой и черной. Важный, самовлюбленный нарцисс, только не нежно-желтого цвета, а очень удачного оттенка кофе с молоком, но прокисшим, как оказалось... «Подполковник, зам. командира Центра» – прошептал мне майор. Зам., демонстративно проигнорировав наше присутствие, четко и с апломбом докладывал о чем-то начальству.

Полковник представил ему нас.

Пренебрежительный кивок на приветствие майора, а меня одарил презрительным, но по мужски откровенно оценивающим взглядом. Узнав, почему мы здесь, решил «воспользоваться случаем». Я конечно не кинозвезда, но «расслабиться» он всегда был готов. Его презрение к нам ушло в подполье, а на смену пришли плоские заявления какой он эксперт по строительным и ремонтным работам. Шеф должен задержать нас до следующего дня. Ужин будет ... «интересным». Обсудим вопросы и проблемы не спеша... И все это во имя долга и служения родине. Он долго уговаривал полковника, ни разу не посмотрев в мою сторону. Майор, стиснув зубы тихо переводил. Я буквально окаменела! Омерзение захлестнуло меня, и не только меня. «Мы с ребятами за вас в ответе, Senhora,» – сказал майор. Мозг яростно искал лазейку из этой ловушки. Вдруг вспомнила инструктаж, который проходила перед отправкой в Африку. «Если чувствуете опасность, угрозу, сомнение, ищите посольство».

Разговор шел напряженно, жестко. По выражению лица полковника поняла, что он не «отдаст меня». Наконец этот ублюдок повернулся ко мне с предложением решить спор. Из всех сил стараясь выглядеть спокойной, мягко «напомнила» майору, что как только вернемся в столицу, я должна появиться в нашем посольстве, в тот же день. Лично! Так договорено с их Министерством Обороны. Что поделаться: война. Врала с размахом и упоением, но со спазмом в горле. Майор подтвердил. Подполковник наконец сдался и вышел из кабинета, злой как оса. Поверил ли? Вероятно. Как говорят у нас: Бог дал, Бог взял. Переборщив со внешностью (красавец отменный), Создатель забыл о содержании, а вспомнив, впихнул в нутро что попало: гадость оказалась ближе. Так и живет, упиваясь одной упаковкой, вполне довольный собой.

В зале заседаний нас ожидал большой стол со всем необходимым: папки, чертежи, документы и двое помощников. Еще один, как оказалось очень ценный, пришел сразу за нами. Это был щупленький мужчина, уже в возрасте, в чистенькой, но поношенной «гимнастерке». Увидев меня, он вежливо поклонился, скрестив руки на груди. Старшее поколение местных продолжало очень уважительно относиться к белым, особенно к Senhora. Этот человек годами занимался всеми ремонтными работами комплекса. Знал все его изъяны и скрытые язвы. Какая удача! Быстрый осмотр не позволяет увидеть все! Дедуля был прямо подарком судьбы для меня... Когда ему объяснили кто я, он почти оцепенел. Посмотрел вокруг не розыгрыш ли это? Бедный, в глазах мелькали немые вопросы: «Мир рехнулся?? Мне обсуждать с Белой Женщиной ремонтные работы?!» – или что-то в этом духе... Но привыкший подчиняться, пожал плечами и обреченно кивнул головой.

«Будет у меня экзамен» – подумала я. И на душе вдруг стало так хорошо, повеяло чем-то родным, с нашихстроек. Вспомнила «образовательные» перепалочки с настоящими мастерами и как многому они меня научили....

Не теряя времени, взяли все необходимое и пошли делать осмотр, ведь пока светло нас ждала обратная дорога. С таким ходячим «рентгеном» все шло быстро и очень удачно. Отметки, эскизы, замечания... дед оттаял, забыл, что разговаривает о ремонте с женщиной...

Вошли в длинную казарму. Солдаты чинно стояли в центральном проходе между двухъярусными койками и с любопытством наблюдали за необычным «дамским» визитом. Сделала пару шагов и задрвав голову засмотрелась на поврежденный потолок. Вдруг что-то грохнулось с металлическим лязгом на пол. Майор молниеносно встал передо мной, а «моя свита» замкнула круг. «Ничего себе!» – только и успела подумать. Жесткая команда быстро восстановила порядок. Оказалось, что больной малярией новобранец, спал на верхней койке. Проснулся, услышав голоса, посмотрел и... впервые в жизни увидел БЕЛУЮ ЖЕНЩИНУ! Рухнул прямо сверху, задев тумбочку. Я ему показалась ... Небесным Ангелом! (Anjo do Ceu). Это прозвучало для меня настолько невероятно, как будто какой-то бред. Кричавший на него осекся. Парень шептал что-то на своем наречии. Все молчали... Перевод дошел наконец и до меня. Он из какой-то дикой глуши. В свои 16 лет видел только раз белого мужчину. А заходящий иногда черный священник рассказывал им о небесных Ангелах, парящих в белом свете... И вот он, в полубредовом от малярии сне открыл глаза и увидел меня, брюнетку невысокого роста, призрачно бледную на фоне темного окружения и... я показалась ему таким божественным созданием... Все вокруг замялись и оставили пацана в покое – пусть поправляется. Африканцы очень религиозные и не шутят ни с Богом, ни с Аллахом...

После неловкой паузы продолжили обсуждать состояние дырявой от старости крыши. Смотрели часто вверх, махали руками, указывая на язвы от дождей. До конца осмотра ощущала пристальный взгляд парнишки, следивший за каждым моим взмахом руки, надеясь, что я вдруг легко поднимусь вверх и начну парить между балками... Хотя ему очень хотелось чуда, оно не состоялось...

Осталось последнее строение, довольно потрепанное и покалеченное. Здесь дедуля решил поставить меня в тупик. Сам он бился не раз с «букетом» скользких проблем этого склада. Годами пытался решить каждую неполадку в отдельности, а надо было комплексно. Но одному, даже мастеру, каким он несомненно и был, все равно такое было не под силу. Пришлось осторожно объяснять, рисовать палочкой на песке, и он, умница, понял. Не мог знать, что я больше десяти лет скиталась по стройкам, дергалась со всякими мастерами, которые сначала поднимали нас на смех, а потом начинали делиться опытом. Мой второй университет! Дед остался довольным и на прощанье спросил меня зачем занялась мужским делом. Когда ему объяснила, что в моей стране это нормально, он с грустью поднял взор к небу, поклонился, скрестив руки на груди, и ушел с очень удрученным видом. Дала ему домашнее задание: думать, что с этим миром творится. Осмотр окончен, все довольны. Попрошалась с полковником, поблагодарив за содействие и ... защиту. «Я военный, мужчина и отец, Senhora!» – сурово ответил он, но как-то тепло, по-отечески пожал мне руку.

Мы с майором стояли в центре полукруга провожающих нас, я благодарила, они улыбались, довольные собой. Вдруг к нам подбежал парень в фартуке поверх формы и в белой шапочке. Кланяясь, смущенно сунул в руку что-то завернутое и искусно завязанное в пальмовом листе. Раскланялся и убежал. О! Это повар приготовил нам на дорогу бутерброд: хлеб с глазуньей.

– Senhora, с Вами не помру с голоду, – пошутил майор. – Целый банкет для них! Это знак уважения!

Подошли к машине. Неожиданно из-за нее выскочил солдат и чуть не сбил меня с ног, неуклюже пытаюсь вручить мне что-то. Инстинктивно прижала к груди, чуть не уронив. О, Боже, это козленок! Беспомощно оглянулась. Вокруг меня провожающие танцевали припевая, смеялись, хлопали в ладоши...

Это был подарок! Благодарили меня за работу и отвагу, решимость покинуть для этого столицу! При этой голодухе подарить целое животное на еду!!! Тронули до слез! Майор за

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

меня поблагодарил всех. Солдаты отнесли подарки в машину. Наконец и мы разместились в ней. Несколько выстрелов в воздух на прощанье, нестройное «урра» и... поехали, в надежном окружении нашей охраны.

Неслись быстро. Нет, не сломя голову, но спешили. Всем хотелось домой. Проголодавшиеся за весь день, с аппетитом набросились на бутерброды. Самые вкусные в мире! Запивали давно остывшим кофе. Эликсир! Вновь засмотрелась на зеленое буйство вокруг. Утром, среди колонны, было не до этого. Сейчас это радовало глаз, успокаивало... Обратила внимание на мелькающие коричневые глыбы на обочинах. Темные, похожие на ржавые каркасы машин, а на асфальте под ними и возле виднелись большие темно-коричневые пятна.

– Что это? – спросила я, показывая майору на пробежавшую глыбу...

Он что-то промямлил, попробовав отвлечь мое внимание, но я настояла на ответе.

– Это ... сгоревшие грузовики и автобусы ... после нападения бандитов на колонну...

– Людей убили?! Сожгли?!

– Некоторые успели убежать...

– А засохшие, коричневые лужи на асфальте вокруг сгоревших машин?! – Не унималась я.

– ...Кровь... убитых... – каким-то бесцветным голосом сообщил он.

Краски потускнели. К горлу подкатил жгучий комок. Меня стошнило.

– Ведь мы утром ехали вместе с колонной?! – с опозданием тихо ужаснулась я.

– Они были здесь недавно. Так скоро не соберутся. Спокойно...

Ехали молча. Говорить-то о чем? В горле застрял ком. Вот-вот взорвусь не то криками, не то кулаками! «Тихо, тихо, тихо...» – баюкала себя, закрыв глаза и покачиваясь как мне казалось, почти незаметно...

Вдруг раздалось громкое; Бэ-э-э-э... Бэ-э-э-э... – это мой козленок дал знать о себе.

Как подскочила, аж голову чуть не разбила! И начала хохотать... до слез... до истерики...

В 17 часов «пятнистая гиена» притормозила перед Тридцатиэтажкой.

Подарила козленка майору с безумной и безнадежной просьбой оставить его в живых. Оказалась девочкой, могла родить козлят... Обещал. И на передаче проекта подарил мне фото мамочки с двумя козлятами.

Иногда, нечаянно вспоминая о Гражданской войне в Мозамбике, перед глазами проплывают эти большие коричневые пятна спекшейся крови на дороге...

Долго переваривала увиденное и пережитое в этой командировке в Маньису, всего через месяц после приезда в Африку.

Решилась рассказать... впервые...

ПРОЗА

Алексей Котов
(Архангельск)

ЦВЕТОЧЕК НА КАПОТЕ

Валерий Павлович Шлёпанцев не торопясь спустился во двор, подошел к своей новой машине и ужаснулся.

На блестящем капоте красовался нацарапанный чем-то острым аккуратный цветочек. Холодок ужаса пробежал по спине Валерия Павловича: «Может, это китайская наклейка-розыгрыш?»

«Наклейка» не отдиралась.

Валерий Павлович в негодовании вернулся домой.

– Малыш, ты представляешь! У меня на капоте нарисовали цветочек!

– Красивый? – Лариса гладила котика.

– Ка-ка-кое там!!! – Шлёпанцев заметался по квартире:

– Малыш, это новая машина! Новая! Это... это...

– Тебе не нравится? – Котик ласково урчал.

– Да что ты говоришь-то! Да как... да как...

– А я думала, тебе понравится...

Дикое подозрение охватило Валерия Павловича.

– Нет... не говори мне... – Шлёпанцев схватился за живот, заменяющий ему сердце, и в изнеможении опустился на диван.

– Да, это сделала, я! – Лариса нежно смотрела на Валерия огромными серыми глазами. – Я хотела сделать тебе приятное. Такой маленький, красивый цветочек. Ты будешь смотреть на него, и твое сердце потеплеет от любви ко мне.

Шлёпанцев действительно «потеплел».

– Хы-ы-ы-ы!..

Весь вечер прошел в рьяных дебатах. Валерий Павлович бегал по квартире, выл в окошко, усердно рвал на себе волосы, ползал на коленках и что-то невнятно пытался объяснить жене.

Лариса с любопытством смотрела на мужа.

– Хорошо. Если ты не любишь мои цветочки, значит ты не любишь меня. – Лариса встала, поправила свои чудесные белокурые волосы, взяла клатч, надела плащ и двинулась к двери. – Я ухожу к маме.

Дверь захлопнулась.

Валерий Павлович остался один на один с котиком. Котик отправился на кухню в поисках рыбки, а Шлёпанцев отправился на кухню – в поисках водки.

Оставшийся вечер друзья провели вместе. Покинутый муж пил водку и страдальчески смотрел на кота. Кот, набив живот рыбой, разлегся на табуретке и, казалось, вопрошал Валерия Павловича:

– А поговорить?

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

И Шлёпанцев говорил!

Разговор вращался вокруг женщин с их непонятной простому смертному логикой.

Конечно, были затронуты и автомобильные темы. И темы наскальных рисунков доисторического человека. Уснули далеко за полночь.

– Ты разведись! Да, да! Разведись! – утешал друга Игорь Сергеевич. – Да если бы моя Серафима такое бы вытворила! Да ты что! Да у Ларисы совсем ума нет!

Валерий Павлович живо представил, как упитанная и хозяйственная Серафима рисует фюкус в кадке на капоте семейного джипа.

– Ха-х-х-х!..

– Ты что, Валера? – Игорь удивленно поднял брови.

– Да так... Померещилось.

– Разведись, я тебе говорю, разведись! – Игорь Сергеевич размахивал руками, пытаясь показать Валерию, как хорошо живет в холостяках.

Глядя на друга и блеск в его глазах, Шлёпанцев вдруг вспомнил, как Игорь постоянно напрашивался к ним в гости и как смотрел на Ларису. И отчетливо представил Серафиму у себя на кухне, с огромным тучным котом. И выброшенные за ненадобностью живописные картины, и красивые цветы в маленьких горшочках.

– Послушай, а он у тебя супер. Сам рисовал? – Мастер по аэрографии восхищенно рассматривал рисунок Ларисы на капоте авто. – Это она тебя проверяет, чувак, кого ты больше любишь, ее или машину. А нарисовано в кайф! Давай я чутка подправлю, здесь вот оттеню, цвет слегка наложим, заполируем, лачком покроем...

Шлёпанцев улыбался. Мастер продолжал:

– У тебя крутяк тачка будет! А ей скажи, пусть зайдет. Мы с ней так тачанки разрисуем – у нас клиентура в очередь встанет!

Валерий Павлович Шлёпанцев ехал к теще за женой. На заднем сидении возлежал котик на огромном букете цветов.

Она нарисовала гвоздем на капоте новой машины цветочек. Кого больше любит: меня или машину?

РУПОР ЭПОХИ

Часть первая

«Чибис схватил в руки лом и прижался к стенке. Малёк, Рваный и Мазила, предвкушая скорую расправу, подходили не торопясь», – закончив главу, популярный писатель Всеволод Саргасов, а в миру Василий Птенчиков, потянулся и допил стакан с морсом.

Конечно, был и крепкий кофе, и дорогие сигары, но в привычной обстановке Василий предпочитал брусничный морс напополам с клюквенным.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

«Взболтать, но не смешивать!» – популяризатору отечественного Джеймса Бонда, напиток поставляла Ксюшенька. Ксюшенька безумно любила произведения Саргасова и совсем немного самого Василия Птенчикова.

Внезапно раздался звонок в дверь. Писатель пошел открывать.

На пороге стоял сосед с пятого этажа, Тимофей Сорокин. Дохнув свежей выпивкой и слегка покачиваясь, Тимофей вошел в дверь и взял рукой Василия за шею:

– Пойдем ко мне. Дело есть...

Выставить за дверь огромного Тимофея у писателя не получилось, пришлось идти на пятый этаж.

– Смотри. – Тимофей налил Птенчикову в стакан водки. – Ты – рупор!

– Что? – пить Василий не хотел.

– Рупор эпохи! – Тимофей наклонился к писателю. – Пей!

Птенчиков пригубил.

– Слушай сюда!

И Тимофей поведал Василию жуткую историю репрессированного слесаря-наладчика о подшипниках, сальниках и главном механике.

– И ведь что обидно, – Тимофей достал еще бутылку водки и банку шпрот, – я делаю, делаю, чтоб людям спокойно работалось, а этот гад мне дешевку подсовывает, и опять все ломается!

– Ну да... – Василий захмелел. – Ломается...

– А виноват я! Мой ремонт, значит, я виновен! – Тимофей стукнул по столу. Стаканы на столе подпрыгнули. Подпрыгнул от неожиданности и Птенчиков.

– А он списывает деньги на дорогие муфты и разницу – в карман!

– А начальство куда смотрит? – внес свою лепту в разговор Василий.

– Так он с начальником делится! – Сорокин размазал по лицу пьяные слезы. – На тебя, брат, вся надежда! На тебя! Ты – рупор эпохи!

– Что? – Птенчиков поперхнулся шпротой. – Что я?

– Рупор, брат... эпохи...

Друзья пили всю ночь. На другой день к полудню Василий пришел в себя и принялся за работу. Очередной рассказ о Бонде отодвинулся на потом. Вдохновленный вчерашней беседой, Птенчиков начал писать душераздирающую повесть на производственную тему. О теневой борьбе благородного слесаря-наладчика с коррумпированным начальством.

Для романтики в произведении присутствовал нежный роман главного героя с худенькой, но рельефной кладовщицей Оксаной Игоревной.

Отключив дверной звонок и звук у телефона, Василий вдохновенно писал. В повести присутствовало все: драки с приспешниками завсклада, хитрые происки товароведа и месть отставленного ухажера Оксаны. Жуткий эмоциональный прессинг со стороны начальства и предательство друга.

Через три дня Василий понес рукопись Роману Станиславовичу Чижикову. Прочитав новеллу, издатель радостно потер руки:

– Ну что, Василий Алексеевич! Свежо! И актуально. И женщинам понравится. Особенно сцена прощания у морского причала...

– ..?

– Но вот что я подумал, Васенька, – вершитель писательских судеб вдохновенно зашагал по кабинету, – а что если нам замахнуться на самое насущное и должным образом не охваченное в современной литературе, а? На крупные автоцентры по продаже автомобилей?

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

– Так я...

– Я тебе шикарный материал дам! – Роман Станиславович горящим взглядом буравил Птенчикова. – Хамство, коррупция, мошенничество. Беспредел! Я только вчера купил себе новый автомобиль, и, представь себе...

– Так... Роман Станиславович...

– Аванс? – Чижиков утвердительно кивнул головой. – Аванс будет, Васенька! Так что бери за основу свою повесть и переделывай. Жизнь диктует нам свои суровые законы...

Роман Станиславович подошел к окну и устремил взгляд вдаль. Через дорогу, в доме напротив, пухленькая девушка в легком халатике мыла окна. Халатик от ветра раскрывался и закрывался.

– А мы в повседневной суете порой не замечаем главного... – Роман Станиславович, глядя на девушку, трогательно вздохнул и нахмурил лоб в глубокой задумчивости.

«Чибис схватил в руки договор купли-продажи и прижался к стенке. Малёк, Рваный и Мазила, предвкушая скорую расправу, подходили не торопясь. Они не знали, что адвокат, инспектор из Роспотребнадзора и представитель ОЭПиПК уже двигались навстречу правосудию...» – закончив главу, Птенчиков потянулся за стаканом и допил морс.

– Взболтать, но не смешивать! – радостно пропел писатель.

Ксюшенька полюбила Василия уже значительно больше и на выходные определенно согласилась прийти в гости. И пришла.

– Васенька, ну не надо... – Ксюшенька застенчиво отодвигала, протянутые навстречу юбочке и чулочкам руки Василия. – Напиши роман обо мне... И моих творческих поисках... – глаза поставщика морса сверкали так призывно и настойчиво, что Птенчиков согласился.

«Чибис твердой рукой отвел Оксану Игоревну за спину и приготовился защитить девушку от бандитов. Малёк, Рваный и Мазила медленно подходили, предвкушая скорую расправу...» – Василий откинулся и потянулся было за морсом, но морс внезапно закончился.

Ксюшенька никак не могла определиться в своих чувствах и взяла паузу в отношениях. До выхода романа в печать.

Из коридора стучали громко и настойчиво. Открыв дверь, Птенчиков увидел Тимофея.

– Василий! Есть разговор... – Свежий допинг Сорокина накладывался на допинг вчерашний, но от соседа пахло почему-то пельменями. – Идем ко мне!

Пьянка продолжалась до полуночи. На вопросы о народном воззвании Птенчиков выкручивался как мог. Придумывал миф про поиски образа, сказку о внезапно заснувшем вдохновении и бессовестно врал, глядя в честные глаза Сорокина.

Ровно в полночь Василий встал и, оставив друга спать лицом в пельменях, ушел домой.

Дома Птенчиков уткнулся слезами в висевший на вешалке плащ. Душа писателя разрывалась от горя. Впервые познав сладкий яд продажности, Василий стал мучительно искать противоядие и, через пятнадцать минут найдя, успокоился.

Запив муку совести оставшейся от Ксюшеньки бутылкой мартини, Птенчиков сказал сам себе:

– Я это сделал ради любви! Любви моей любимой женщины к высокой литературе!

Василий посмотрел на свое мужественное лицо в зеркале, скорчил кривую рожицу, рассмеялся и устало лег на пол. Добраться до кровати сил уже не было.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Два последующих дня Птенчиков напряженно работал, решив совместить несовместимое и открыть новое движение в литературе.

Название движения Василий придумал заранее: «Реальность Саргасова».

Закончив писать и запечатав произведение в изящный пакетик, Птенчиков довольно вздохнул. Дело оставалось за малым – отнести готовую повесть Чижикову.

Василий вызвал такси и спустился на улицу. Машина уже стояла у входа. Не обратив внимания на быстроту исполнения заказа, Птенчиков доверчиво сел на заднее сиденье.

В машине уже кто-то сидел. От стены дома отделилась внушительная тень, подошла к машине и села рядом с писателем. Клетка захлопнулась.

Часть вторая

*В искусстве можно смешивать любые стили,
но эта мешанина должна иметь стиль.*

Габриэль Лауб

Василий тихонько запаниковал. С одной стороны от Птенчикова сидел здоровый верзила, от которого пахло почему-то рыбой, а с другой – верзила еще здоровее. И если первый просто играл мышцами, то второй, положив свою руку на колено Василия, задышал мощно и с присвистом.

– Наше вам с кисточкой! – Сидевший на переднем сиденье тип повернулся к литератору и заговорил по фене.

Феня была родом из полицейских сериалов, поэтому Василий прекрасно понимал смысл разговора.

– Теперь ты понял? – говоривший показал Птенчикову кулак.

– Понял. Я все понял...

Василия выставили из машины, сопроводив профилактическим ударом по уху. Рукопись уехала вместе с верзилами.

Птенчиков поднялся к себе в квартиру, выпил стакан водки, сел на диван и заплакал.

Конечно, оригинал текста сохранился в компьютере, но Василия расстраивало само отношение. Работаешь на износ, всю душу вкладываешь, а им тупая реклама автоцентра нужна... Только и всего...

В дверь без стука вошел Тимофей. Оглядев писателя и поняв все без слов, Сорокин присел на диван и обнял Василия:

– Держись, брат. Мы пскопские, мы прорвемся!

Друзья сели за стол.

– Не на тех напали, брат! Мы напишем такую правду, такую... – Тимофей развел руки в стороны, потряс кулаками и стукнул ими по столу. – Кровью!

На следующий день Василий с тяжелой головой отправился в издательство пешком. Ночью Сорокин так усердно доказывал кровавую важность челобитной, что не только стол не выдержал. Не выдержало терпение Петра Гречихина, соседа Василия снизу.

Оставив Тимофея объясняться с возмущенным Петром и пить водку над обломками стола, Птенчиков шел по улице и представлял себя окровавленным героем невидимого фронта.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Обычные люди, проходящие мимо, и не догадывались, какая напряженная борьба окутывает их безбедное существование. Даже Ксюшеньке Василий не мог доверить свою страшную тайну. Чтоб не втянуть ее, такую нежную и беззащитную, в суровую борьбу за правду!

Василий вдруг остановился и задумался: «А если Ксюшенька, будет просто сидеть дома, то кто тогда положит бальзам на зияющие раны бойца и перебинтует их? Кто скажет ласковое напутственное слово перед битвой и помолится за Василия?»

Кирпичная кладка мечты бойца за независимость литературной мысли дала вдруг трещину. Василий замер на месте от неожиданности.

И в этот момент на писателя налетела Клавдия.

Часть третья

*Женщина никогда не появляется в жизни мужчины
просто так. Для этого существуют
определенные, чаще всего невидимые,
предпосылки.*

Мусла Салынбек-оглы ибн Загир

В Клавдии все было мощно. Мощный бюст, мощные бедра, мощная энергетика и мощная целеустремленность. Поймав Василия в полете и не дав ему упасть, Клавдия ощутила в себе незнакомое прежде чувство. Держа Птенчикова за воротник куртки, молодая девушка вдруг поняла четко и осознанно, что свалившееся с небес чудо природы пропадет без ее, Клавдии, участия.

Вся дальнейшая судьба беспризорного литератора решилась в один миг.

– Тебя как зовут? – Клавдия нежно погладила Василия по щеке.

И тут Птенчиков, сбиваясь и путаясь от волнения, рассказал Клавдии обо всей своей нелегкой судьбе, о революционной борьбе и о своем полном одиночестве.

Клавдия моментально приняла на себя функции кризис-менеджера. Зайдя в кафе и напоив Василия кофе, Клавдия выудила из писателя все ключевые детали происходящего и дала четкие инструкции по правилам поведения, пока она будет разговаривать с Чижиковым.

Роман Станиславович с удовольствием рассматривал в окно свою намытую и снабженную наимоднейшими мультками машину. Левое ухо немного побаливало, зато автомобиль после технической профилактики находился в идеальном состоянии.

Пухленькая девушка в окне напротив старательно делала зарядку в обтягивающих лосинах и маечке. Жизнь ласково пела веселую песенку.

– Добрый день! – в кабинет к Чижикову вошла Клавдия, ведя за собой писателя:

– Меня зовут Клавдия Владимировна Лагуновская. Я доверенное лицо Василия Алексеевича Птенчикова.

Разговор затянулся надолго. Чижиков кричал, хватался за сердце, ругался матом, бегал по кабинету и даже один раз хотел встать перед Клавдией на колени. К вечеру договаривающиеся стороны успокоились, подписали документы и пожали руки.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Василий все время сидел на диване и грелся в светлых воспоминаниях детства: как он, маленький Васятка, сидел у мамы на коленках и прижимался щекой к ее большой, мягкой и теплой груди.

Когда Клавдия с Василием выходила из кабинета, Чижиков задумчиво посмотрел ей вслед и непонятное чувство тихонько забралось в душу издателя.

Роман Станиславович грустно улыбнулся, вздохнул и, взяв себя в руки, посмотрел в окно. Шторы в окне напротив были задернуты, но теплый свет просачивался наружу.

– Нет! Тут даже нельзя сравнивать! – Чижиков выключил компьютер и стал собираться домой.

Эпилог

– Так что у тебя там с главным механиком? – Клавдия вошла в квартиру к Тимофею.

– Так он... – Сорокин затянул привычную песню о подшипниках, сальниках и муфтах.

– Мой дядька, когда у него возникли проблемы с мастером, не стал жаловаться. – Клавдия, улыбаясь, смотрела на Тимофея. – Вдвоем с другом (мастер был грузный дядька) они засунули мастера в бочку, залили водой и закрыли крышкой с дырочками. Чтоб не задохнулся.

Тимофей сглотнул, а Клавдия продолжала:

– Мастер просидел ночь в бочке и сразу стал другим человеком. Дурь из него вышла. – Клавдия подошла к Тимофею и провела пальцем по его лбу. – А если ты еще раз к Василию с водкой придешь, я дядьку с другом позову. У него как раз бочка в гараже простаивает.

Вечером в дверь к Василию позвонили. Открыла Клавдия:

– Тебе чего здесь надо?

Ксюшенька, хлопая глазами, держала в руке пакет с морсом. Клюквенным и брусничным.

– Я просто так...

– Иди простотакай в другое место! – Клавдия моментально определила ситуацию. – Хотя постой! – Доверенное лицо Птенчикова взяла пакет и попробовала морс. – Вкусный морс. Твоя мама делала?

– Ага...

– Знаешь что? Спустишь-ка ты этажом ниже, позвони в такую же дверь. Увидишь Петра, скажи, что тебя Клавдия послала. Клавдия – это я. – Улыбаясь, инструктировала Ксюшеньку новая хозяйка литературного вдохновения Василия. – И скажи, что ты умеешь лечить разговором бессонницу и пришла его лечить.

– Ага...

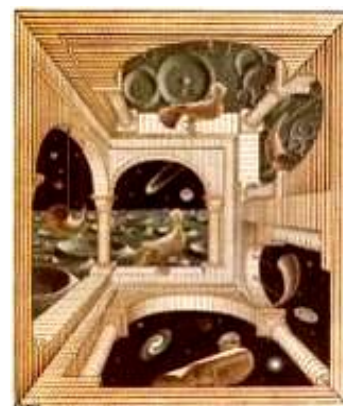
– И скажи маме своей – пусть тебя готовить научит! А то муж от тебя уйдет, – вдогонку добавила Клавдия.

Мир и покой наступили в доме Всеволода Саргасова.

ПОЭЗИЯ

Виталий Молчанов
(Оренбург)

Кресты на куполах

Нагой³

Блажен, кто верует, тепло ему на свете!

1

Весна-дворняга солнечным оскалом
Зиме грозила: «Береги бока!»
Пригожий лик под ледяным забралом
Таить устала стольная река,
И лопнула морозная тесемка.
Шлем по теченью сбросив за спиной,
Приподнялась Москва. С утра поземка
Котлы проталин сдобрила крупой,
Над варевом холодным покружилась
И сникла у Варваринских ворот.
Сдаваться к воеводе шел на милость
Стрелец помятый, выпятив живот
И вздернув к небу бороденку злую.
Нещадно сабля била по бедру:
«Посеял берендейку, закукуют
Обратно в Тверь... Рассола бы нутру...»
Стряхнув с обувки ладной комья грязи,
Торговый люд растекся по рядам.
Мостки скрипели: нес корзины Власий,
Тюки – Емеля, осетров – Богдан.
Материя разложена по штукам,
Бери любую – не жадись, плати.
Моченья и соленья, связки лука,
Бочонки меда, пирогов ломти...
Глаз маслится от снеди изобильной!
Весна-дворняга, изойдя слюной,

³ Василий Блаженный.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

На жарких лапах кралась мимо мыльни
С окошками из пленки слюдяной.

2

Дверь – нараспашку, ноздри дразнит запах
Замоченных в кадлушке пряных трав.
Случайный разговор о тайных знаках
Подобен пару – сути не вобрав,
Легко клубится, проникает в сени,
На улицу с березовым теплом.
Ярыга лечит веничком колени
И ведает собрату о былом:
– Как помню, прошлогоднего июля
Окрест стояли добрые деньки.
Паломники чрез мост перемахнули
И подались к иконе напрямки.
Всяк нес с собой хворобину, болячку,
Моление за ближнего в нужде.
С ворот спустили Божью Матерь в качке
И вознесли в шалаш из трех жердей.
Вокруг толпы природа благолепна:
Щебечут птахи, ясен Божий свет ...
Как феникс, восстающий вновь из пепла,
Нагой Василий вышел, тощ и сед.
В глазах его горел нездешний пламень.
Взмахнул рукой – так бьет одним из крыл
Орел врагов, – с коротким свистом камень
Икону чудотворную сразил!
Трепали кощуна Богдан и Власий,
Емеля помогал – ударь да пни.
Старик хрипел: «Помилуй, Христе Спасе...
С ея ты краски слой отколупни!»

3

Не люди, а мятущееся стадо,
Ярились – кто ж им вставит удила:
«Нагого вусмерть измохрратить надо,
Бить образа – бесовские дела!»
Стрельцы ватагой мчались на подмогу.
Один, с козлиной, вострой бородой,
Икону подхватил и краски кроху
Поддел ногтем, открыв начальный слой.
Взлетело воронье со всей округи –

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Загнал их в небо заполошный крик:
 «Нечистая икона, братцы, други,
 Под матерью с младенцем – адский лик!
 Молились сатане мы...» Трижды битый,
 Нагой был поднят сворой палачей:
 Чернее смоли впалые ланиты,
 Ручьями кровь текла с его плечей.
 Меж верой и безверьем – мрак и пропасть.
 Не тайный знак, а истина жила
 В юродивом, невиданная кротость
 Из глаз его на грешных снизошла
 И осветила лаской Божьей лица.
 Ярыга смолк и ковш поднес к устам.
 Окликнула стрельца отроковица:
 «Нашлась пропажа, сей же час отдам!»
 На ледоход весна глядела с кручи –
 Тяжелый бег огромных белых плах.
 Потом с небес хвостом смахнула тучи,
 И вспыхнули кресты на куполах.

Никандрова пустынь

Скинь суету на ходу, на бегу, на лету,
 Лямки проблем упадут, и расправятся плечи.
 Ближе к обеду затеплятся в трапезной печи,
 Странникам божьим насущную грея еду.
 Тонкие жерди – елового царства мостки –
 Между ключами целебными хвойные смычки.
 Жизнь прогорает мгновенно, подобная спичке,
 Мысли живут, к небесам устремляя ростки.
 В шаге от гати уходит земля из-под ног,
 Топкое место прикрыто охапкой иголок,
 Щедрой черники откинь зеленеющий полог –
 Словно роса потемневшая спрятана впрок.
 Сосны качают на мощных корнях валуны,
 Мохом подбитые, будто стрелецкие шапки.
 Помнят они, как бежали домой без оглядки
 Битые крепко под Псковом лихие паны.
 Скинь суету за порогом, войди в монастырь,
 Именем светлым Никандра в миру нареченный.
 Мысли монахов белы, одеяния черны –
 Каждый из них нашей веры святой поводырь.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Выпей воды ключевой леденящий глоток
 В древнем краю заповедном, не знающем скверны.
 Вспомни, кто спичку зажег вдруг движением верным,
 В складки хламиды заветный убрав коробок...

Тати

На дубах резные листья в клочья рвут сырой туман,
 У ватажки ловкость крысья – шмыг к лачужке сквозь бурьян.
 В дверь – плечом, дубинки – в дело: «Отдавай добро, старик!»
 ...Солнце в ранний час не грело, был истощен птичий крик.
 Не прогнать врага ветвями, зря стараетесь, дубы,
 Топчут, подлые, ногами, кровь струится из губы.
 Волокут наружу книги, совлекают образа,
 Лишь звенят в ответ вериги, застит белый свет слеза.
 Нет отшельнику заступы – вчетвером на одного.
 Вострубите Божьи трубы, возгласите гнев Его!..
 «Книги ценности великой, оторвем немалый куш, –
 В Псков брели чащобой дикой тати человеческих душ.
 – Нам коней бы за иконы да булатные мечи,
 А монах пусть бьет поклоны пред мерцанием свечи...»
 День прошел, подкрался вечер, в град пути не отыскать.
 «Вправо, влево, чет ли нечет? Бесы кружат», – молвил тать.
 Между Порховом и Псковом у Демьянки у реки
 Злая брань, до хрипа споры – волком смотрят мужики.
 Двое требуют вернуться и покаяться в грехах,
 Им в ответ: «Тут с чаем блюдце – мелко, позабудьте страх!»
 Парой в омут сиганули, звезды смыв крутой волной,
 Всплыли пузыри, как дули, под краснеющей луной...
 Поутру явились воры возвращать добро назад.
 Ни проклятья, ни укора. У Никандра добрый взгляд.
 Татям он простил обиды, осенил святым крестом.
 Солнце греет, гнезда свиты, шевелит резным листом
 На ветвях спокойный ветер, наступила благодать –
 Две души заблудших эти стали Бога почитать.

Никандр

Смотрит малютка Никон⁴ – ласточки в небе пляшут,
 В поисках пищи сущей вечное их круженье,
 Крылышками сбивают воздух в тугую пряжу,
 Ткут мимолетный ветер с тщанием и терпеньем.

⁴ Преподобный Никандр получил в святом крещении имя Никон.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Прямо под кровлей храма, слепленные на диво,
 Тесно друг к другу жмутся гнездышки-невелички.
 Божьему слову внемля, носят корм торопливо
 Птенчикам желторотым долгими днями птички.
 «Вот бы и мне, ребенку, гнездышко свить на храме,
 Ласточкой обернувшись... Певчих бы вечно слушал
 И пред иконой древней в тяжелой дубовой раме
 Вымолил бы прощенье всем неспасенным душам!» –
 Думал малютка Никон, взор устремляя к Богу...
 «Вот и сбылись мечтанья! – молвил Никандр-отшельник. –
 Выстроил я лачугу, Божью приняв подмогу,
 Будет гнездом надежным вырванный с корнем ельник.
 Ласточкой быстроекрылой станет моя молитва,
 Низко кладу поклоны с тщанием и терпеньем...
 Здесь обретешь покой ты, праведна с бесами битва, –
 Было явлено ночью Божие мне знаменье!»
 Смотрит малютка Никон – ласточки в небе пляшут.
 Видит Никандр – молитвы в Божьи спешат десницы,
 Крылышками взбивают воздух в тугую пряжу,
 С ветром несут спасенье братию и сестрицам.

Бесы

Льет из тучи, точит камень и не держится в горстях,
 Влага жизни сохнет, парень, на предельных скоростях.
 Присмотрись, не сразу кушай – вдруг червяк испортил плод,
 Говорят, что в грешных душах бесы водят хоровод.
 Пусть печаль смывают слезы, пыль – весенние дожди.
 Жарким днем мешали грозы, ночью пред иконой бди,
 Возноси молитву Богу выше сосен, дальше гор...
 Временами бей тревогу – бесы прут, как пот из пор.
 Утлых стен трясутся ветви, наступают глад и хлад.
 Прочь гони, ничуть не медли, возвращай отребье в ад!
 Бей распятием наотмашь, на соблазны не ведись,
 Тешит в каждом слабость черт наш, ядом отравляя жизнь.
 Превратился бес в красотку и в забытый кошелек,
 Лил вино слюняю в глотку, лести бросил уголек,
 Раздувая до пожара злой гордыни миражи...
 Хороводит бес не даром – ради праведной души.
 На отшельника Никандра наскочил дурной медведь.
 Бес в него вцепился жадно, думал страхом одолеть.
 Но креста живого сила обратила беса вспять,
 И медведь, как цуцик милый, стал монаху длань лизать.
 Лейся, дождь, дырявя камни, смой нечистое с пути,
 В монастырских стенах парни молят: «Господи, прости!»
 Отвернется вражье племя, и червя исторгнет плод,
 В скоростное наше время вера бесов изведет.

Фрески

Новгороду-Северскому посвящается

1

Пусть безвременье калечит духом слабых и ленивых.
...Поднимайся, человеке, вместе с ветром в космах сивых
По лесам нешатким в небо, к стеновым прильнув бойницам,
Чтоб меж ними добро, лепо прописать святые лица.

Рядом ласточкины гнезда виснут друг за другом тесно.
Оглянись назад – как пестро красит осень край чудесный,
Брызнув охры с киноварью и добавив золотого
В лип кудрявых увяданье по кайме листа резного.

На лугу подсохли травы, в бледно-желтых платах кашки,
С плеч осин спадают справа – кумачовые рубашки.
Бабам прать, подъяв подолы, зябко в отмелях деснянских,
Громоздятся частоколы из дерев до дебрей брянских.

Вот орел в полете плавном по-над плавнями кружится.
Где рыдала Ярославна, слезы льют в ковши криницы.
Крыш соломенные шапки, нахлобученные низко,
Тянут ели к людям лапки в тихой роще монастырской.

Палисады, огороды, копны сена у заборов.
На Десне глубоки броды, и реки задирист норов.
Бей распятием наотмашь, на соблазны не ведись,
Тешит в каждом слабость черт наш, ядом отравляя жизнь.

Превратился бес в красотку и в забытый кошелек,
Лил вино слюнтю в глотку, лести бросил уголек,
Раздувая до пожара злой гордыни миражи...
Хороводит бес недаром – ради праведной души.

На отшельника Никандра наскочил дурной медведь.
Бес в него вцепился жадно, думал страхом одолеть.
Но креста живого сила обратила беса вспять,
И медведь, как цуцик милый, стал монаху длань лизать.

Лейся, дождь, дырявя камни, смой нечистое с пути,
В монастырских стенах парни молят: «Господи, прости!»
Отвернется вражье племя, и червя исторгнет плод,
В скоростное наше время вера бесов изведет.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

2

Затирать ходили мелом на стене следы пожара.
 ...Извергая молний стрелы, дымная сгустилась хмара
 Над славянскую землю. Лавой огненной ордынской
 Шла гибель – все живое пряталось от смерти близкой.

Сквозь разбитые ворота полчища текли монголов.
 Вепрь могучий, воевода, пикой вражеской заколот.
 Мертвые не имут срама. Бились вои, погибая.
 Из пылающего храма голосила боль людская.

В трапезной дымились своды, рдели в жарких маках крыши –
 Не сорвешь их. На свободу детям, женщинам охрипшим
 Рыть подкоп на ближний берег в страхе, копоти и поте.
 В помощь только добрый лемех и собак дворовых когти.⁵

Жарче-жарче, ближе-ближе верховой огонь горячий.
 «Мама, душно! Мама, слышишь, балок треск», – сынишки плачут.
 «Чада, влажная земля предвещает выход к речке,
 Там орел большой кружится, с ним приятель – вольный кречет».

Лезли вглубь, персты сбивая. За минуту до спасенья
 Кровля пала, погружая в огневое погребенье.
 Мать детей прикрыла телом, псы – ее, глотнув угара...
 Затирать ходили мелом на стене следы пожара.

3

Не желей желтков для красок в оберегах на известке.
 ...Кисть тонка из меха ласки, пойманной в силок подростком.
 Глубже выпиши морщины, бровь – покатою, без излома.
 Сохрани от смерти сына, всей Руси Святой Никола!

Огневое тело в тучи прячет солнце запоздало –
 Дождик вырвался колючий, и опять все засияло.
 Мать Божья теплым светом – нежным ласковым покровом –
 Промокает капли лета на челе земли просторном.

Пахнет свежей благодатью ранней осени дыханье.
 Воротятся ль с миром рати из похода в Киев дальний?
 Мастер стар, давно не воин, только кисти взмахи резки,

⁵ Город сильно пострадал в период татаро-монгольского нашествия. Раскопки восстанавливают картину. Останки людей лежат, сохраненные пеплом. Мать буквально простерлась над сыновьями. По бокам находились останки больших собак. Верные псы тоже скребли землю, служили хозяевам до конца.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Верой в Бога взгляд утроен сотворяющего фрески.

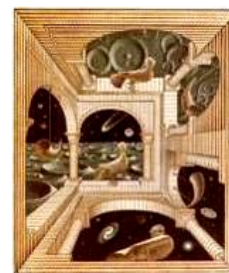
Поразит Георгий змея супостатам в назиданье!
 Русь, Россиюшка, Расея, сколько горького страданья
 От лихих междоусобиц, от измен, братоубийства?
 Будь ты старец или хлопец, почитай родных единство.

Холь его, как Богоматерь нежно нянькала Исуса,
 Не отдай земли ни пяди, в злом бою не празднуй труса.
 Быль живет под слоем сказок. Пишет дед. Скрипят подмостики...
 Не жалей желтков для красок в оберегах на извештке.

**Ю. Гончарова. Иллюстрации к книге Виктории Ледерман
 «Кошкология и котоведение Тима Усамого» (издательство «Аквилегия-М», 2021)**

ПОЭЗИЯ

Александра Скребкова-Тирелли (Бастилья, Италия)

Хроники одного дня

С плантаций Тринидада и Тобаго
привозят кофе в итальянский бар.
Заря сгорает, как сгорал Икар.
Китайский раб всю ночь среди лекал
И ножниц суетился над вискозой,
Декабрь издевался над мимозой:
Соцветия морозил и сдувал,
И первый посетитель в баре ждал
Свой капучино в новогодней кружке.
Валялся пес в траве и прелой стружке,
Был мир огромен и ужасно мал.
И грешник в церкви свечку зажигал
За упокой троюродной старушки,
А после евро нищему подал.
Тянулось время жвачкой, пахло гарью,
И кто-то называл кого-то тварью,
И Бог листал об этом всём
журнал.

Я б написала репортаж
О жизни, о судьбе, о боли,
Да мало зла, сарказма, соли.
Наотмашь бьет не мой типаж.
Способна заварить вам чай,
Подать в фарфоровом сервизе –
Привет Джейн Эйр и бедной Лизе!
Вот мой напиток – получай.
Я заварила на слезах,
С лимоном терпким из Сан-Ремо.
Восток сгущается в глазах –
Бахчисарай. Я в нем Зарема.
Иль сицилийка. Шаль черна,
На шее капелька коралла.
Заря – как жар, и ночь больна,
Но никогда не умирала.

А солнце – как запутанный клубок
Лимонной шерсти в облачной корзине.
По полю аист шествует разиней –
Он смотрит в небо, а у самых ног,

С холодным пивом, убывает день,
И каждому достанется глоточек,
И кипой непросушенных сорочек
Легла на душу тягостная лень.

Точнее – лапок, прыгает лягушка –
Он проворонил, кажется, обед.
В деревню возвращается мопед
На всех парах. Как пеннистая кружка

А может быть, ее сестра, тоска?
Кто разберет их, обе неприглядны!
И вьется локон нитью Ариадны
Серебряной у темного виска.

Кем бы я хотела по-настоящему быть – матросом,

Что видит закат вблизи, как бабочка розу.

Вы скажете, что видят закат еще лучше пилоты,
Но у тех, скажем так, немного другие заботы –

Как не разбиться и не рассыпать по небу
хрустальные души,
А матросы могут подолгу лежать и слушать,

Как упругие сильные серые мускулы-волны
Бьются и бьют, но никому не больно –

Ни воде, ни железу, контейнерам, бакам с
горючим.
Море, besame mucho, besame, бесаме мучо.

Ночь нежна, и зеленый маяк, и русалочий
профиль,
Полароидный снимок трехлетней блондинистой
крохи.

И играет луна в свои игры, знакомые с детства:
Как нырнуть в облака и куда-то предательски
деться.

И индийский мотив из соседней каюты – напарник
из Дели.
И плывет это судно, «Sant'Anna», как сердце твое,
на пределе.

Луиджи

Как будто бы растаявший топаз,
На землю льется мартовское небо.
На мир больниц, парковок, автобаз
И на сарай с наклейкой «Адидас» –
Соседский. Окончательная треба –
Быть признанным своей родной землей,
Не умереть подкидышем, но сыном.
Пусть души
Улетают
Птичьим

Клином,
А плоть размякнет – станет колеей,
В которой зародится буйный куст,
В которой утка высидит яичко.
Ах жизнь моя, проигранная стычка!
Одной тебе –
Последний
Шепот
Уст.

Стихотворение из цикла «Время»

У меня есть Время, оно обдирает, как струпя,
 листья
 И свистит мне ветром, что лето не вечно длится,
 И ноябрь сильнее, сильнее июльской дремы.
 Под холодным ливнем автобус спешит, зарёван.
 И в нем каждый хмурый и с носа сдвигает маску,
 И туман запрещает им видеть в красках
 Этот мир, что был словно фреска от Боттичелли,
 И по радио хриплый хит из прошлого – «Сэлли».
 В этой песне поется, что Сэлли растратила Время,
 Но несет это чувство радостно, точно не бремя.
 Будто это заслуга – полопать, как шарики, годы,
 И идти некрасивой и нищей во власти
 ноябрьской погоды.
 Запирают соборы и ставни, и воют собаки,
 Еле видно рекламу: просекко, прошутто и раки.
 И туман обнимается с Временем крепче, чем в танце.
 На вокзале пьяница спит в полушубке и сланцах.
 И по городу бродит и бродит увядшая Сэлли,
 И старик сторожит Рафаэля в закрытой капелле,
 И последний прохожий наткнулся на урну
 в молочном тумане.
 Мы уверены: все будет плохо,
 но только
 не с нами.

Вечность

И стариковский вальс, и рыбное меню,
 И плющ – как челка ослика под крышей,
 А побережье – Африка Камю:
 Пески и дюны. Крикни – не услышит

Никто тебя, ну кроме рыбака,
 Худого загорелого Харона.
 И в пляске Витта зубчик чеснока
 На масле заезжает в макароны.

Здесь Время – собутыльник, не судья –
 От ветра все морщины и артриты!
 Харон уснул, и мечется ладья
 Всю ночь вдоль
 Пляжей
 Санта-Маргериты.

Сонет весенний языческий

И вдруг поймешь, что в воздухе – Весна,
Как капля вермута в стакане с минералкой.
Прелестная девчонка со скакалкой,
Ты богом в утешенье нам дана.

Ты классики рисуешь на асфальте
Рукой ребенка – краше нет руки.
И ножки в гольфах резвы и крепки,
Глаза – как море в Ницце или Ялте.

Весна – дитя, рожденное в метель:
В платке пуховом душно, в шубке – жарко,
А мать-Зима смеется, ей не жалко,
Что плавится под солнцем колыбель.

И небо жжет глаза голубизной,
И мир от смерти лечится Весной.

Луна бледнее, чем покойница,
Как плач по ней – кошачий крик.
С мной сидит моя бессонница,
На образах все строже лик.

Все дальше Бог, а ветер яростный –
Возмездье здесь, а не потом.
Христос родился теплый, ясельный,
Но гнуться будет под крестом.

Вот так и ты, конвертик розовый
Иль голубой – на радость всем.
Но жизнь не лентой вяжет – тросами,
Пусть каждый дом – как Вифлеем.

Благоденствен же дом родительский,
В нем Царь – отец, Царица – мать.
Пусть жизнь моя – спектакль любительский,
Как стыдно в нем недоиграть!

Апрель

Мне, знакомой с детства с зимою
В ее самом суровом обличье,
Как не знать, что сначала птичье
Племя пляшет – потом земное!

Гордо Март объявляет птицам –
Самым старшим шепчет на ушко,
Что ненужной станет кормушка,
Что закончится время поститься!

Что земля будет теплой коркой
Пирога, только сверху невзрачной.

По асфальтовой шкурке наждачной
Дворник водит ветвистой метелкой.

И тогда, когда город захвачен
Будет воинством птичьим глумливым,
Когда небо сольется с разливом
Далеко за мостами, за дачей,

Вот тогда станет ясно и грустно,
Как в карете пустой карусели:
Жизнь не сможет начаться в апреле,
Жизнь свое не покинула русло.

ПОЭЗИЯ

Артур Новиков
(Минск-Москва)

Глаза пропитаны насквозь
Твоими влажными духами,
Страна моя.
Мне не спалось
В бездонном
Комнаты стакане.

За дверью падал хрупкий лёд.
Пыльцой снежинок исходило
Сухое сердце.
Из аорт созвездий
Пёрла ночи тина.

Молчал архангел Гавриил,
Клубился сумрак аномалий.
Я ничего не говорил,
Но люди что-то понимали.

Что прежде ты понимал как речь,
Сегодня может на плечи лечь
Камнем, или лишить ума,
Может в голос ворваться тьма.

Где память знала, что время есть,
Кустится скорбь, зацветает месть,
И реки, вспять приучаясь течь,
Брега бросают во имя сеч.

Как может слово вместить тоску?
Как выжить мысли, когда в мозгу
Нет места чистым полотнам дня,
Но проходная, труда мотня.

Не в тушь – под ребра, белым-бело,
Чтоб почернело, вколоть перо
Под вечер импульс виска руку
Толкает воплем «ку-ка-ре-ку!».

О бледный юмор, о сизый смех,
Окно в ту ночь, что накроет всех,
Цинизма вензель по-над листом –
Гранит ли, мрамор – лежать пластом.

Спасет не мысль, – быстра, слаба –
Спасает замысел, пот со лба
Владельца давящий, в черепной
Не помещаясь чугуна чумной.

Так засуху может гроза смести,
Так может бывшее на мази
Стать гиблым дело. Так иногда
Для пары строк нужно сжечь года.

И все равно от нас останется
Москвы прекрасное уныние,
Одна-единственная станция
И это небо темно-синее.

И все равно мне здесь закончиться:
Где зимней ночью клены длинные,
Где от соблазнов луны корчатся,
Где на ладонях тают линии,

И пропадают в ульях личности,
И в никуда уводят улицы,
И если сердце увеличится,
То непременно печень сузится.

Но что с того? Улыбкой месяца
Я растяну лица подобие,
Опасных звезд вертятся, лезвыца,
По швам трещи, моя утопия.

Последней каплей веры выжженной
Успеть напиться и раскаться
В том, что, как язва в сердце, выжила
Тоска в уме, смешная карлица.

Наблюдаю падение суток
На холодный осенний асфальт,
Превращается в воду рассудок,
Превращается голос в слова.

И неважно, насколько технично,
И неважно, насколько сильно.
Я безмолвно, как проклятый нищий,
Прихожу постоять под окном.

Точно так же, как было в далеких,
Изувеченных счастьем годах.

Из вот этих рук все до нитки роздал
И живу в тиши, ниже пыли ростом,
Выхожу во двор – здесь березы, липы,
И небес фарфор, и созвездий нимбы.

Как просты слова, как их звук привычен,
Неудачно как я к нему привинчен.
И ложатся дни, словно блажь на лица,
Скоро ляжет снег, словно плащаница.

Снег меняет все. Не пропал бы даром.
Отворишь окно и с напрасным даром
В резонанс войдешь, из тумана выйдешь,
И она, она!.. Всё, голубчик, финиш.

К журавлям из рук улетай, синица,
Одному говеть, одному золиться,
И без шерсти – сед, и без бога – грешен,
Путь один идет и к чертям, и к лешим.

Он и в прошлый раз не сберег, не понял,
Он и в этот раз пустотой наполнен,
У него судьба – дым во рту и случай,
Сохрани себя для иных созвучий.

Тот же дым в замерзающих легких,
Та же мука и оторопь та.

Точно так же окно опустело –
Снова город, в котором один,
По весне, словно всплывшее тело,
Между острых беспомощных льдин.

Успокой меня, милое место,
В прошлой жизни здесь ждали меня.
Я стоял под подъездным навесом
И боялся вот этого дня.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Пока еще мы живы,
И звук для нас не пуст,
И колесо наживы
Не ускоряет пульс,
Не притупляет око,
Напрасно кровь не льет,
И мысль, как импульс тока,
Под пагубный налет
Обыденного может
Ворваться, разнести...

Пока словесность множит
Созвучья ра-зно-сти,
Где смысл приемлет форму,
И тело суть хранит –
Там не взойдет гранит,
Пустынно и тлетворно,
Монументально. Мы

В апрельской панораме
Пулями талы-ми,
Меж тех, что поорали,
Возвысились, – идем.
И никого не надо,
Не нужно идиом
Плакатного разлада,
Цикличного «ура!».

Сизиф, твоя гора
И спуск с нее – награда.

Пройдешь по снегу, по дворам,
В «Пятерке» – двести за «Парламент»,
Кури, скиталец Авраам,
Дыши, прогорклыми парами
Весны, бензина, сигарет,
Болотной набережной духом,
И, пеплом прошлого согрет,
Качайся, будто бы под мухой.

У той скульптуры – «жертв-детей
пороков взрослых» – плыл однажды,
Осенней жухлости желтей,
Сквозь облака в небесной саже
Диск солнца. Плыл в реке второй...
У той скульптуры, на скамейке,
Жизнь пропуская стороной,
Сидели двое... Но с Омеги

Когда б взглянули вы, то взор
Уперся б в целое, наверно...

Но, может, это я возвел
В нелепый сан скамейку сквера.

Шрам дождя на окне –
Ни тоски, ни печали,
Только кажется мне:
Мы как будто в начале –
Нас никто не позвал,
Нам никто не ответил,
Но у нас есть вокзал
И хронический ветер.
Нам даны тишина
И пронзительный голос,
Но, увы, не слышна
Уходящая в конус
Песня первой любви
И последней к тому же.
Нам – люби, не люби –
Ни жены и ни мужа.
Хорошо – есть Москва,
И дождливое лето,
И бродячий оскал
Страшной физики-мета,
И вспотевший вагон
В черной вене столицы,
Там, на дне, глубоко
Наши круглые лица.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Идти по мокрому проспекту
И улыбаться – viva фарс!
Когда исчезнут все поэты,
Я здесь останусь ради вас.

Останусь белых писем ради
И ради музыки в ночи,
Во имя краски на ограде,
Чтоб рады были ей грачи.

В лучах фонарного тумана,
Где сквер, влюбленные и мрак,
Останусь тем, чего так мало,
Не ради, может быть, а так...

Надеждой тонкого дурмана,
Как глупый и прозрачный дым,
Пусть переполненная рана
Огнем исходит золотым.

И, никого не обжигая,
Исчезну ль я, свети одна,
Душа моя, душа живая,
Свети от неба и до дна.

* * *

Если свет лица коснулся,
Талый свет звезды твоей,
Если смазан график пульса,
Если подал соловей
Сквозь февраль и вьюги голос,
Ты читаешь: Пушкин, Колос,
Богданович, Бровка, Фет,
Мавр, Купала, Танк...
Привет, друг мой,
Миру неизвестный.
Значит, мы с тобою вместе,
Даже если ты еще
Не родился. Ни о чем
Ты и знать еще не знаешь,
Но запомни, нужно нам лишь,
Только нам с тобою это:
Слово, схваченное где-то
На границе бытия
За незримый нервный импульс,
Где вселенных бьется дух.
Я хочу, чтоб мне приснилась
Жизнь, похожая на ту,
Что казалась настоящей,
Что реальностью была.
Вот мой стол.
В нем верхний ящик,
Этой жизнью полн сполна.

ПОЭЗИЯ

Сергей Филиппов (Москва)

Два старых московских кольца
В моей, и не только, судьбе,
Одно называется «А»,
Другое, чуть большее, «Б».

Узнать их, увидев в кино,
Достаточно пары минут,
В бульварах и скверах одно,
Садовым другое зовут.

И ты мне в тот миг не мешай
Смотреть, как по старой Москве
Ползет деревянный трамвай,
Троллейбус с эмблемой «Б».

Вдруг время задумает вспять
Свернуть, там, где детство, и где
Пути их сойдутся опять
В моей, и не только, судьбе.

Где скверы, сады и бульвары
Сливаются в общий поток,
И очередь в дуровский старый
И вправду живой уголок.

Не сносить, не сносить непременно
Нам, как видно, с тобой головы?
Родились на задворках Вселенной,
Но зато в самом центре Москвы.

В нас с тобою московские корни,
А отсюда столичная спесь,
И вселенная наша, запомни,
Началась и закончится здесь.

Развивалась, росла неуклонно,
Не щадя ни врагов, ни друзей,
Не согласно вселенским законам,
А по воле великих князей.

Превращаясь из вялой и сонной,
Не идущей врагу на поклон,
Белокаменной, Первопрестольной,
В Третий Рим и второй Вавилон.

В «вечный» город, которому впору
Ожидать, как и всем нам, конца
По примеру Содома с Гоморрой,
Рассердивших когда-то Творца.

На старой летней танцплощадке
Смятение и полумрак.
Следит дружинник за порядком
Для профилактики от драк.

У женщин на щеках румянец,
Они волнуются и ждут,
Когда объявят белый танец
Всего на несколько минут.

Стоят, оценивая взглядом
Потенциальных визави.
Им, в принципе, не много надо:
Покоя, счастья и любви.

Как раз того, что во Вселенной
Пусть и на несколько минут
Всем вместе и одновременно
Им даже в танце не дадут.

Все глуше смех, все тише споры,
Все громче клич: «Маэстро, туш!»
Почти не ставят «Ревизора»
И не проходят «Мертвых душ».

Сатириков пора забыть бы
И зачехлить свой острый кий,
Хотя играет «Женитьба»,
И страшно популярен «Вий».

И вновь по Невскому проспекту,
Отчаявшись и впав в психоз,

В толпе прохожих бродит некто,
В запарке потерявший нос.

Однако строить параллели
Бессмысленно, их просто нет.
Ведь тех, кто вышел из «Шинели»,
Давным-давно растаял след.

И мчится наша птица-тройка
Куда-то, набирая ход,
Как и при Гоголе, да только
Куда – ответа не дает.

Автолавка

*В трех-четырех часах езды от Москвы
жизнь отличается на несколько десятков лет.
Из интернета*

Торопитесь, дед и бабка,
Вам сегодня повезло,
Из райцентра автолавка
Направляется в село.

Подползает еле-еле,
Совершив большой пробег,
Как обычно, раз в неделю –
После дождичка в четверг.

Теть Дуся, Нюрка, Клавка,
(Бабка с дедом тоже тут),
Как родную, автолавку,
С нетерпеньем стоя, ждут.

Здесь народ неприветливый,
Им какого-то рожна

Ведь не надо: водки, пива,
Хлеба, соли и пшена.

Каждый знает, как несладко
Жить сегодня на селе,
Но подкатит автолавка,
Сразу станет веселей.

Ведь без этой автолавки
Разучиться можно впредь
Всем селом плясать вприсядку,
Под гармошку песни петь.

В Конституцию поправку
Время сделать подошло,
Чтоб почаще автолавка
Выезжала на село.

«Никто не знает наперед...»
(По мотивам стихотворения В. Урюпина)

«Никто не знает наперед»,
Куда судьба его ведет.
К какому славному венцу?

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

К какому горькому концу?
Ведь даже царственный венец
Горчит и давит под конец.

«Никто не знает наперед»,
Что нас хотя бы завтра ждет.
Ни сослуживец, ни сосед,
Ни умудренный «вечный дед».
Ни чародей, ни «конь в пальто»,
И слава богу, что никто.

«Никто не знает наперед»,
Куда нас всех судьба ведет.
Где ясновидец, где пророк,
Чтоб весь наш мир предостерег
От войн, несчастий, катастроф
И разрушения основ?

«Никто не знает наперед»,
А нужно ли идти вперед.
А может, стоит бросить взгляд
В другую сторону – назад?
И, выбрав правильный момент,
Всем взять и резко сбросить темп?

Зачем спешить, зачем дрожать,
Бояться вечно опоздать,
Расталкивать локтями всех,
Брать на душу какой-то грех,
Борясь за славу и венец,
Когда у всех один конец?

Зачем шагаем сотни лет,
Кровавый оставляя след,
Повсюду простираем длань,
Забыв про тоненькую грань?
«Никто не знает наперед»,
Что нас за гранью этой ждет

Душа моя в глубоком трансе,
На будущем поставлен крест.
Все в прошлом: годы бурных странствий
И тяга к перемене мест.

Корабль отплыл, убрали сходни,
И, как в былые времена,
Черта оседлости сегодня
Почти для всех проведена.

Мир трансформируется, вместо
Комфортной жизненной среды –
Эксперсс-анализы и тесты,
Вакцины и QR-коды.

И нет особого резона
К возврату, стал необходим
Всем нашим нынешним патронам
И боссам масочный режим.

И хоть чья жизнь пришла в упадок
И прокликает белый свет,
Есть новый мировой порядок.
Неясно лишь, на сколько лет?

.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Курилов
(Москва)

Все познавшая, все постигшая,
Ты сидишь с сигаретой в руке -
Не прощавшая, не простившая,
Утонувшая в гордой тоске.

Ты живешь в эпицентре столетия,
Но я знаю тебя наизусть –
И твое восемнадцатилетие,
И твою – не по возрасту – грусть.

Что ни ангел твой – птица стихшая.
Что ни демон твой, то девайс.
Все познавшая, все постигшая,
В джинсах новеньких фирмы «Левайс».

Небо

Брошен невод в облаках.
Ходит небо на руках.
Ходит небо на дождях,
на предгрозовых дрожжах.

Небо, небо, эн-эл-о
к нам на землю потекло,
сквозь размытое стекло
к нам в квартиру затекло.

Неба синяя страна
так прекрасна и длинна.
Запах грома и вина,
и огромная луна.

Небо, небо, не шути!
Веру в небо возврати!
Подари нам дирижабль
и воздушные пути!

Сквозь воздушные пути
наша нежность полети!
На послушном самолете
простодушное «прости»...

Ходит небо на дождях,
на предгрозовых дрожжах.
Ходит небо на руках.
Брошен невод в облаках.

Привет, ДК Сергея Зуева!
Мы в юности гуляли там,
Я врал тебе непредсказуемо
Как будто ранний Мандельштам.

В стихах душа твоя оттаяла,
любовь, как звездочка, зажглась.
Но жизнь, как нервная Цветаева,
заботами швыряла в нас.

Под плэдом счастья полосатого
мы прятались с тобой вдвоем.
Судьба, как мудрая Ахматова,
лечила нас своим теплом.

Над нами – осень, небо мрачное
Не распогодится никак.
И я смотрю в окно прозрачное,
Как будто поздний Пастернак.

Он был еврей, а она мусульманка.
 Жили они на развалинах танка.
 Он пил коньяк.
 Она занималась у-шу.
 А я им варил лапшу.

А цимес был в чем? – а в том, что среди
 пыли,
 грязи и горя мы счастливы были.
 Пели, играли и танцевали.
 И целовали. Мы всех целовали.

Нас от войны словно снегом укрыло
 И даже я, калашное рыло,
 с жизнью и радостью не расставался
 И улыбался, всегда улыбался.

Но все кончается – правда, Кончита?
 Кончилось лето. Вскрыто. Зарыто.
 Однажды танк как поднял свое дуло –
 И нас всех (продуло?) – как ветром сдуло.

Мы разлетелись, как листья, по свету.
 Я еще есть, а нас уже нету.
 Кто на слоне, а кто на тромбоне –
 каждый скучает в своем Вавилоне.

Каждому вера. Своя. Не чужая.
 Каждый живет, сам себя отражая.

Ноты зажаты в тисках каподастра
 И не хватает любви и пространства.

Сколько должны мы бродить, пилигримы,
 чтоб возродить дорогие руины?
 Господи! Сколько ж ушло пластилина
 На этот край – Палестина?

Пожелай же мне новых чудес
 в этом новом году неизвестном:
 чтобы бес недовольный исчез,
 чтобы мост протянулся над бездной.

Чтоб рождались вокруг малыши,
 а товарищи не умирали.
 Чтоб мы радовались от души,
 и, как дети, на воле играли.

Чтобы жизнь продолжалась рекой,
 в ней наш парусник тихо качался,
 чтобы ты мне махала рукой,
 ну а я бы в ответ улыбался

этим сбывшимся солнечным снам,
 и, качаясь в небесной юдоли,
 сам Господь позавидовал нам –
 нашей радости
 и нашей боли.

Мама

Жизнь по сути – мелодрама.
 Слов-то: «Здравствуй!», «Как дела?..»
 Скажешь: «Мама». «Мама?» «Мама!» –
 Нету мамы. Умерла.

Жизнь казалась бледновата.
 Нынче ж, с временем навзрыд,
 Ждешь звонка у аппарата,
 Зная, что не позвонит.

Больно. Горько. Пусто в мире.
 Твой сигнал в эфире стих.
 Я живу в твоей квартире.
 Я живу. За нас двоих.

человек привыкает что все у него хреново
сталкиваясь с дьяволом жмет копыто – «здорово!»
и падая под электричку на станции бирюлево
он даже не матерится он скажет «а чо? а клево!»

если тебе так плохо радуешься не конфетке
а даже помятому фантику и запаху сигаретки
если тебе так плохо читаешь запоем блока
любишь даже жену и молишься на ничевока

если так плохо не все ну а так отчасти
косишь тогда под басё и прославляешь власти
и от безумной страсти можешь пропасть ни за шо
если тебе так плохо то даже уже хорошо

в принципе негативы – плюсы со знаком минус
это снаружи ты косинус а в сердце ты юный синус
это ты с виду гадкая стервозная мандавошка
на самом же деле ты гений и даже христос немножко

в общем бывай ворочайся кайся но не сокращайся
прыгай беги с ума сходи только всегда возвращайся
горе хлебая тоннами мучайся но не кончайся
видишь телега с бидонами вдруг это символ счастья

Напишите мне сказку про счастье,
про надежду и про чудеса,
про растаявшее ненастье
и про алые паруса.

Чтобы кошка по имени Мурка
мне шептала ее средь ночи,
чтобы ржал под окном Сивка-Бурка
и скучали без дела врачи.

Напишите мне добрую сказку
про меня, про нее и про нас,

чтоб Кашей утащил Златовласку,
ну а я обязательно спас.

Чтоб летали по дому Жар-птицы,
чтоб в садах хризантемы цвели,
чтоб в руках оживали синицы
и плясали в лугах журавли.

Чтоб купались мы в розовом цвете,
чтоб воскресли и мать, и отец,
и мои непослушные дети
позвонили бы нам, наконец.

Он обожал стюардесс, поэтесс,
в сердце его бушевал прогресс,
ну а душа – это темный лес
с волками и лесниками.

Он по ночам в том лесу балдел,
выл там с собаками, с птицами пел,
пил с лесниками, покуда не сел
в избушку с кривыми руками.

Там у печи, и страшна, и строга,
девка по имени Баба-яга
выдала с мясом кусок пирога
и напоила зельем,
коего после он пел и плясал,
филином ухал, романы писал,
кикимор кадрил и с последней русал-
кой занимался весельем,

Валял дурака, показывал пресс,
чуть было в ведьмину печь не залез,
да спохватился и вырвался, без
памяти и без рубахи.
Глянул вокруг – он в постели своей,
трезвый, без музыки и без друзей,
мрачный, как провинциальный музей
или палач после плахи.

Август

Здравствуй, август! Я ль твой сын? –
блудный, названный, случайный,
сентябрем крещен, печальный
спутник сосен и осин.

Всяк на свете – сирота:
мальчик, юноша, мужчина,
Бог. И не нужна причина
для принятия креста.

Принимаю и несу
радость, боль, любовь, ненастье,
зыбкое, родное счастье,
заплутавшее в лесу.

Скоро – осень. Но пока
я вдыхаю полной грудью
мир, еще не тронут грустью,
запах меда, молока,
небо синее над Русью,
яблоки и облака.

Сорняки

Мы растем, здоровые, как римляне,
Страшные в зеленом большинстве.
Кто назвал нас непотребным именем?
Умник, не запутайся в траве!

Мать-природа, мы – хитросплетения
Страсти, злости, жизни и грызни.
Бойтесь нас, культурные растения –
Пропадете, слабые, в тени!

Ползают под нами змеи гадкие,
Лапки наши лезут в небеса.
Соки, ядовитые и сладкие,
Заполняют наши телеса.

В драке с чудаками-чистоплюями
Лишь один исход, всегда простой:
Все леса и пашни завоюем мы
Нашей пустотой и густотой!

Вдаль распространимся, ввысь расселимся!
Поглотим, проглотим, заметем!
Родина, спасибо, что ты ценишь нас! –
Мы растем, растем, растем, растем!

Лето наступило.
Выросли цветы.
Не скрипят стропила.
Не орут коты.

Тишина застыла.
Раскрываем рты.
Загорай, Людмила.
Отдохнешь и ты.

По лесам малина –
Полные кусты.
Ешь, моя Марина.
Отдохнешь и ты.

Возле кипариса
Травы так густы.
Посиди, Лариса.
Отдохнешь и ты.

В ягодах поляна.
В ямках спят кроты.
Спи, моя Светлана.
Отдохнешь и ты.

Как анестезия,
Сон несет мечты.
Ляг, Анастасия.
Отдохнешь и ты.

Во садах клубника.
Небеса чисты.
Выпей, Вероника.
Отдохнешь и ты.

После пятой кружки
Муза спит моя.
Продолжай, Матюшкин.
Отдохну и я.

**Е. Комракова. Иллюстрация к стихотворению Николая Боровкова «Мотылек»
(издательство «Добрый великан», 2019)**

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)

ПИСЬМА ИЗ ПРОСТОКВАШИНА В ГРЕЦИЮ

О романе Леонида Юзефовича «Филэллин»

Признаться честно, я очень давно и чуть более чем полностью разочаровался в современных литературных премиях. Еще лет десять назад я, как человек, который пытается выглядеть в глазах окружающих думающим интеллигентом, обязательно вносил в список книг для прочтения очередного победителя какой-нибудь общероссийской премии. Однако все эти книги оставляли после себя чувство глубочайшего разочарования. Поэтому в какой-то момент я просто зарекся обращать на них внимание. Но когда лауреатом «Большой книги» за 2021 год неожиданно стал исторический роман, я сразу понял, что сделаю исключение из собственных правил.

Итак, новый роман Леонида Юзефовича «Филэллин». Названием служит термин сродни таким словам, как германofil, русофил и т. п. Эллин – вдруг кто не знает! – это грек, соответственно филэллины – те, кто любит греков. В XIX веке так называли европейцев, которые тем или иным образом участвовали в греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг.: кто-то жертвовал деньги, кто-то оказывал влияние на политическое руководство своей страны, а кто-то вступал добровольцем в освободительную армию. Вот таких людей называли филэллинами. Им-то и посвящен роман, который вызвал двойственное впечатление.

Идея романа

Начать, думаю, стоит с общей идеи произведения, как наиболее положительного момента. Итак, первая треть девятнадцатого века в России, да и во всей Европе, была эпохой больших надежд. Не так давно разгромили Наполеона, и все русское общество – общество победителей – с нетерпением ожидало перемен в судьбе отечества. Во многом именно отсутствие каких-то положительных сдвигов стало причиной восстания декабристов, подавление которого окончательно поставило крест на всех мечтах о прогрессе. Тут-то как раз и подоспела Греческая освободительная война, которая для многих русских патриотов стала символом мечты, уже погибшей на родине. И тогда демократически настроенные жители

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Российской империи, разочарованные в Александре I и его внутренней политике, устремились в Грецию, чтобы хотя бы там, на чужбине, построить то, что они хотели бы видеть в России.

Поэтому неслучайно в одном из эпизодов книги главный ее герой – отставной штабс-капитан Григорий Масцепанов, рассуждая о том, какой, на его взгляд, станет Греция после победы, говорит, что это будет страна, такая же прекрасная, как наша матушка Россия, только без казнокрадства и произвола чиновников. Вот такая у него мечта.

Вообще, у каждого филэллина в этой книге – а их довольно много – имеется свой образ будущей Греции. Будь то главный герой Масцепанов или второстепенные персонажи: французский полковник Шарль Фабье, русский грек Костандис и другие. Все они, стремясь в Грецию сражаться ради ее свободы, мечтают о прекрасном будущем. И каждый из них, оказавшись наконец в гуще событий, понимает, что все их фантазии – просто иллюзии, которым не суждено сбыться. Так, тот же Масцепанов, например, оказавшись в рядах греческой народной армии, видит, как даже во время войны, когда все европейские газеты с пафосом пишут о небывалом единении греков в борьбе за свободу, местные вельможи и полководцы разворовывают или транжирят поступающую помощь, а солдаты освободительной армии грабят мирных жителей греческих городов. И апогеем его разочарования становится сцена в конце романа, когда после победы, на Акрополе, который в свое время защищал отряд Масцепанова, новый король уже свободной Греции строит свой дворец. Главный герой хочет на него посмотреть, но охрана требует купить для этого билет, а когда Масцепанов отказывается, заявляя, что проливал здесь кровь за этого самого короля, его выгоняют самым грубым образом.

В общем, как мне показалось, именно иллюзии, а главное, их крушение под натиском реальности, – и есть главная идея романа. И если я все правильно понял, тогда «Филэллин» мне понравился. Тема действительно очень интересная, глубокая и многогранная. И в романе она раскрыта. Конечно, можно поспорить о степени этого раскрытия, можно поднять и другие вопросы, но в целом с общей идеей, на мой взгляд, в произведении все хорошо. Но тут сразу надо сказать, что это стало... *ложкой меда в бочке дегтя*.

Смешались в кучу кони, люди...

А теперь, похвалив роман, можно перейти к разговору о его недостатках, которых, к сожалению, оказалось гораздо больше, чем достоинств. Прежде всего, мне абсолютно непонятен выбор литературной формы. С этой точки зрения роман построен на трех составляющих:

- письма персонажей;
- их дневники;
- вымышленные разговоры с близкими людьми, которых нет рядом.

То есть налицо попытка совместить в рамках одного произведения довольно разные литературные формы: письма – это обращение на бумаге к другому человеку; дневник – откровения с самим собой; а вымышленный разговор и вовсе устная речь. Эксперимент смелый, по-моему, даже слишком, но само по себе это скорее повод для похвалы. Однако проблема в том, что и в письмах, и в дневниках, и в вымышленных разговорах текст абсолютно одинаковый. И это порождает серьезные проблемы. Тем более что все отрывки, представленные в разной литературной форме, еще имеют и разных повествователей.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Например, один из персонажей, камер-секретарь императора Игнатий Еловский, по определению очень образованный и просвещенный человек, а вот другая героиня, Наталья Бажина – малограмотная жительница пермской глубинки. Но памятные записи первого и письма второй написаны совершенно одинаково, с использованием длинных сложносочиненных предложений, сочных красочных оборотов, метафор и т. п. И если еще можно допустить, что секретарь императора писал настолько вычурно, пусть и в своем личном дневнике, то уж заподозрить в том же самом необразованную простолюдинку при всем желании не получится.

Таким образом, можно констатировать, что в ходе смелого эксперимента все смешалось в кучу: кони, люди, филэллины и многие другие. Поначалу такое отсутствие индивидуальности у фрагментов романа, в которых повествование ведется от совершенно разных лиц, вызывало у меня легкое недоумение. Ближе к середине – серьезные вопросы, а в конце уже откровенное недоверие к автору.

А это точно письма?

Вторая проблема текста – нарушение коммуникативной оси, что для эпистолярного жанра смерти подобно. Для начала приведу небольшой пример. Представьте ситуацию: главный герой арестован по ложному доносу, брошен в тюрьму и содержится в ужасных условиях. Дать знать о себе родным он поначалу не может, но потом благодаря добрым людям у него появляется возможность отправить весточку старшему брату, который имеет некоторые связи и может похлопотать за него. Как вы думаете, будет ли в такой ситуации нормальный человек писать письмо на двадцать с лишним страниц, и прежде чем в самом конце попросить брата о помощи, расскажет ему миллион подробностей, каждая из которых к сути дела не имеет никакого отношения? Скажем, планировка тюрьмы и ее техническое состояние. В итоге читаешь письмо, которое задумывалось как крик души, мольба несчастного о помощи, а оно наполнено деталями красочными, но совершенно бесполезными как для автора письма, так и для его адресата. Старший брат, к слову, тоже молодец, и с точки зрения многословности от младшего не отстаёт.

Как тут не вспомнить Н. И. Белунову и ее знаменитый труд «Искусство эпистолярного произведения»: *«Если эпистолярное произведение теряет жесткую ориентацию, оно утрачивает смысл и превращается в косвенный информатив для читателя, и служит для изображения, а не осуществления коммуникативной ситуации».*

Основным нормам эпистолярной коммуникации в романе «Филэллин» противоречат и некоторые формы выражения субъектных отношений. Одно из основных несоответствий – наличие персонажей второго плана в эпистолярной прозе. «Чужая» речь, которая служит формой выражения данного плана, включается в эпистолярный диалог как посторонний речевой отрывок.

Обязательно хочу отметить, что «Филэллин» представляет собой классический художественный текст, зачем-то совершенно противоестественным образом втиснутый в рамки эпистолярного жанра. И самое обидное как раз то, что если бы этот же текст был составлен в виде классического повествования от третьего лица, то получился бы замечательный текст. Очень красивый, образный и поэтичный. Поэтому я, убей бог, не понимаю, зачем нужно было строить его в виде эпистолярки, тем самым делая несуразным и убогим.

Имя им – легион

Роман не слишком большой, но при этом в нем очень много персонажей. И если не бóльшую, то значительную их часть я бы назвал избыточными.

«Избыточные персонажи – одна из главных причин, лишаящих сюжет органичности и превращающих повествование в серию эпизодов. Вводя в сюжет любое действующее лицо, вы должны спросить себя: есть ли у него важная функция в общем сюжете? Если ее нет – персонаж нужен только для колорита или заполнения пустоты» (из книги Джона Труби «Анатомия истории»).

Две трети действующих лиц вообще никак не влияют на сюжет и развитие основной идеи, а только пожирают страницы, очень много страниц. Это баронесса Криднер, престарелая религиозная фанатичка, воспаленным бредням которой посвящен значительный объем. Поручик Драверт и его сестра, которую в одном из эпизодов безуспешно пытаются сделать любовницей императора. И еще многие другие – перечислять не имеет смысла. Все они внезапно, без всякой связи и причины, появляются из ниоткуда, не делают ничего важного для развития сюжета, и так же стремительно исчезают в никуда.

Кто-то обязательно возразит, мол, введение этих персонажей работает на создание атмосферы, общего настроения романа и т. д. Данный аспект, безусловно, важен, без него хорошего произведения не получится. Но когда на создание атмосферы тратится две трети общего объема книги, на мой взгляд, это все же слишком.

Кот с оттянутым хвостом

Как итог, из-за огромного количества избыточных персонажей роман действительно распадается на серию никак не связанных эпизодов, по большей части скучных, медленных и тягучих. И это влечет за собой еще одну проблему – повествование очень сильно затянато. Вся первая половина – это экспозиция и завязка сюжета, в которой по большому счету ничего не происходит.

А вот хоть какое-то развитие событий начинается только во второй половине, но и там постоянно возникают непонятные отступления, никак не связанные с общей канвой повествования. Получается такой винегрет из множества разрозненных эпизодов, которые вроде бы и нанизаны на одну нить, но при этом чем-то единым, органично связанным все равно не становятся.

Корень проблемы

Итак, что мы имеем в качестве промежуточного итога? С одной стороны, хорошая очень интересная идея, которая просто потонула во множестве избыточных персонажей и связанных с ними совершенно пустых эпизодов. С другой – очень красивый красочный язык, который совершенно не соответствует выбранной форме повествования.

Я добросовестно и очень долго пытался понять, почему же так получилось? И я бы, наверное, не нашел ответа, если бы не наткнулся на интервью Леонида Юзефовича газете «Коммерсантъ», посвященное именно «Филэллину». Цитирую: *«Центральной идеи в романе нет, их много, и все родились непосредственно во время работы над ним, а не на стадии*

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

замысла. А поскольку работать над «Филэллином» я начал в 2008 году, за 12 лет они менялись, дополнялись, усложнялись, накладывались друг на друга».

Другими словами, Юзефович сам не понимал, о чем и для чего пишет, в принципе. Вернее даже так: на стадии подготовки к роману он понимал одно, в начале работы над ним – второе, к середине процесса стал понимать третье, а к завершению осознал четвертое. И каждый раз, когда его озарял новый взгляд на собственное произведение, он не начинал его заново и даже не исправлял уже написанное. Он просто писал продолжение с учетом нового понимания.

Так стоит ли удивляться, что в результате получилось нечто похожее на знаменитое письмо из Простоквашина, которое писали одновременно трое: Шарик, Матроскин и Дядя Федор. Вот роман «Филэллин» очень сильно напоминает такое письмо. Только оно гораздо длиннее и писали его не трое, а два десятка незнакомых друг с другом людей.

Вполне предсказуемый результат: нагромождение разрозненных эпизодов, невнятных персонажей и совершенно бессмысленных сюжетных линий. И в этом безобразии, как жемчужина в навозе, потонула по-настоящему хорошая задумка.

Ну и напоследок, в качестве постскриптума, надо обязательно сказать, что к реальной истории национально-освободительной войны в Греции роман не имеет вовсе никакого отношения. Сам автор честно говорит, что не ставил перед собой такой цели: рассказать о борьбе греков за свободу. По его характеристике это «оптическая лаборатория по исследованию русской души». Так что если вы собирались читать «Филэллина» именно ради этого, лучше передумать.

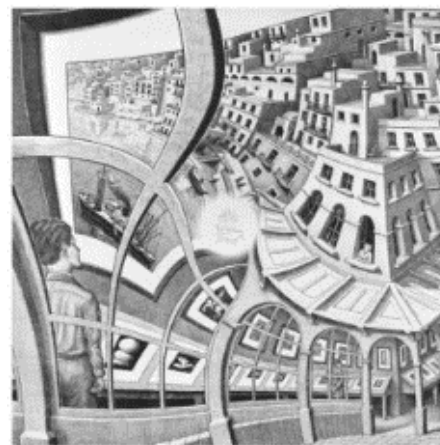
К. Комракова. Иллюстрация к книге Софьи Прокофьевой «Великие легенды Европы»: Гамельнский крысолов, Лорелея (издательство «Качели», 2021)

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Елена Образцова
(Москва)

РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ МЫ НЕСЕМ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ⁶ Этюды

*Вот так и живём, не ждём тишины,
Мы юности нашей как прежде верны.
А сердце, как прежде, горит оттого,
Горит оттого,
Что дружба превыше всего.*

Е. Долматовский,
из песни «А годы летят» к кинофильму «Добровольцы»

*Елена Николаевна Образцова, племянница
кинодраматурга З. С. Маркиной. Медицинский работник,
долгое время работала в больнице им. С. П. Боткина в
отделении реанимации. В дальнейшем прошла повышение
квалификации на базе НИИ Косметологии и работала
косметологом. Детство и юность провела во Внукове, где
живёт и по сей день.*

Мы, дети писательского городка, жили во Внукове только летом, на дачах, а зимой разъезжались по московским квартирам, в которых протекала совсем другая, городская, жизнь. Зимой приезжали редко – по каким-то особым случаям.

Лето было самой замечательной порой! Нас привозили во Внуково, и начинался особенный период нашей жизни: «походы» в лес через дорогу – на короткое время, всего часа на два, но обязательно с привалом; к больничному пруду или на речку под названием Ликова, где многие из нас научились плавать. Речка Ликова мелкая, но такая чистая, что виден жёлтый песок и мелкие рыбки. По берегам и на полянах мы собирали полевые цветы, которых было огромное количество: ромашки, колокольчики, мать-и-мачеха, кашка.

⁶ Статья из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев» под ред. О. Грушевой. Дается в сокращении.

Внуково, зима 1957 г. Справа – я

*Мои друзья.
Впоследствии все окончили
разные факультеты
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Часто составляли гербарии, засушивая между страницами книг цветы и листья. Мы торопились, потому что в середине лета сенокос уничтожал всю красоту, цветы и травы превращались в сено. Сено источало совершенно иной запах – душистый, терпкий. Аромат сухой скошенной травы запомнился на всю жизнь.

Мы дружили с детьми из городка МВТ⁷. Лето протекало бурно, интересно, в совместном общении, но как-то неожиданно заканчивалось и наступала осень. Писательские дети уезжали в Москву, а эмвэтэшники оставались: их дома отапливались газом, поэтому в них можно было жить зимой. Мы расставались до следующего лета. Зима проходила в воспоминаниях о внуковском лете, о том, как было весело и свободно.

А недавно, перебирая старые книги, я случайно обнаружила между страницами засушенные колокольчики...

2

Иногда мы ходили в клуб – маленький деревянный домик, который стоял на горке перед поворотом на деревню Абабурово. Каждый год туда привозили одни и те же художественные фильмы с участием наших знаменитых актёров, с некоторыми из которых мы жили по соседству. Но всё же мы ждали главного фильма лета – «Великолепную семёрку».

В клуб приезжал какой-то дядька и привозил ленту с фильмом. Сеанс был один раз в день в 6 часов вечера. Людей собиралось много со всех деревень: Абабурово, Ликова, Изварино, Внуково. Мест не хватало! Взрослые сидели на стульях, кое-кто даже приносил их с собой, но некоторые стояли. А мы, дети, просто сидели на деревянном полу перед первым рядом. Все

⁷ МВТ – сокр. посёлок Минвнешторга.

*Вид на наш дом –
дачу З. С. Маркиной,
сценариста и драматурга*

Осиновая рощица, там всегда росли подосиновики. 1965 г.

галдели, усаживаясь куда придётся. Ожидание накалялось! Наконец приезжий дядька громко объявлял: «Тихо!» – и гасил свет.

Наступала тишина, иногда прерываемая криками в поддержку героев фильма. После сеанса все выходили возбуждённые, покрасневшие от увиденного и от того, что внутри клуба было очень душно, и расходились или разъезжались на велосипедах по домам.

Фильм крутили несколько дней подряд, пока не посмотрят все желающие. Мы, дети, приходили по несколько раз и спрашивали друг друга: «Ты смотрел сколько раз?» – «А ты?» И так продолжалось из года в год!

3

Во Внукове было два магазина. Один продуктовый под названием «Рюмочки» – и название, и сам магазин существуют по сей день. Магазин назывался «Рюмочки» не потому, что там продавали рюмки или разливали алкоголь, а потому, что дорога к магазину вела через парадный въезд в бывшую усадьбу помещика Абрикосова. Этот въезд по бокам украшали большие каменные вазы, прозванные «рюмками».

Директором магазина был высокий толстый мужчина лет пятидесяти. Поговаривали, что наш магазин был филиалом знаменитого «Гастронома» на Смоленской площади у МИДа. Во внуковских «Рюмочках» было всё, так как он находился на территории МВТ. Но больше всего «Рюмочки» были знамениты тем, что летом там продавали свежие молочные продукты из совхоза. Утром дачники с бидонами для молока – а молоко всегда было разливное – выстраивались в огромную очередь, часа на два; там-то и обсуждали последние местные новости.

Второй магазин, хозяйственный, находился у железнодорожной станции Внуково и назывался «Керосинка». В нём продавали гвозди и всякую всячину для дома, а главное, разливали керосин в бидоны, с которыми приходили покупатели. Качали вручную рычагом прямо из бочки, и в магазине держался стойкий запах керосина. Газа в ту пору в городке не

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

было, и дома отапливались углём, а еду готовили на плитках-керосинках – их то и заправляли керосином и на них же варили варенье в больших медных тазах.

4

Во время войны, когда на нашем участке стоял конный взвод, солдаты жили в доме, печь топили паркетом, дверями и мебелью. А под конец войны после возвращения из эвакуации из Ташкента тётя Зина не сердилась и так радовалась, что дом,

Родной дом. Внуково, зима, 1940-е годы

хоть и полуразрушенный, но как-то уцелел, что обнимала и целовала солдат-мальчишек, как своих детей. А потом... вместе с ними снимала остатки досок, паркета, подкладывала под телеги и обозы, которые шли по дороге около дома.

После войны все силы были брошены на восстановление дома, и через несколько лет на том месте, где стояли на участке лошади, посадили яблоневый сад – около сорока деревьев!

Можете себе представить, как буйствовал сад! Эти яблони сохранились до сих пор и по-прежнему дарят нам свои плоды.

Родители рассказывали, что время после войны было тяжёлым; семья большая, и сёстры Зина и Сима не раз хотели продать дачу. Предложения были от разных покупателей, но всегда что-то удерживало их от такого поступка. Однажды спустя годы к нам на дачу приехал актёр Георгий Вицин. Он уговаривал тётю Зину продать ему дом, но та уже к тому времени не соглашалась ни за какие деньги.

«Это наш семейный дом, – говорила она, – который пережил много радостей и личных трагедий. Здесь живёт память. Даже если будет нужда, я не смогу продать дом никогда».

5

На территории бывшей усадьбы помещика Абрикосова находился детский дом «Молодая гвардия». Дети из детского дома были бойкие и шустрые.

Наш участок был угловой, и дорога к школе, в которой эти дети учились, шла вдоль нашего забора. Когда они шли из школы, то обязательно залезали через дыру в заборе в наш яблоневый сад. Но мои родители и тётя Зина никогда не ругали их, наоборот, звали к себе, давали яблок столько, сколько они могли унести в майках и карманах, приглашали приходиться в любое время. Мама Сима и её сестра Зина, моя тётя, часто угощали детей из детдома конфетами и домашними пирожками.

Я (слева) с друзьями, Володей и Наташей Кузнецовыми. Внуково, 1960 г.

<...> Чёрт подери, я очень соскучился по нашей жизни во Внукове. Сейчас очень часто приходится дежурить, а потому я устраиваю себе ночи воспоминаний. Несколько дней назад был чудесный восход солнца, и я буквально увидел, как мы ездил встречать восход солнца во Внукове на Минское шоссе. Помнишь? Ты, Наташка, Валерка, Борька и я. Костёр, ночное шоссе, медленно нарастающий рассвет и неожиданно солнце, когда мы только начали спускаться с горы у Катуара. Было прохладно, сыро; ты здорово подмёрзла, как, впрочем, и мы все. Помню, мы тебя пытались согреть, но, кажется, не смогли. Хорошо мы тогда прокатились. А тебе удаётся сейчас кататься на велосипеде? <...>

Письмо Владимира Кузнецова из армии

Эти ребята были непростые... Ни с кем из наших не дружили, громко свистели, собираясь вместе, и шли к себе в детский дом. Нам представлялось, что у них всё очень строго и какой-то свой, очень жесткий распорядок дня. Жили они очень бедно и, как нам казалось, были плохо одеты, но потом над детским домом взяла шефство серьезная организация и всё у ребят стало налаживаться. Рассказывали, что кто-то из них стал разработчиком в конструкторском бюро им.

Туполева, кто-то пошёл в учителя и потом вернулся – преподавать во внуковскую школу, кто-то стал предпринимателем; ребята обрели свои семьи, детей. Но я уверена, что они ещё долго вспоминали внуковские яблоки, дырку в заборе на Полевой улице, добрых бабушек Симу и Зину и наверняка рассказывали своим детям о тяжёлой, несправедливой, но такой насыщенной событиями жизни во внуковском детском доме «Молодая гвардия».

6

На Некрасовской улице у нас было много знакомых. Моими близкими друзьями были Наташа и Володя Кузнецовы. Наши родители дружили, а их мама, писатель Раиса Харитоновна, и тетя Зина, Зиновия Маркина, были ещё и соратницами в творчестве. Наташа Кузнецова пишет о них в своих воспоминаниях в этой книге.

Обычно мы собирались на Гусева – у нас на даче. Одним из любимых занятий, которым мы удивляли старших, было построение гимнастических фигур в виде пирамид. Один из нас командовал: «Делай раз!» – и те, кто был покрепче, вставали в центр, широко расставив ноги. «Делай два!» – двое других забирались на плечи первых. Первым было нелегко – они ещё должны были крепко держать руками тех, кто стоял у них на плечах. «Делай три!» – и те, кто стоял наверху, широко раскидывали руки, гордо поднимали головы и на несколько секунд

В 20-е годы в молодом государстве были очень популярны выступления коллектива «Синей блузы». Такие выступления представляли собой «живую газету», проникнутую оптимизмом, целеустремлённостью, острой сатирой, маршеобразным ритмом и часто элементами гимнастики и построения живых гимнастических фигур. Синяблузовцы объединяли в своих рядах большое количество талантливых молодых литераторов, которые писали стихи и музыку для коротких постановок. Среди них были и внуковские обитатели: поэты Василий Лебедев-Кумач и Виктор Гусев, композиторы Юрий Милютин и Исаак Дунаевский, драматурги Зиновия Маркина и Виктор Типот.

Выступление часто начиналось с выхода участников, которые под звук баяна или пианино, маршируя, пели:

*Мы пришли вам рассказать,
рассказать,
рассказать,
Что вы все должны узнать,
должны узнать. Да!*

*Из нашей газеты, живой газеты,
живой газеты
Всё, что творится на белом свете,
Должны узнать вы обо всём!*

замирали. Получалась звезда. Нам казалось, что это был шедевр гимнастического искусства. Родители цепенели от страха, ведь сверху можно было легко свалиться. Затем пирамида аккуратно расцеплялась и родители яростно хлопали, радуясь, что всё закончилось благополучно. Тётя Зина всегда при этом приговаривали: «Точно-точно! “Синяя блуза”! Молодцы!»

Потом было второе действие: мы читали стихи, обязательно торжественно объявляя выступающего. А под конец строились друг за другом и под аккомпанемент моей мамы Симы – та играла на пианино – гордо удалялись в другую комнату.

В 2017 году на даче случился пожар и пианино, по-прежнему находившееся в той комнате, где мы выступали, сгорело.

7

На даче Ф. Модорова во Внукове, 1962 г.

На улице Маяковской жил известный художник Фёдор Александрович Модоров. Мои мама и тётя часто общались с его семьёй.

У Фёдора Александровича была дочь Наташа, и училась она в училище имени Сурикова. Однажды Наташа познакомилась с известным шангистом Юрием Власовым. Между ними вспыхнули сильные чувства, они поженились, а вскоре родилась дочка, которую называли Леночкой. С ней-то в семье Модоровых и произошёл забавный случай.

Фёдор Александрович Модоров (1890–1967) – художник, педагог, народный художник РСФСР (1966), заслуженный деятель искусств Белорусской ССР, член-корреспондент АХ СССР (1958), ректор МГХИ им. В. И. Сурикова (1948–1962). Автор многих полотен, посвящённых историко-революционной тематике, Великой Отечественной войне, послевоенным годам. Фёдор Александрович создал галереи портретов героев-воинов и участников партизанского движения. Среди его работ знаменитые картины «Ходоки у В. И. Ленина» (1947); «Герои Первой конной».

Фёдор Александрович выходец из семьи потомственных богомазов в Мстёре. Учился в иконописной школе М. И. Цепкова, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в Казанской художественной школе – у Н. И. Фешина и П. П. Бенъкова, а позже поступил в Петербургскую академию художеств, где обучался в мастерской В. Е. Маковского. В 1918 г. Фёдор Модоров под руководством академика Грабаря принимал участие в реставрации Владимирской иконы Божьей Матери. В 1924 г. впервые принял участие в выставках Ассоциации художников революционной России (АХРР), лозунгами которой были «Искусство в массы» и «Героический реализм», и вскоре стал одним из наиболее активных её членов. Начиная с 1925 г. АХРР командировал своих художников в различные районы страны, в деревню, на заводы, на стройки, и Модоров обратился к индустриальному пейзажу, популярному в то время жанру. В этот период написаны «Завод Гревер» (1929), «Новая керосиновая установка» (1927). Художник пишет заводы и фабрики Челябинска и Свердловска, строительство Магнитогорска: пейзажи «На стройке Магнитки» (1931), «Челябинский тракторный» (1932). Наряду с изображением промышленных предприятий истроек Модоров обращался к теме деревенского труда и быта: «Встреча посевной» (1933), «Ковроткачество» (1930), «Первый трактор на полях Башкирии» (1933).

Модорова всегда привлекала жанровая живопись. Практически во всех его картинах присутствует элемент сюжета. Таковы «Портрет матери художника за самоваром» (1934), «Комсомольская бригада штукатурщиц» (1932).

На протяжении всей жизни Модоров помимо деятельности живописца вёл активную общественную и административно-педагогическую работу. В родной Мстёре при его содействии была создана детская художественная школа-коммуна и художественно-промышленный техникум. Руководя в течение пяти лет этими учебными заведениями, Модоров ратовал за образование в Мстёре артели художников лаковой миниатюры.

В течение многих лет Модоров был профессором живописи во Всероссийском государственном институте кинематографии; с 1948 года – ректор Московского художественного института им. В. И. Сурикова, одновременно профессор, руководитель мастерской живописи. Работы Модорова хранятся более чем в пятидесяти музеях страны (в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее и др.).

Как водилось на дачах, коляску с малюткой поставили в тенёк под яблоней. Через некоторое время девочка стала громко плакать. Наташа подбежала к коляске, а та до краев оказалась наполненной яблоками, да так, что ребенка не было видно! Все удивились: откуда эти яблоки? и кто их туда сложил?

А дело было так. Соседями Модоровых была семья Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко – того самого, который во время Великой Отечественной войны руководил партизанским движением. У них жила маленькая обезьянка – большая хулиганка. Она сбежала из дома, залезла на яблоню Модоровых, под которой стояла коляска, оборвала яблоки и аккуратно сложила в коляску, чем вызвала крик ребёнка и ужас родителей.

Кисти Ф. А. Модорова принадлежит ряд портретов известных людей, проживавших во Внукове. В 1955 году написан портрет поэта Михаила Исаковского. В 1961 году – портрет штангиста Юрия Власова, чемпиона мира по тяжёлой атлетике, который был женат на дочери художника, Наташе Модоровой.

За работой. 1961 г. Ф. А. Модоров. Портрет чемпиона мира штангиста Ю. Власова. 1961 г.

Все мужчины нашего городка интересовались спортивными достижениями знаменитого штангиста Юрия Власова, и он с большим удовольствием со всеми общался. Как-то я была свидетелем такого эпизода. В «Московском писателе» работал электрик Толя, который однажды с ехидством спросил Власова, может ли тот его поднять. Власов улыбнулся, поднял Толю на руки и мягко перекинул через забор – хорошо, что забор был не очень высокий. Все засмеялись. Толик не ушибся и оценил силу чемпиона мира. Сейчас всё это очень весело вспоминается!

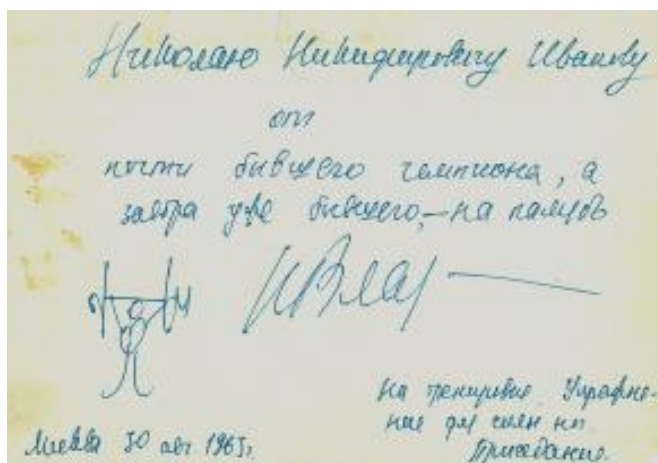
Юрий Петрович Власов (1935) – тяжелоатлет, писатель, политический деятель. Заслуженный мастер спорта СССР (1959). Выступал в тяжёлом весе. Олимпийский чемпион (1960), серебряный призёр Олимпийских игр (1964), 4-кратный чемпион мира (1959, 1961–1963), 6-кратный чемпион Европы (1959–1964), 5-кратный чемпион СССР (1959–1963). Установил 31 рекорд мира и 41 рекорд СССР (1957–1967). Знаменосец делегации СССР на открытии Олимпийских игр 1960 и 1964 гг. Возглавлял Федерации тяжёлой атлетики (1985–1987) и атлетической гимнастики (1987–1989) СССР. Награждён орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта».

С 1959 года начал заниматься общественной и литературной деятельностью. Первый сборник рассказов «Себя преодолеть» вышел в 1964 г. В последующие годы опубликованы повесть «Белое мгновение» (1972), романы «Солёные радости» (1976), «Особый район Китая. 1942–1945» (1973), «Справедливость силы» (1984). Автор многих публицистических статей.

Во Внукове в 1963 г. Юрий Власов подарил моему отцу, Н. Н. Иванову, журналисту и общественному деятелю фотографию на память. На обороте было написано: *«Николаю Никифоровичу Иванову от почти бывшего чемпиона, а завтра уже бывшего, – на память.*

На тренировке. Упражнения для силы на приседания.

Москва, 30 авг. 1963 г.»

**Надпись на фотографии,
подаренной Юрием Власовым моему отцу**

Юрий Власов на тренировке

* * *

Пролетали годы, мы выросли, куда-то исчезала беззаботность, мы становились серьёзными. У нас зарождались новые чувства и новые ощущения, формировалось своё видение мира. Каждый из нас пошёл по жизни своим путём: кто-то приобрёл известность, кто-то нет, кто-то остался в тени, но у каждого из нас в душе до сих пор живы тёплые воспоминания о внуковских детстве и юности, что прошли рядом со знаменитыми, но очень добрыми и в обычной жизни скромными, доступными людьми, — нашими бабушками и дедушками. Эту радость общения с ними мы несём через всю жизнь. Это была наша среда обитания, и мы, как могли, всегда старались быть похожими на них.

**Дорога к пруду детского дома «Молодая гвардия».
Слева направо: отец Николай Никифорович Иванов, я, подруга Регина и племянница Оля.
Внуково, 1966 г.**

СМЕХОТЕКА

Илья Криштул
(Москва)

НЕ БРОСАЙТЕ МУЖЧИН!

Грустный репортаж

По статистике, от насилия в семьях страдает 95 процентов мужчин, но данные эти сильно занижены – не каждый мужчина побежит в полицию или в суд жаловаться на жену-тирана. Домашние изуверы в ангельском облики прекрасно это понимают и не прекратят унижать, оскорблять и даже избивать своих супругов, пока те не вспомнят наконец, что они мужчины, и не обратятся в компетентные органы или к юристам. Да и в этом случае может произойти лишь временное затишье, как рассказали нам в центре правовой поддержки жертв женского насилия «Валера», единственном в России кризисном центре реабилитации, содержания и пристройства брошенных и униженных мужей. Сейчас здесь на передержке находятся 25 мужчин – кому-то подыскивают новую семью, кто-то ждет возвращения к своей маме, а кто-то надеется, что жена одумается и заберет его обратно.

– Такое бывает, но очень редко, – вздыхает главный юрист центра Елена Анатольевна. – На моей памяти только однажды жена забрала брошенного мужа, сказала, что дети скучают, да и она сама тоже. Я, говорит, уже привыкла, что ухожу на работу – он спит на своем диванчике, прихожу – он радуется, скулит, лезет целоваться... Клялась, что больше пальцем его не тронет, просила не доводить до развода. Но там и экземпляр был очень хороший – большие грустные глаза, ласковый, породистый... Если бы жена за ним не вернулась, его бы забрала к себе одна наша сотрудница, она прямо влюбилась, переживала... Понимаете, муж, если он некрупный, непьющий, знающий свое место и самые простые команды, это очень преданный и верный друг. Но от таких питомцев обычно не избавляются...

– Елена Анатольевна, а у вас дома есть муж? – задали мы предсказуемый вопрос.

– У меня два, – улыбнулась Елена Анатольевна. – Сережа, и два года назад я взяла себе отсюда Илюшу, которого бывшая жена бросила на даче под Воскресенском. Если бы не добросердечные люди, которые обратили внимание на бегущего по участкам голодного мужчину, не поймали бы его и не привезли к нам, он бы зимой умер – от холода и голода, или его загрызли бы одичавшие мужья с низкой социальной ответственностью... А сейчас это прекрасный домашний питомец, ласковый, счастливый и ухоженный. Но сначала было трудно. Видимо, в прошлой семье Илюша неоднократно подвергался насилию, его унижали, оскорбляли, может, даже били, заставляли работать...

– А как они уживаются друг с другом, все-таки два мужа...

– Прекрасно уживаются, даже дружат! – Елена Анатольевна явно гордилась своими мужьями. – Они вместе играют, гуляют, едят из одной миски, сами распределили домашние

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

обязанности – Илюша готовит и стирает, а Сережа убирается и моет посуду. И знаете, как приятно – возвращаешься усталая с работы, а дома тебя встречают два любящих животных с мокрыми носиками... Поэтому я хочу обратиться ко всем женщинам, которые завели себе мужей: наигравшись, не выбрасывайте их на улицу! Даже если муж перестал выполнять свои супружеские обязанности – усыпите его или, что лучше, приведите к нам! Может, кто-то ищет именно такого мужа... А перед тем как сыграть свадьбу, сто раз подумайте – нужно ли вам это? Ведь вы берете себе в дом не просто мужа, вы берете живое существо с дурными привычками, с отвратительным характером, с болячками в старости, да и в молодости тоже... Прежние хозяева мужа, родители – мы их называем «заводчики» – никогда не расскажут вам всю правду о своем питомце, иначе они от него не избавятся. Любит ли он пиво, много ли у него друзей – подонков и алкоголиков, приучен ли он стирать носки, бриться, может ли он прокормить семью – все это вам придется узнавать самой методом проб и ошибок. Ведь не каждый муж может прокормить семью, а вот пропить ее может любой! Теперь пойдёмте, я проведу вас по центру и покажу наших подопечных...

Что сказать – в центре «Валера» брошенные мужья содержатся в прекрасных условиях. Просторные вольеры, в которых имеется все необходимое для счастливой жизни мужчины: диван, телевизор и заполненный по вкусу постояльца холодильник, душ, место для игр, есть большой холл, комната психологической разгрузки с сауной, но... Конечно, это не дом и не семья, что заметно по грустным глазам с виду таких довольных подопечных центра.

– Вот, посмотрите, – Елена Анатольевна протянула нам газету с брачными объявлениями, – один из наших питомцев уже месяц каждый день пишет в эту газету. Мужчина хочет семью, хочет нормальной жизни, которая была у него когда-то... Так тяжело читать это...

«Ищу добрую, ласковую, сексуальную, красивую, богатую, с квартирой и машиной. О себе: Игорек, 54 года» – гласило объявление.

– Да, больше о себе он ничего написать не может. Он жил в прекрасной интеллигентной и богатой семье, жена управляла банком, его баловали, он никогда не работал. А потом в доме появился новый любимчик, породистый африканец, и Игорька просто забыли в ресторане. Это чудо, что он дошел до нас, ведь он мог попасть под машину или оказаться у каких-нибудь нехороших людей. Понимаете, место мужа – в квартире, иначе он начинает искать себя в этом большом и жестоком мире! А вот здесь наш Игорек живет... Игорек, Игорек!

Из глубины вольера на голос выбежал полноватый мужчина и ткнул в щеку Елены Анатольевны. Она улыбнулась:

– Молодец, молодец, хороший... На! – Елена Анатольевна вытащила из сумочки сигареты, дала их мужчине и тот благодарно улыбнулся. – Игорек у нас тоже породистый, по профессии он политический и финансовый аналитик, этой породе мужчин работать несвойственно. Ему трудно будет найти новую хозяйку, хотя он очень спокойный, хорошо кушает, спит, гуляет, любит курить и смотреть мультики про Лунтика... Любишь Лунтика, Игорек?

Мужчина подпрыгнул, завилял всем телом, и Елена Анатольевна потрепала его по голове:

– Лунтик добрый, как ты, да? А ему не дают спокойно жить, да? Ну иди, иди...

Мужчина кивнул и побежал вглубь вольера, а мы удивленно посмотрели на главного юриста центра.

– Ну а что вы удивляетесь, я же обязана знать, чем живут мои подопечные. «Лунтика» любят смотреть многие из оказавшихся в трудной жизненной ситуации мужчин, он чем-то напоминает им их собственную судьбу. Ведь Лунтик так же, как и они, прожил несколько счастливых лет, а потом оступился, упал и очутился в незнакомой, иногда враждебной среде, где очень трудно найти свое место. Брошенный и униженный, никому не нужный бывший муж,

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

как и Лунтик, вынужден приспособливаться, менять свои привычки, привыкать к новым условиям, искать себе пропитание, даже готовить... А вот это наш Мишаня...

На нас с деловым видом шел явно беспородный мужчина без возраста и со следами на лице. Елена Анатольевна погладила его, и мужчина с таким же видом пошел обратно.

– Он же куда-то шел? – спросила наш фотограф, заинтересованно глядя вслед Мишане. – Может, по делам, а мы помешали?

– Вряд ли... – ответила Елена Анатольевна. – Мужчину невозможно сбить с пути, потому что он не знает, куда идет. Я смотрю, наш Мишаня вам понравился... А у вас когда-нибудь был муж?

– Нет... – засмушалась фотограф. – Кошка была, попугайчик в детстве, сейчас рыбки...

– Так попробуйте завести себе мужа! Никакой попугайчик не сравнится с этим прекрасным и умным животным! Я недавно была в цирке, там еноты... Какие фокусы они выделывали! А мужчина, как считают ученые, умней енота, ведь мужчину человек приручил и одомашнил уже очень давно!

Елена Анатольевна взяла нашего фотографа под руку и подвела к вольеру с табличкой «Мишаня», куда зашел мужчина.

– Мишаня много натерпелся в жизни, он голодал, бывшая хозяйка оскорбляла его, не понимая, что он не приучен зарабатывать деньги, он приучен их тратить... Он с удовольствием подарит вам свою любовь, он так скучает по ласке и домашней еде... Каждый вечер сидит перед телевизором навстречу своей судьбе, ждет... Он стерилизован, вакцинирован, чипирован, дружелюбен, прекрасно ладит с другими мужчинами. У вас есть с собой какая-нибудь вкусняшка?

– Да, я взяла... – фотограф порылась в сумке. – Вот, пиво и сухарики...

– Это то, что нужно. Зайдите, погладьте его, угостите... Понимаете, чтобы повесить люстру, можно вызвать мастера, а вот накричать, что криво повешена – тут нужен уже муж. Заходите, не бойтесь, наши питомцы не кусаются...

Фотограф зашла в вольер, Мишаня радостно протянул ей руку, а Елена Анатольевна обернулась ко мне:

– Будем надеяться, что ваша коллега нашла себе верного спутника жизни...

Когда мы выходили из центра, к нашему фотографу прижимался, заглядывая в глаза и не веря своему счастью, беспородный мужчина Мишаня. Он шел домой, он шел в новую семью, где его не будут морить голодом, оскорблять и заставлять делать то, что он делать не желает.

И что хочется сказать... Женщины! Не бросайте мужей! Помните: мужа – это живые существа, которые зависят от вас! В день, когда вы привели мужа домой, вы взяли на себя ответственность за этот беззащитный ком любви, нежности и дурных привычек! Любите и терпите мужа до пенсии – ведь две пенсии лучше, чем одна! Счастья вам в семейной жизни и удачной дрессировки!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Татьяна Попова

(МОССАЛИТ, Москва)

АЛИСА РАССУЖДАЕТ

Наверное, каждый родитель и любые бабушки-дедушки могут составить свой сборник «От двух до пяти». Правда, потребуется хорошая память, чтобы запоминать перлы хотя бы до момента, когда удастся их записать. Я очень стараюсь. Возможно, мне удастся сохранить для потомков (Алисиных, а значит, и моих) хотя бы пятую-шестую часть высказываний их будущей бабушки.

Алиска родилась в октябре 2016-го, и, читая ее рассуждалки, можно проследить, как она растет, как меняется ее взгляд на окружающий мир.

Алисе 2 года

Заходим в дом, подходим к тамбурной двери, я достаю ключ. Лися: «Открывай!». Я: «Открою без твоих указаний». Алиса (с нажимом): «Нет, откроешь с моими указаниями».

Спускаемся в сад по лестнице, Алиса старается прыгать через ступеньку. Я объясняю, что она может упасть. Алиса останавливается и на весь сад заявляет: «У меня есть идея: я хочу научить тебя прыгать по лестнице».

Алиса неизвестно где подцепила выражение «елки-моталки!». «Кто научил?» – спрашиваем. – «Серый конь». – «Кто такой серый конь?» – «Конь в пальто!»

Прабабушка рассказывает про комариков на воздушном шарике. Спрашивает: «А что они делали на воздушном шарике?» Лися отвечает: «Надували».

Собираемся делать ингаляцию, я спрашиваю, какой мультик Алиса при этом хочет смотреть. Отвечает: «Я вообще не хочу делать агаляцию, хочу сидеть на диване и думать».

Играет на игрушечном «пайанино». Бабушка смотрит на нее и говорит мне: «Смотри, у нее все лицо играет». Алиса: «У меня пальчики играют, а не лицо».

Алисе 3 года

Алиса идет с мамой в садик. Вдруг (ни с того, ни с сего): «У меня хорошие манеры. Попросят что-нибудь – поделюсь». Идет дальше, думает о чем-то. Через минуту-другую: «Но если конфету попросят – не поделюсь!»

Алиса: «Мама, я хочу на тебе жениться». Мама: «Почему на мне?» Алиса: «Ты хорошая, а я не хочу случайно жениться на ком-нибудь плохом».

Алиса: «Бабушка, я в садике играла в железную дорогу. Но вообще-то она была деревянной».

Алиса спросила меня, почему кислородом мы дышим, но его не видим. Рассказала ей от трех состояниях вещества. Проверила, поняла ли она, называя разные вещества и предлагая

назвать, какое у них состояние. Отвечала безошибочно. Потом поговорили про воду, как она замерзает, как испаряется. Я подвожу итог: «Вот, мол, вода может быть во всех трех состояниях». Алиса в ответ: «Да! А я очень люблю жареное мясо».

Мы возимся, балуемся, я хватаю Алиску за ногу. Она: «Отпусти мою конечность». Я: «А что такое конечность?» Она: «Руки и ноги». Я: «Правильно. Причем руки – это верхние конечности, а ноги – нижние». Алиса: «Ты что, бабушка, верхняя конечность – это голова».

Алисе 4 года

Зять рассказывает, что по утрам, когда он приводит в сад Алиску, ее уже ждет там мальчик Глеб. И теперь Алиса решила на нем жениться. Я удивлена: «Алиса, тебе же вроде Дима нравился». Алиса: «Нет, Глеб хороший. Он меня никогда не бьет, не колотит». Я: «А разве Дима тебя бил-колотил?». Алиса: «Нет. Но Дима толстый, а мне нравятся стройные».

Алиса с мамой Полей играют в динозавров. Алиса: «Ты моя мама-динозавр, а я твой динозавренок». Полина: «А мы с тобой какими динозаврами будем: хищными или травоядными?» Алиса: «Давай мы лучше будем ископаемыми».

Алиса: «Я хочу быть главной в доме, хозяйкой. И в Москве тоже хочу быть хозяйкой». Я: «То есть мэром Москвы?» Алиса: «Нет, хозяйкой». Мама: «Мэр и есть хозяин Москвы. А почему ты хочешь быть мэром?». Алиса: «Чтобы мне подарили костюм летучей мыши. И другие подарки». Я: «Хозяин и мэр должен не о себе думать, а о других заботиться. Что ты собираешься сделать для москвичей?» Алиса: «Подарю маме украшение». Я: «А для других москвичей?» Алиса: «Бабушке Любе тоже подарю подарок. Тебе, папе». Я: «Это все твоя семья. А для других москвичей ты что сделаешь?» Алиса, подумав: «Не хочу быть мэром. Лучше буду любить вас и о вас заботиться». Собянин может спать спокойно.

Алиса вдруг вспоминает, как «мама кормила меня молочком» (имеется в виду, кормила грудью). Мы спрашиваем, как это она может такое помнить. Алиса: «Ну как же, это ведь мое прошлое!»

Алиса на площадке ковыряется в снегу и не то поет, не то стишок читает. Я: «Алиса, ты какую-то песенку поешь? Или стишок читаешь?» Алиса: «Нет, не пою и не читаю, я причитаю». Я: «Почему ты причитаешь?» Алиса: «Я понаделала снежных норок для насекомых, а они не хотят туда заселяться».

Алиса катается на лыжах, одновременно играем: я – Баба-яга. Алиса: «Бабушка, давай ты будешь не хищная Баба-яга, а травоядная!»

Я подарила Алисе маленькое зеркальце. Она счастлива: «Как я мечтала о зеркальце! У меня никогда не было своего зеркальца, приходилось в лужи смотреться».

Алиса: «Насупился – это когда слишком много съел супа».

Алиса собирается рисовать и, как всегда, с большой осторожностью старается донести банку с водой из ванной до стола с красками. Я: «А в садике вы сами носите воду, когда рисуете?» Алиса: «Нет. Нам ее преподаватели преподавают».

Я: «Алиса, с кем ты сидишь в садике за столом во время еды?». Алиса: «С Димой». Я: «Тебя с ним посадили?» Алиса: «Нет, я сама с ним села, потому что он мне нравится». Я: «А чем же он тебе нравится, какими качествами?». Алиса: «Ну, с этим я еще не определилась». Я: «Ты в будущем, когда замуж за кого соберешься, заранее определись, ладно?» Алиса: «Замуж я за Диму выйду, вот с этим я уже определилась».

Алиса: «Знаешь, как надо падать, чтобы не разбить коленки? Нужно их протянуть вперед и падать на самое дно ноги».

«Алиса, какой суп ты сегодня в садике ела?». Алиса: «Не знаю. Незвестный науке суп».

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Забираю Алису из садика, вижу, на шкафчике лежит листок: распечатаны силуэты различных фигур, часть из них закрашены. Спрашиваю у Алисы: «Это вы математикой занимались?» Она: «Нет, это не математика, а... глафика (графика)». Позже я поинтересовалась, что же такое графика? И получила исчерпывающий ответ: «Графика – это полезное занятие для развития воображения ума».

Алиса: «А почему отдельная колбаса называется отдельной?» Отвечаю: «Не знаю, почему этот сорт так называли». Алиса: «Я думаю, что она отдельная, потому что, когда ее съешь, внутри тебя такое ощущение, что что-то отделяется». Я: «А что там внутри может отделяться?» Алиса: «Кости, наверное».

Весь день льет дождь, поэтому гуляем на балконе. Алиса, два раза чихнув, заявляет: «Пойдем уже с балкона. Тут холодно, я простудилась». Я: «Ну уж и простудилась, пару раз чихнула всего!» Алиса: «Если два раза чихнула, то у меня уже наполовину насморк».

Алиса ужинает, вытирает губы салфеткой. Я: «Из сада ты чистенькая приходишь, у вас там тоже салфетки есть?» Алиса: «Есть. Но я ими не пользуюсь. Нет ничего глупее пользоваться бумажными салфетками, если можно потом пойти и просто умыться водой».

Занимается логопедией, произносит заданные слова, в том числе – «гуляш», и говорит: «А если женщина была бы, которая любит гулять, про нее бы сказали – гуляшка».

У меня вдруг то ли от усталости, то ли еще от чего зазвенело в ухе, о чем я сказала вслух. Алиса тут же подбежала ко мне и прижала свое ухо к моему: «Бабушка, я тоже хочу послушать, как у тебя в ухе звенит!»

Включила телевизор, там идет спецвыпуск по Первому каналу, обсуждают встречу Путина с Байденом, я вижу своего одноклассника, ныне – сенатора. Я: «Алиса, хочешь я покажу тебе своего одноклассника?» Алиса: «Да!» Я: «Вот этот дядя – мой одноклассник!» Алиса: «Надо же, как он повзрослел!»

Алиса обедает. Полине нужно что-то срочно сделать по работе, она сидит за ноутбуком. Алиса: «Мама играет в работу». Отец: «Мама не играет, мама работает!» Алиса: «Но ведь вся жизнь игра! Мама играет в работу, я в обед, а ты в присмотр за дочкой».

Алиса сходила в сад на занятие театрального кружка после летнего перерыва. Я по телефону спрашиваю: «Тебе понравилось? Какую-то роль тебе дали?» Алиса: «Понравилось. Я играла бумажку». Я: «Букашку?» Алиса: «Нет, бумажку!». Я: «???» Алиса: «Очень хорошая роль. Нужно было по полу кататься, а Стефан, он играл котенка, меня ловил и царапал. Не больно, понарошку». Жаль, Станиславского уже нет рядом с нами.

Алиса по телефону делится впечатлениями о прогулке с папой. Познакомилась с новой девочкой, научилась сама раскачиваться на качелях. Я: «Ты молодец! А девочка тоже сама раскачивалась?» Алиса: «Нет. Она двигалась посредством своей матери».

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Галина Ильина
(Пенза)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

В ожидании апреля

Ещё чуть-чуть –
Взорвутся почки,
Дадут
Зелёный свет
Листве.
Поднимут головы
Листочки
И прикоснутся
К синеве.
И будут
Радовать их
Мошки
И будоражить
Птичья трель...
Ещё чуть-чуть,
Ещё немножко –
И поцелует нас
Апрель.

Весенние бабули

Ветры тёплые подули,
Очищая небосвод,
И весенние бабули
Полетели в огород.
Раньше мошек,
Легче мушек,
Словно бабочки, летят
Огородные старушки
И лопатами звенят.
Вёдра – слева,
Грабли – справа,
И сияние из глаз.
Огород встречает:
– Bravo!
Как я счастлив
Видеть вас!

О нежной душе Верблюда

Шёл расстроенный Верблюд:
– Обижают там и тут,
Говорят – верблюды злые,
Оттого на всех плюют.
Но я вовсе не такой,
Я ни капельки не злой.
Тут Верблюд цветок увидел –
Чуть заметный, голубой.
У цветочка-малыша
Он стоял, едва дыша,
И тихонько согревалась
В нём озябшая душа.

Любимые реки Кенгуру

Если в речке Лимонадной
Искупаться поутру,
Станешь резвой и прыгучей –
Так считает Кенгуру.
И бодрят, и освежают
Лимонада пузырьки.
Кенгуру увидеть можно
Каждым утром у реки.
Вечерами же по нраву
Ей Молочная река –
Успокоит, если нужно,
И видна издалека.

Королевский парик

Король королю
Заявил напрямик:
– У вас некрасивый,
Немодный парик.
Не стыдно ли вам
В чём попало ходить?
В таком парике
Только рыбу удить.
Ответил король:
– Я послушаю вас.
Об этом мечтал я
И думал не раз.
Не нужен мне будет
На речке парик,
К нему до сих пор
Я никак не привык.
Уйду, только слово
Вы дать мне должны –
Не будет в моём
Королевстве войны.
Его не захватите вы,
Мой сосед.
И тут же услышал:
– О нет,
нет,
нет,
нет!

Клянусь королевским
Своим париком!
Но в сторону лжец
Усмехнулся тайком:
– Совру не моргнув я
Соседу-глупцу.
Вторая корона
Мне будет к лицу!
Едва удержал он
Победный свой крик.
Так судьбы народов
Решает... парик.

Изумрудная Лошадь

В город,
На главную площадь,
Пришла изумрудная Лошадь.

Тряхнула она игриво
 Своею зелёной гривой:
 – Садитесь, друзья, покатаю!
 Давно я об этом мечтаю.
 Сказали ей жители дружно:
 – Нам инопланетных не нужно!
 Иди-ка своею дорогой,
 А нас, будь добра, не трогай.
 Обиделась Лошадь, ушла навсегда.
 Обходит она стороной города.
 Да что города – даже страны!
 Катает ветра и туманы...

Мистер Худышка

В доме обычном жил мистер Худышка,

Был этот мистер давно не мальчишка,
 Только не мог он никак подрасти –
 Выглядел мальчиком лет десяти.
 Ел он конфеты и ночью и днём,
 Пил он какао и чай с молоком,
 Сладкие булочки с маком жевал,
 Только полнее и выше не стал.
 Чтобы солидности телу придать,
 Он научился себя надувать.
 И, вырастая, смеялся: «Я – гений!»
 Только однажды не воздух, а гелий
 Он по ошибке в себя закачал...
 Ровно неделю Худышка летал.
 Но не напрасно – сумел он понять:
 Очень опасно себя надувать!

О счастье

Вздохнула однажды
 Копилка Свинья:
 – Мне хочется замуж.
 Богатая я!
 И тут её взгляд
 Очень кстати привлёк
 Набитый деньгами
 Тугой Кошелёк.
 Давно о Копилке
 Свинье он мечтал –
 Хотелось удвоить
 Ему капитал.
 Они поженились –
 Свинья с Кошельком,
 И деньги любили
 Считать вечерком.

Мечты их совпали,
 И взгляды сошлись.
 Сложилась удачно
 Семейная жизнь.
 А где-то Гитара
 Влюбилась в Рюкзак,
 Но счастье своё
 Представляла вот так:
 Весёлые песни,
 Туман над рекой,
 В пути к Рюкзаку
 Прикоснуться щекой.
 Почувствовать
 Нежность его и тепло
 И думать о том,
 Как же ей повезло!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана Тюреева

(Владимирская обл., г. Петушки)

РАССКАЗЫ для ДЕТЕЙ

ПИНЬКА

(Продолжение)

Муки творчества

С бабушкой Агриппина проводила большую часть времени, потому что в детском саду ей не нашлось места. Да семья особо и не горевала об этом. Благо бабушка до пенсии в школе работала, с младшими классами. А после потери зятя, по выходе дочери из декрета, решила взять на себя все заботы и по дому, и по воспитанию младшей внучки. Пинька редко виделась с мамой. Самой главной женщиной в доме для неё была бабушка! Бабушку слушались все: и мама, и сестра, и даже дедушка! А дядя Толя называл её только по имени и отчеству.

Пинька очень гордилась этим и пыталась подражать бабушке во всём! Она ходила за ней хвостиком, постоянно спрашивала: «А зачем? А почему?» – а потом, в отсутствие взрослых, принималась хозяйничать.

Эту часть дома Пинька изучила вплоть до сантиметра. Она так часто стояла в углу, что дедушка, смеясь, обещал переселить её туда жить. Обиженно опустив кучерявую головку, надув губы и шмыгая носом, девчушка хныкала, пыталась разжалобить своего главного защитника: «Я в Золушку играла...» Дед не реагировал! Он молча убирал следы пинькиного «преступления», чтобы спрятать их от бабушки.

Вот старшая их внучка росла спокойным ребёнком и не доставляла столько проблем. А эта – как вождь краснокожих из известного фильма. Ни дня без приключений! Конечно, дед безумно любил своё неугомонное рыжее сокровище, но тут без наказаний было не обойтись...

Оставив младшую на попечение деда, бабушка уехала в соседний город по делам. Утром она долго собиралась, перемеряла разную одежду, вывалив на диван полгардероба, а дед подшучивал: «Шмотья-то, шмотья! В мешок – и на свалку, ведь половину не носишь».

Ключевая фраза была сказана. Пинька получила «руководство к действию».

Дождавшись, когда дедушка займётся своими делами, она вытащила обратно бабушкины вещи и стала примерять. Две трикотажные кофты, украшенные стразами, на Пиньке сидели, как царские платья, только рукава были слишком длинны, и она решила их обрезать. А ещё Пинька знала, что под бальными платьями есть пышные юбки, поэтому, сняв с пуфика чехол, вырезала в его середине дыру и нацепила на себя. Полностью наряд Золушки выглядел так: сначала надевалась юбка из чехла с пуфика, потом блестящая кофта с укороченными рукавами.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Шлейфом служила блуза со стразами, разрезанная по спине и завязанная вокруг шеи. К наряду не хватало туфелек. В том же шкафу «принцесса» обнаружила коробку с новыми туфлями сестры, сунула в них свои маленькие ножки и шаткой походкой отправилась на улицу – показаться.

Дедушка едва закончил наводить порядок в хлеву и уже умывался из бочки для полива, когда до его слуха донеслось: «Гляньте, какая краля тут нарисовалась! Никак одну оставили? Вот бабушка-то обомлеет!»

Хороший день

Солнечные зайчики прыгали с потолка на стены комнаты, радуясь ясному дню. Ветер играл шторами окна, выходящего в сад. На подоконнике тщательно начищал мордочку кот Цыган, а из большой комнаты доносились голоса взрослых.

Пинька проснулась, но никак не хотела вылезать из-под одеяла. Она лежала с закрытыми глазами и с восторгом вспоминала вчерашний день. А день вчера был полон событий! Сначала познакомилась с новыми друзьями, сразу с четырьмя, приехавшими в их посёлок погостить на лето. Ребят так складно звали, что у Пиньки сразу сложился стишок:

Коля с Толей – братья ваши,
Вы сестрёнки, две Наташи,

который они все вместе весело напевали, как песенку.

Первым делом Пинька повела ребят на осмотр местных достопримечательностей. Она показала новым друзьям речку, в которой водятся русалки; тарзанку, с которой большие мальчишки пытаются эту речку перелететь; самое-самое толстое дерево, в тени которого здорово играть; могилу воробья, похороненного ею на днях; и даже дом с привидениями, мимо которого Пиньке страшно ходить, потому что там всегда кто-то воет.

Потом она привела всех в свой домашний зоопарк, где водились: учёный кот Цыган, охотничья собака Нелька, толстый поросёнок Борька, куры с петухом и знаменитые зайцы-кролики. У последних недавно появились крольчата, но трогать их было ещё нельзя (слишком маленькие), а посмотреть через решётку клетки или сунуть какую травинку можно!

Экскурсия завершилась осмотром сада. Редкие оставшиеся на кустиках клубники ягоды оказались самыми сладкими, редиска и лук – самыми жгучими, щавель – самым кислым!

Тут на глаза Пиньке попались молоденькие, недавно посаженные дедом кустики смородины. На их веточках красовались тонкие подвески с крупными, как бусины, чёрными ягодами.

– Вот, угощайтесь, – сказала «хозяйка» сада. – Я сейчас что-нибудь ещё принесу!

«Чем-нибудь ещё» оказались блины, сахарный песок, большая миска и ручной блендер.

– Здорово мы вчера дружили! – завершила воспоминания Пинька, проглотив слюну. – Жаль только – ягод не осталось, я бы сейчас поела!

Тут из большой комнаты донеслось слово «смородина», и Агриппина прислушалась.

– Два года не могу оценить, какой сорт посадили. Вчера опять как Мамай прошёл! Всё, пусто! – возмущалась бабушка.

– Один кустик не нашли, тот, что за сараем, тоже назрел. Я вчера проверил!

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

– За са-ра-ем?! – прозвучало, как «Ура!», и рыжеволосая головка приподнялась с подушки.

Пинька появилась на пороге большой комнаты. Её пальцы, щёки и майка были в сине-красных пятнах, в волосах торчал смородиновый лист.

– Деда, за сараем тоже нет, я проверила!

Пострадавшая

Пинька стояла перед трюмо, с ужасом всматриваясь в отражение. Оттуда, из зазеркалья, на неё смотрела страшная, скуластая, губастая и узкоглазая физиономия. Боль и жжение прошли, спасибо бабушкиным примочкам, но уксусом от неё ещё пахивало. После вчерашнего страшно было выходить на улицу. Ей казалось, что ужасные осы выжидают разрушительницу их жилища у крылечка, чтобы отомстить. А она лишь играла в Дюймовочку! Найдя на дороге горелую спичку, Пинька наряжала её в цветочные головки, представляя маленькую фею в бальных платьях. Она придумывала различные приключения с ней, а потом, обнаружив на кусте смородины шарик с дырочкой, решила, что это домик эльфов. Пинька нарядила Дюймовочку в невесту, в самый лучший наряд из цветка вьюна, обвивавшего ту же смородину, и повела в гости – знакомиться. Она всего-навсего хотела поковырять в домике прутиком, чтобы эльфы вылезли, потому что докричаться не смогла...

Время шло, Пинька смирилась со своим новым обликом, но выходить из дома ещё не решалась. А летний день, как назло, так и манил насладиться солнечным теплом.

– Да иди уж, не бойся! – сказала бабушка. – Колька вон три раза про тебя спрашивал. Так и вьётся возле нашей калитки!

Желание поразить друга своим внешним видом взяло верх, и Пинька решилась. Но поражать – так поражать! Она надела старые шорты и футболку сестры, на голову – дедушкину кепку, запрятав под неё все свои волосы, и, натянув козырёк до бровей, вышла на крыльцо. Ни ос, ни Кольки рядом не было.

– Это хорошо, – подумала Пинька. – Так даже лучше! – И вышла на улицу через задворки.

Она прогуливалась возле Колькиного забора, сбивая прутиком крапиву, когда услышала знакомый голос: «Пинь!» – и по привычке обернулась.

– Ты кто? – удивился Колька, вытаращив глаза. Он так смешно это сделал, что Пинька разразилась смехом.

– Ты это чё? Ты это как? – не унимался друг и, получив объяснения, предложил: – А давай кого-нибудь ещё обманем!

Бабка Вера стояла у калитки пинькиного дома и громко звала бабушку: «Забирай свою шпану, Валентина! Это ж надо, чего удумали, а? Она же у тебя японец Пень-Пень, которому домой ехать не на что. И Колька-то, шельмец, меня, слепуху дурачит. А я как кепку-то сняла, а он рыжий, японец-то! Ха-ха, рыжий!».

Красота и жертвы

Серое небо опустилось над посёлком. В окно непрерывно стучались мелкие капли, ветер чем-то хлопал на крыше, и всё вокруг Пиньке казалось мрачным и скучным. Бабушка ненадолго отлучилась, оставив её одну в пустом доме, перед телевизором.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

– И у нас тётушка-непогодушка расчихалась, – сказала Пинька, просматривая сказку про Марию-искусницу. Её больше волновало не действие сказочных героев, она всё про них уже знала, а пачка фломастеров, лежащих на телевизоре. Пиньке очень хотелось рисовать, а без разрешения ничего брать нельзя, и бабушки долго нет.

– Если фломастеры не спрятали – значит, взять можно, – решила она для себя и принялась за дело. Сначала нарисовала на окне большой круг, превратив его в солнышко. Получилось не очень ярко. Потом нашла в письменном столе у сестры почти чистую тетрадь и проверила в ней всю пачку на цвет.

– Красиво пишут, не то что карандаши из маминой сумочки, – радовалась она. – Те то размажутся, то сломаются!

Чистые листы закончились, и Пинька перевела взгляд на обои – цветочки и закорючки на них выглядели бледными, тусклыми. Она уже раскрасила несколько в яркие цвета, когда ей в голову пришла новая идея.

Сняв со стены черно-белое фото «молодой» бабушки, рисовальщица тщательно принялась раскрашивать лицо на нём в розовый цвет. Получилось очень ярко, как будто бабушка клубники объелась.

– Это потому, что глаза и губы ещё серые, – уверяла себя Пинька, продолжая труд.

Последним штрихом её творчества стали бабушкины волосы! Они уже превратились в коричневые пружинки, как... В комнату вошла хозяйка портрета...

– Когда цветное, всегда же красивей, – хныкала обиженно Пинька, стоя в углу за холодильником.

Она нарочито громко шмыгала носом и от безделья ковыряла пальчиком обои. Обои странным образом пружинили на самом сгибе угла. Там, под слоями бумаги, была пустота. Пинькин палец прорвал бумагу, и образовалась дырка, через которую виднелось что-то красненькое. Забыв про обиду, девчушка поддалась любопытству и, аккуратненько подцепив края бумаги, потянула их в стороны. Под верхним слоем обоев показался интересный рисунок в виде золотых завитков на вишнёвом фоне. Завитки уходили высоко вверх и там, наверное, переплетались!

– А может, там живет зубная фея? – подумала Пинька и рванула посильней края обоев.

Огромный кусок (прямо до потолка) оторвался, накрыв собой рыжую шевелюру. Громкий визг возвестил о случившемся, и на этом Пинькино наказание закончилось.

А вечером, приехав с работы, дедушка успокаивал обеих:

– Да мы, Валентина, так и так ремонт делать хотели, – говорил он бабушке, а зарёванная Пинька жалась к своему защитнику, вслушиваясь в каждое его слово.

– Вот только не знаю, чем теперь стены-то обклеивать? Опять, чего доброго, изрисуешь, или проткнёшь, – продолжал он, поглаживая кудрявую шевелюру внучки.

– А вы меня надолго в угол не ставьте, – заговорщически прошептала Пинька.

Звезда

День в больничной палате Пиньке казался вечностью! Белые халаты врачей, незнакомые тётеньки на соседних кроватях, стены сине-зелёного цвета – всё навевало тоску, и очень хотелось к маме. Из-за толстого марлевого компресса левая щека Пиньки казалась надутой и придавала личику обиженный вид.

– Я тоже буду лечить, как доктор, – шептала она, пытаясь прилепить ватный комочек к отколотому краешку тумбочки. – Был бы пластырь, или хотя бы жвачка!

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Недолго думая, девочка рванулась в коридор, но строгий голос приказал вернуться в палату: «Обход не закончен!»

– Дома велют сидеть смирно, только когда провинюсь, а здесь всегда, – обиделась она. – Ещё уколы делают, а это больнее, чем крыжовник рвать!

Шаркая тапочкой по «больной» тумбочке, обиженная продолжала рассуждать: «Я вообще-то смелая, уколов не боюсь, у меня даже ухо стреляло, вот!» Боевое слово «стреляло» придало решительности, и Пинька, вспомнив отважных мультяшных героев, стала потихоньку напевать их песенки.

– Да ты у нас артистка! – раздалось с кровати по соседству. – Ну-ка, давай спой нам что-нибудь.

Все пять тётенок развернулись в её сторону! Пинька не заставила себя ждать и с удовольствием исполнила песни, что разучивали с бабушкой. А когда на концерт заглянули зрители из других палат, дежурные медсестра и санитарка, Пинька решила показать всё, что умеет, переходя от стихов к танцам. Её хвалили и дружно аплодировали, пока не объявили время уколов.

– Вырасту – буду артисткой! – решила про себя «звезда», принимая от своих зрителей то конфетку, то печенье.

– Вот почему артисты богатые, рассуждала она. – Им всё дают за то, что они умеют петь и танцевать. И я умею! Вон сколько заработала, обзавидуешься!

Со вчерашнего дня Пинька чувствовала себя знаменитостью! Ей в больнице все улыбались, разрешали заходить в любую палату, даже на кухню. Угощали чем-нибудь сладеньким или просто ласково гладили по голове.

– А в кого же ты такая кудрявая, звезда наша? – спросила санитарка, подавая стакан киселя и булочку. – Кто у тебя в семье кудрявый?

Пинька стала с важным видом объяснять, чьи у неё глаза, нос и уши. А вот чьи волосы – не знала, потому что кудрявых в семье не было.

«Странно! – подумала девочка. – Так же не бывает!» Она стала вспоминать дальних родственников, друзей и знакомых, у кого были кудрявые волосы. И вдруг вспомнила:

– Знаю, знаю у кого! У нас, через дом, живёт дядя Вова, сосед, – он кудрявый-кудрявый!

Хохот, раздавшийся в столовой, был настолько неожиданным, что Пинька поперхнулась от удивления. Вокруг неё все смеялись и плакали. Вернее, то ли смеялись, то ли плакали – непонятно.

– Чудные эти взрослые! – думала она, уплетая булочку с киселём. – Им правду говоришь, а они смеются!

Станным ей показалось и то, что история с волосами затмила вчерашнее выступление. Весь остаток дня появление Пиньки на публике вызывало улыбки. Даже врач во время утреннего обхода, потрепав её за волосы, с улыбкой сказал: «Значит, говоришь, сосед кудрявый?!»

– А в больнице не так уж плохо, если б не уколы, – рассуждала позднее знаменитость. – А мама-то как обрадуется, когда про меня расскажут!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Игорь Калиш

(Нью-Йорк, США)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Колыбельная для ёлочных игрушек

Вот и закончен праздник Новый год.
Игрушки отдыхать идут в коробку.
Погладил Шарик кругленький живот,
А Клоун почесал украдкой попку.
Легли сосульки все на левый бок,
Бумажная Снежинка засыпает,
А маленький пластмассовый щенок
Нос положил на лапы и зевает.
Гирлянды спят, свернувшись в уголке.
Спят лампочки и с позолотой шишки.
Спит гномик-крошка в красном колпаке
И вязаные зайчики-трусишки.
И тишина...
Снежок летит, летит...
Морозом разукрашены окошки.
И Ангелок со всеми тоже спит,
Расправив крылья и сложив ладошки.

Повесили на котю всех собак

В прихожей лужа, шторы в лоскутки –
Точил котёнок в кухне коготки.
Диван ободран, но совсем чуть-чуть,
Разбилась ваза, но не в этом суть,
А дело в том, что люди, просто так,
Повесили на котю всех собак.

Про маленькую свинку

У хорошенькой маленькой свинки
На глазах от обиды слезинки:
– Я на море ещё не бывала,
Я не плавала и не ныряла.
И не видела даже песка я...
Так не честно! Я свинка морская!
Кочерыжку с морковкой доела
И на море от всех улетела.

Агроном

На даче Червяк
 Служил агрономом.
 Ютился в землянке
 За стареньким домом.
 Работу любил,
 Понимал что к чему.
 Бригада червей
 Подчинялась ему.
 Весь день этот ловкий
 Мужик длинношей
 С коллегами рыл
 В огороде траншеи,
 А вечером лунным,
 В саду за калиткой,
 О чём-то шептался
 С тихоней Улиткой.

О чём пожалел пират

Пират вымыл миски,
 Тарелки и чашки,
 Потом постирал
 Все носки и рубашки.
 Хотя и устал он
 И был очень зол,
 Но пуговиц пару
 Пришил на камзол.
 Налил в кружку ром:
 – Йо-хо-хо, где компот?
 Как жалко, что маму
 Не взял я в поход.

Пузатая мелочь

Пузатая мелочь
 Клевала активно.
 Смотреть было
 Щуке на это противно:
 – Всех выловят!
 Жалко малюсеньких крошек.
 И вмиг проглотила
 Всю стайку рыбёшек.

Волшебное зелье

Волшебное зелье
 В старинном горшочке
 Варила колдунья
 Для маленькой дочки.
 Побольше лягушек
 В бульон положила –
 От них у дочурки
 Прибавится сила.
 Пиявок насыпала
 И пауков –
 В них есть витамины
 Для детских мозгов.
 В огонь подложила
 Дубовую чурку
 И бросила в супчик
 Змеиную шкурку.
 Сказала:
 – Карамба! Марамба! Але!
 И дочка влетела
 Домой на метле.

Просыпалочка для мальчика

Позолочены макушки
 У берёзок и дубов,
 Солнце катит вдоль опушки,
 Разгоняя комаров,
 Просыпаются ромашки
 И танцуют с мотыльком,
 В доме пахнет вкусной кашкой,
 Пирожками, молоком.
 По дорожке скачет зайчик,
 Птичка весело поёт,
 Потому что милый мальчик
 Потянулся и встаёт.

Счастливая пыль

Пыль на полке полгода лежала,
 Отдыхала и книжки читала.
 – Повезло – я такая счастливая,
 Потому что хозяйка ленивая!

Про учёного, кошку и мышку

Учёный сказал,
 Что у кошки и мышки
 Есть ушки и лапки,
 Усы и подмышки,
 Поправил очки
 И, подумав немножко,
 Добавил,
 Что нет у животных подкошки.

Родное Собакино

Уж в Ужгород
 Едет на электричке,
 Бежит в Лисичанск
 Лисичка к сестричке.
 В Котовск укатили
 Коты и котишки,
 А в Мышкин уехали
 Серые мышки.
 Летят в Гусь-Хрустальный
 Гуси на лето,
 До Курска купили
 Куры билеты.
 Вороны в Воронеж
 Готовы лететь,
 В Медведково
 Топают бурый медведь.
 И только Полкан
 Никуда не спешит –
 Родное Собакино
 Он сторожит.

Краб

Краб живёт на дне морском.
 Продвигается ползком,
 Смотрит зорко в оба глаза –
 Нет ли рядом водолаза,
 Злых акул, и рыбаков,
 И случайных дураков.

В кладовке

Откроешь дверцу,
 Ступишь за порог –
 Здесь в полумраке
 Запахи таятся.
 Лежат в корзинке
 От пеструшки яйца,
 Под марлей в миске
 Нежится творог,
 А в крынке –
 Молоко под слоем сливок.
 Мерцает мёд,
 И солнцем пахнут сливы...
 И кошка трётся ласково у ног.

Как Баба-яга стариной трягнула

В избушке сидела
 Яга у окошка,
 А рядышком
 Старая чёрная кошка.
 Старушка вздыхала
 И всё вспоминала,
 Как здорово раньше
 Она колдовала.
 Могла превратить
 И корову в оленя,
 Болотную жижу
 В желе и варенье,
 Пиявок – в конфеты,
 Поганки – в картошку.
 Старушка погладила
 Чёрную кошку.
 Потом почесала
 Седую макушку,
 Легко превращая
 В карету кадушку!
 Любимую кошку
 Ухой покормила,
 Напудрила нос –
 И на бал укатила.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

КУЛЬТУРА ПОД НОГАМИ

Природа гармонична и разумна. Ее существование и развитие подчинено строгим и красивым законам, позволяющим удерживать равновесие – соблюдать баланс между внешними и внутренними факторами со знаком + или – , которые способны переместить гармонию в ту или иную область с последующим уравновешиванием факторов – по принципу маятника. Казалось бы, Homo sapiens, как порождение и часть природы, должен следовать этим законам, но не тут-то было.

Этот венец творения возгордился и не желает трудиться для поддержания равновесия, гармонии даже вокруг себя самого. Что большинству до призыва Сент-Экзюпери: «Есть такое твердое правило... Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету... Это очень скучная работа, но совсем не трудная»? Да и много ли таких, кто читал «Маленького принца»?

Санкт-Петербург – культурная столица России – прекрасен во многих отношениях. Я люблю этот город, и чувство это имеет не восхищенно-гостевое происхождение, а родственное: мой отец – коренной ленинградец, а значит, половина меня принадлежит этому городу. Может быть, именно от этого мне бывают горьки некоторые наблюдения?

Так получается, что уже много раз я приезжаю в Санкт-Петербург зимой – в январе. В конце девяностых все можно было списать на безденежье и разруху, в начале десятых – на необходимость решения других важных задач, в 2015-м основные трудности, казалось бы, остались позади – и все же... Но уж в январе 2022 года – почему? Почему зимой в насквозь пропитанном великой культурой Санкт-Петербурге невозможно ходить по улицам? Ледяные холмы, сугробы да грязная жижа из-под колес проезжающих машин. Квест на выживание.

Культура предполагает порядок везде, в том числе и под ногами. Это, конечно, относится к любому городу, к любому месту. Как у Экзюпери: привел в порядок себя – приведи в порядок планету. Почему у нас это правило не работает? На ум приходит подсказка другого писателя: «Разруха не в клозетах, а в головах» (М. А. Булгаков, Собачье сердце). Сказано было столетие назад, а актуальность не утеряна.

Сознание человека, включая моральные и этические нормы, формируется под воздействием окружающей среды в широком понимании – исторических событий, фундаментальных прогрессивных скачков (любого рода революций – техногенных, культурных), господствующих религиозных убеждений и даже, в определенной мере, географического месторасположения индивида. Россия, территориально объединяющая Запад

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

и Восток, казалось бы, имеет уникальную возможность выбрать лучшее из двух великих культур, но этого почему-то не происходит.

О чистоте духовной и физической на Западе иногда говорят как о второй добродетели после благочестия. А на Востоке, например в синтоизме, она – само благочестие.

Синтоизм (синто, «путь богов») – древняя религия, которая существовала в Японии задолго до буддизма и в сердце которой лежит чистота, остающаяся по сей день основой японской самобытности.

Важная концепция в синтоизме – кегаре (загрязнение, осквернение), в противоположность чистоте. Примерами кегаре может служить многое – от смерти и болезней до любой неприятной вещи. Чтобы избежать кегаре, нужны частые ритуалы очищения.

«Если человек страдает кегаре, это может принести вред всему обществу – объясняет Нориаки Икеда, помощник синтоистского священника в хиросимском храме Канда. – Так что практиковать чистоту жизненно важно. Это очищает вас и помогает избежать бедствий для всего общества. Вот почему Япония – очень чистая страна».

Те, кто впервые приезжает в Японию, бывают потрясены чистотой на улицах, отсутствием мусорных урн и метущих улицы дворников. И тогда они задаются вопросом: как Японии удается оставаться такой чистой? Ответ простой: это сами жители поддерживают страну в таком состоянии.

«Все 12 лет в школе, с начальных классов до старших, уборка всех школьных помещений входит в ежедневное расписание занятий, – рассказывает Маико Аване, заместитель директора токийского офиса правительства префектуры Хиросимы. – В конце школьного дня учительница в классе говорит о планах на завтрашний день и в конце делает традиционное заключительное объявление: “Сегодняшний порядок уборки. Первый и второй ряды убирают в классе. Третий и четвертый – в коридоре и на лестнице. Пятый ряд – туалеты”. Слышатся стоны тех, кто сидит в пятом ряду, но все встают, расхватывают швабры, тряпки и ведра из шкафа, что в глубине классной комнаты, и уносятся кто куда, в том числе – в туалеты. Подобное происходит во всех японских школах, каждый день. Дома родители тоже приучают детей к тому, что это очень плохо – не поддерживать чистоту и порядок в своей комнате и в своих вещах».

Включение уборки как элемента общественного самосознания в учебную программу помогает детям выработать ответственность за все их окружающее. Кто захочет загрязнять и портить школу, в которой сам убирает каждый день? По мере того как дети подрастают, их зона ответственности за чистоту расширяется – сначала до квартала, затем до города и всей страны.

Ответственность за все окружающее – это, похоже, как раз то, чего не хватает нам, жителям страны, балансирующей между Востоком и Западом. Стремление к духовной и физической чистоте каждого могло бы в итоге привести к гармоничным отношениям с окружающим миром. И тогда приведение в порядок планеты по утрам стало бы хоть и довольно скучным, но совсем не трудным делом.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Анастасия Милютина
(Москва)

ИССЛЕДУЯ АЛТАЙ.

Хроники одного путешествия

Идея поехать на Алтай пришла зимой. Как-то январским утром я смотрела на карту России и отмечала, в каких городах есть аэропорты. Первый черновик маршрута был составлен в то же утро. Идея казалась безумной и неподъемной, но в середине февраля мы уже купили билеты до Барнаула, а в конце – забронировали гостиницы и машину. Предполагалось, что каждую ночь в течение недели мы будем останавливаться в разных местах и таким образом сможем прокатиться как по Горному Алтаю, так и по Алтайскому краю. Наше путешествие началось в аэропорту Барнаула – столицы Алтайского края.

Алтайский край – это Западная Сибирь и равнинная территория, в основном степь и лесостепь.

Не заезжая в центр города, мы сразу двинулись в Бийск – сегодня это второй по величине город, единственный за Уралом, который появился по указу Петра I как форпост – место, где происходили важные торговые операции. Пару часов побродили по городу... Это было похоже на путешествие в прошлое. После обеда мы поехали в небольшое село Сростки, расположенное на берегу Катуня, в которой даже удалось искупаться. Село славится тем, что это родина Василия Шукшина. Он здесь родился, провел детство и юность. Из знаковых достопримечательностей: дом В. М. Шукшина, дом его матери, школа, в которой учился Шукшин, а также гора Пикет, на которой установлен монумент. Издали кажется, что писатель сидит на вершине и смотрит на свою родину.

Закат мы встретили на горе Туугая высотой 641 метр над уровнем моря. Эта гора является визитной карточкой Горно-Алтайска – столицы и единственного города Республики Алтай. Именно в Горном Алтае расположена самая высокая точка Сибири – гора Белуха высотой 4509 метров.

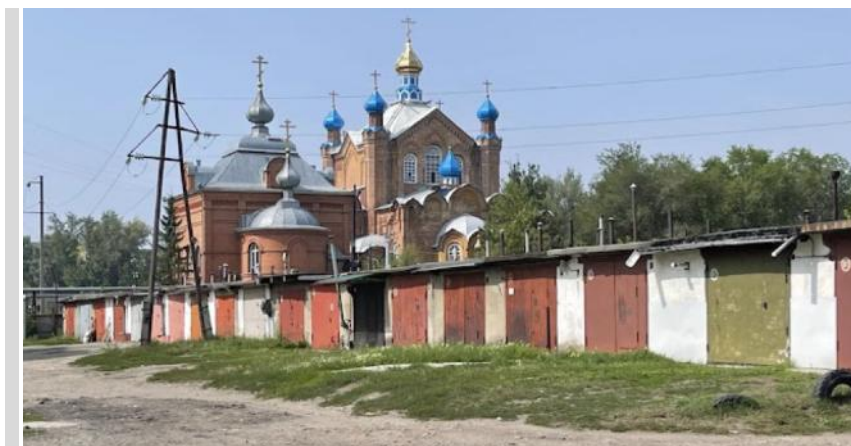

Дом В. М. Шукшина

Памятник писателю

Не так давно Горный Алтай и Алтайский край были единым регионом. До 1991 года, то есть почти до распада СССР, Республики Алтай как отдельного субъекта не существовало, а была Горно-Алтайская автономная область в составе Алтайского края.

Из интересных достопримечательностей Горно-Алтайска стоит отметить родник на Коммунистическом проспекте – центральной улице Горно-Алтайска, и церковь Макария Алтайского. Храм был построен в 2004–2006 годах и является уменьшенной копией церкви Николая Чудотворца близ Звенигорода.

Черемшанский водопад высотой 5 метров, считающийся доступным природным объектом, стал первым увиденным нами водопадом. Никаких указателей к нему нет. Найти его можно лишь двигаясь интуитивно по картам.

Через весь Горный Алтай до Монголии идет Чуйский тракт. По версии National Geographic, это единственная дорога в России, входящая в ТОП-10 самых красивых дорог мира.

Двигаясь по Чуйскому тракту, после Черемшанки мы заехали в Манжерок. Здесь находится горнолыжный комплекс. Подъемник работает круглогодично и ведет к вершине Малой Синюхи. Необычное название гора получила из-за того, что воздух на ее вершине немного разрежен и она, покрытая девственным лесом, приобретает слегка синеватый оттенок. На верхней станции расположена смотровая площадка, на самой вершине – колодец желаний.

Манжерок, горнолыжный комплекс

Злотая баба

Есть здесь и *дерево духов*, которое можно узнать по множеству ленточек, завязанных на его ветвях. Еще одна достопримечательность – *Золотая баба*. По преданию, Золотая баба – мать всего живого, покровительница плодородия, богатства и судьбы.

На 493 километре Чуйского тракта мы увидели подвесной пешеходный мост через Катунь и, конечно, не могли проехать мимо. Перейдя через него, вы попадаете на тропу, ведущую к Камышлинскому водопаду. Это один из наиболее посещаемых и легкодоступных алтайских водопадов. В 1996 году водопад получил статус республиканского природного памятника. К машине мы вернулись на моторной лодке, прокатившись пару километров по самой Катунь.

Второй день нашего пути закончился в Чемале, к которому ведет Чемальский тракт (ответвление Чуйского тракта). В советское время, в 30-х годах, здесь был основан курорт для руководителей партии и государства, а также их семей.

Катунь

Камышлинский водопад

Слияние рек Чуи и Катуня

Утро третьего дня началось в селе Аюла, к которому ведет подвесной мост «Зубы дракона». Отсюда мы отправились в конный тур. Сначала ехали по полю, а потом через горный лес поднялись на одну из вершин, находящуюся рядом с Чемальской ГЭС над слиянием рек Чуи и Катуня. Это непередаваемое ощущение – наблюдать, как сливаются меж гор реки разных цветов.

Поскольку накануне в Чемале мы ничего не успели посмотреть, то ближе к вечеру решили вернуться, чтобы взглянуть на каменный остров Патмос, расположенный посреди горной реки Катуня.

Путь на остров лежит через подвесной мост, растянутый над Катунью на высоте 15 метров. Свое название скальное образование посреди реки получило в честь одноименного греческого острова Патмос, куда был сослан Иоанн Богослов. Построенная на нем церковь максимально соответствовала оригинальному храму, где когда-то жил апостол.

Храм был возведен еще в 1849 году, однако он стоял не на острове, а неподалеку от него.

В 1915 году Патмос был освящен, и Иоанно-Богословский храм перенесли на него. Храм на острове представляет собой небольшую деревянную церковь площадью около 20 квадратных метров.

Еще одной интересной достопримечательностью является Чемальская ГЭС, расположенная на реке Чемал, близ места слияния с Катунью. В 2011 году Чемальскую ГЭС закрыли. Построенная в 1935 году для ближайшего санатория и жилых домов, Чемальская ГЭС стала первой гидроэлектростанцией в Республике Алтай и обеспечивала электроэнергией не только Чемал, но и многие окрестные села. Но в 2000-х годах мощности хватало только чемальский санаторий, и она потеряла свою актуальность.

В двух десятках километров от Чемала находится урочище Че-Чкыш, или как его еще называют, «Долина горных духов» – небольшое, но живописное ущелье. Где-то на середине

пути тропа разветвляется: направо дорога ведет к водопаду, а налево – к обзорной площадке. Существует заблуждение, что это природный водопад. Отличным местом для завершения этого дня стала смотровая площадка высотой 715 метров над уровнем моря. Ночь мы провели в Онгудае – оттуда было удобно выдвигаться на следующий день дальше по Чуйскому тракту в сторону Марсовых гор.

На 713 километре Чуйского тракта находится смотровая площадка, это одно из самых известных мест Горного Алтая – слияние рек Чуи и Катунь. Необыкновенно красивое место. Здесь можно сидеть часами и наслаждаться потрясающими видами этой природной феерии.

Через 70 километров вниз по Чуйскому тракту мы въехали в село Чаган-Узун. Именно здесь начинается грунтовка, ведущая к Марсианским горам. При взгляде на Марсианскую долину Алтая создается ощущение, что невидимый скульптор снял с горы ее привычный темный покров и тщательно отшлифовал все углы. Горы несколько миллионов лет скрывались под водой, являясь чашей гигантского реликтового Чуйского озера.

На 97 километре Чуйского тракта стоит указатель на Гейзерное озеро. Его фотографии часто мелькают в интернете. Это уникальная достопримечательность, небольшое термальное озеро около 30 метров в диаметре, в центре которого бьют источники, формирующие причудливый рисунок на дне. Ни возраст, ни происхождение озера ученым не известно. Есть версия, что оно возникло во время строительства ЛЭП, также есть предположение, что Голубое озеро возникло в результате Чуйского землетрясения в 2003 году. Максимальная глубина озера всего 2 метра, вода кристально чистая, поэтому глинистые узоры на дне можно наблюдать с любого берега в любую погоду.

Марсианская долина Алтая

Интересно наблюдать, как меняются пейзажи Чуйского тракта, по которому мы проехали несколько сотен километров. Начиналось все с равнин, полей, затем пошли холмы, лесистые горы... и уже ближе к Марсу горы становятся голыми, а вдалеке видны снежные хребты...

После ночи в Караколе мы направились в Алтайский край через Тавдинские пещеры и Чертов палец. Тавдинские пещеры – это карстовый массив из порядка 30 пещер на левом берегу Катунь. Пещеры были названы по ранее располагавшемуся поблизости населенному пункту – деревне Тавда.

К вечеру мы вернулись в цивилизацию. С этого момента появилось ощущение, что началось новое путешествие: Горный Алтай закончился и начался Алтайский край.

Село Новая Белокуриха основали в 1846 году. А 7 июля 1867 года здесь были открыты радоновые источники. Эту дату можно считать рождением курорта. В настоящее время в городе действуют 19 санаторно-курортных и санаторно-оздоровительных учреждений.

Наиболее известная и посещаемая часть комплекса – Большая Тавдинская пещера. А недалеко от нее находится Тавдинская-2, на горе, над пещерой есть площадка, с которой открывается панорамный вид на реку и окрестности.

Говорят, что с вершины Чертова пальца тоже открываются изумительные виды на Катунь и окрестности. Мы же поднимались на скалу в туман. Чертов палец имеет скальный выступ, напоминающий торчащий из земли палец. Сходство еще более усиливает «коготок», возвышающийся на вершине скалы.

Московский BAZAR № 1 (40) 2022 г.

Весь следующий день мы провели в горах. Сначала отправились на Церковку. Сюда ведет получасовой кресельный подъемник. Широкая тропа, идущая через сосновый лес, приводит к стоящей на краю крутого спуска скале. Вершину Церковки венчает глыба, похожая на церковный купол, – отсюда и название. После обеда мы отправились на экскурсию-трекинг на скалу Четыре брата и гору Круглая. Четыре брата – самый известный геологический памятник Белокурихи. В каменных изваяниях высотой около 10 метров угадываются силуэты четырех мужчин, прижавшихся друг к другу плечами. К Круглой ведет достаточно крутой подъем. На некоторые валуны организован подъем в виде деревянных лестниц. Мы были наверху во время тумана. Думаю, если попасть туда в ясную погоду – это будет незабываемо!

Наш заключительный день начался с «Белокурихи-2». Это проект создания совершенно нового курорта в 10 километрах от действующего курорта Белокуриха. К сожалению, кроме 7,7-километрового серпантина, открытого еще в 2015 году, ничего примечательного там не оказалось.

К вечеру нас уже ждал Барнаул. Наше путешествие подошло к концу. Эти незабываемые 6 дней были очень насыщенными и прошли даже лучше, чем мы ожидали!

И мы обязательно туда вернемся!

Скала «Четыре брата» и гора Круглая

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2022